Министерство образования и науки Республики Хакасия

Государственное бюджетное научно-исследовательское
учреждение Республики Хакасия
«Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»

Е. Е. Тиникова

О. Л. Лушникова

УРБАНИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ХАКАСИИ К ГОРОДСКИМ УСЛОВИЯМ

Монография

Книжное издательство Бригантина

Абакан•2024

УДК 94(571.513)
ББК 63.3(2)6-4(2Рос.Хак)
Т-42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Хакасского научно-исследовательского института, языка,
литературы и истории
(протокол № 4 от 28.09.2023)

Рецензенты:
доктор философских наук Е. А. Ерохина, Новосибирск
доктор исторических наук Д. Г. Брагина, Якутск
кандидат философских наук И. Н. Трошкина, Абакан

Тиникова Е. Е., Лушникова О. Л.

УРБАНИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ХАКАСИИ К ГОРОДСКИМ УСЛОВИЯМ. Монография. – Абакан: Бригантина, 2024. **–** 222 с.

Книга посвящена проблеме влияния урбанизации на развитие основных этнических групп Хакасии. Авторы описывают адаптационные процессы среди городских хакасов и русских, переехавших из сельской местности в городскую после 1991 г., а также характеризуют в целом процесс взаимовлияния этничности и урбанизации в регионе. На основе результатов социологического опроса анализируются трудности социальной адаптации сельских мигрантов, факторы ее успешности и завершенности, стратегии адаптивного поведения сельских мигрантов. Книга адресована научным работникам, преподавателям и студентам, всем интересующимся проблемами урбанизации.

ISBN 978-5-6051326-6-0

© ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», 2024
© Е. Е. Тиникова, О. Л. Лушникова, авторы, 2024

Оглавление

Введение 4

ГЛАВА 1. Теоретико-методологические аспекты изучения урбанизации и адаптации 11
1.1. Основные подходы к исследованию процессов урбанизации в отечественной науке....11
1.2. Социологический подход к исследованию проблемы адаптации 37

ГЛАВА 2. Урбанизация Хакасии в постсоветский период (1991–2020 годы) 67
2.1. Численность и расселение городского населения 67
2.2. Состав городского населения 95
2.3. Формирование городской среды....121

ГЛАВА 3. Социальная адаптация сельских жителей Хакасии к городским условиям 129
3.1. Трудности адаптации сельских мигрантов к городским условиям 129
3.2. Факторы адаптации (уровни адаптированности) 160
3.3. Стратегии адаптивного поведения сельских мигрантов....184

Заключение 205

Источники и литература 207

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. понятия «урбанизация» и «урбанистическое общество» стали одними из центральных для описания современной реальности. При этом оба понятия обросли разнообразными значениями. Ученые, дискутируя о критериях, формах, этапах урбанизации, моделях урбанизационного развития различных стран и регионов мира, предлагают все новые трактовки этих понятий. Вместе с тем очевидный интерес как со стороны общества, так и со стороны профессиональных ученых к процессам урбанизационного развития свидетельствует об актуальности данной тематики.

В широком смысле в современной науке урбанизация рассматривается как определенный этап исторического развития, на котором происходит переход из сельского состояния в городское в связи с индустриальным развитием и модернизацией всех сфер жизни общества. Поэтому перед учеными стоят задачи изучения не только количественных параметров урбанизации, но в том числе и всех социокультурных процессов с ней связанных. Культурологический и антропологический подходы в российской урбанистике – относительно молодые направления научных исследований, история которых начинается лишь около 30 лет назад. Поэтому различные трансформации отдельных социальных групп, в том числе и этнических, в условиях урбанизации стали предметом научных исследований не так давно. И это несмотря на то, что Макс Вебер еще столетие назад писал о поглощении городом этнической идентичности. Вторили ему и такие известные социологи-теоретики как М. Арчер, М. Элброу, Э. Гидденс, полагавшие, что в условиях глобализации и урбанизации этничность постепенно стирается.

Мысль о невозможности сохранения традиционных устоев жизни в городской среде также поддерживают исследователи Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Например, известный российский ученый В. А. Тишков на примере Москвы показал, как происходит растворение национальностей и культур в пользу русскоязычной российской культуры и русской идентичности. При этом происходит

утрата этнической культурной традиции, которая гораздо сильнее у человека, проживающего в сельской местности[1]. Иных взглядов придерживается директор Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН Л. М. Дробижева. По ее мнению, этническая идентичность в городах представлена не меньше чем в сельской среде, при этом этническая подвижность здесь более выражена. В городе гораздо чаще, чем в селе, встречаются люди, имеющие потребность в этнической солидарности, либо испытывающие негативные чувства по отношению к людям иной национальности[2]. Е. В. Соловьев подчеркивает двойственный характер влияния урбанизации на развитие этносов. С одной стороны, городская урбанизированная среда создает более благоприятные условия для роста этнического самосознания, с другой – ведет к этнической ассимиляции и даже к формированию целого ряда предпосылок межэтнических конфликтов горожан, связанных с неравномерностью в уровне урбанизации различных этносов, следовательно, с доступностью благ городской цивилизации. В целом исследователь полагает, что в условиях урбанизации этничность не утрачивается, «она становится городской и в чем-то уже постмодернистской»[3].

В национальных регионах урбанизация сопровождается угрозой ассимиляции коренных народов. Под этнической ассимиляцией понимается процесс усвоения представителями различных национальностей языка, культуры, обычаев, традиций той этнической среды, в которой они проживают. Теория ассимиляции в своем развитии прошла несколько этапов: от популярности до забвения и пересмотра в начале XXI в.[4] Авторы данной книги придерживаются концепции ассимиляции,

---

[1]Тишков В. А. Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического согласия // Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 41.

[2]Дробижева Л. М. Этническая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. М.: Весь мир, 2017. С. 417–422.

[3]Соловьев Е. В. Урбанизация и этногенез // Марийский юридический вестник. 2012. Выпуск 9. С. 79.

[4]Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3. С. 62–76.

предложенной Е. Моравска, которая полагает, что существуют разные способы и уровни вовлечения этнических групп в доминирующее сообщество.

В Сибири главными научными центрами по изучению этнического аспекта урбанизации сегодня являются Улан-Удэ, Иркутск, Новосибирск и Якутск. В Хакасии подобного рода исследования отсутствуют. Этот факт послужил толчком к реализации проекта, поддержанного фондом грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук[5]. Проект реализовывался в течение 2018–2019 гг. и был направлен на разработку региональной модели адаптационных процессов в городских поселениях Хакасии среди коренного населения. Каркасом всего научного исследования явилась как раз характеристика особенностей трансформации этнической структуры городского населения региона, специфики участия хакасского этноса в урбанизационных процессах. Связаны эти процессы с этническими особенностями воспроизводства и миграционной подвижности населения, социально-экономической ситуацией, этнополитическими процессами и другими факторами.

Основным результатом наших исследований стала эта книга. В ней мы попытались не только описать собственно адаптационные процессы среди городских хакасов, переехавших из сельской местности в городскую в постсоветский период с 1991 по 2020 г., но охарактеризовать в целом процесс взаимовлияния этничности и урбанизации в регионе.

Исследование обозначенной проблематики осуществлялось с двух ракурсов. Первый – исторический, направлен на характеристику развития процессов урбанизации в регионе в постсоветский период. Второй – социологический, направлен на анализ факторов адаптации и выявление стратегий адаптивного поведения сельских мигрантов в городской среде. Междисциплинарный характер исследования позволяет максимально полно осветить основные векторы урбанизационных и

[5] Проект «Социальная адаптация хакасов в городских условиях в постсоветский период (1991–1917 годы)» № МК-6401.2018.6.

адаптационных процессов в городе национальной республики в постсоветский период.

Эмпирическую базу нашего исследования составили материалы опроса, проведенного в 2018 г. в Республике Хакасия. Общая выборочная совокупность составила 1500 чел. Исходя из задач исследования, выборка формировалась из двух частей. Для изучения адаптационных процессов было опрошено 1000 бывших сельских жителей (русской и хакасской национальностей), проживающих в городских поселениях Хакасии с 1991 г. и позже; для сравнения уровня этнического самосознания среди городских и сельских хакасов было опрошено 500 хакасов, проживающих в сельской местности. Основной метод опроса – формализованное интервью.

Формирование первой части выборочной совокупности (сельских мигрантов) осложнялось отсутствием точных данных обо всех характеристиках генеральной совокупности (бывшие сельские жители русской и хакасской национальностей, проживающие в городских поселениях Хакасии). Во-первых, отсутствуют статистические данные о численности и половозрастной структуре «некоренных» городских жителей по национальному составу (в переписи не приводятся данные о продолжительности проживания городского населения в разрезе отдельных национальностей). Во-вторых, отсутствуют данные о национальной принадлежности внутрирегиональных мигрантов, данная информация не фиксируется при ведении статистического учета мигрантов. Поэтому при определении выборочной совокупности были заданы квоты (по полу и возрасту). В качестве ориентира использовались данные о социально-демографических характеристиках городского населения республики, в т. ч. и потому, что среди городского населения превалируют приезжие городские жители, т. е. проживающие в городских поселениях не с рождения (они составляют 62,4 % от всего городского населения региона)[6].

[6] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. С. 330.

Введение квот также было необходимо во избежание формирования гомогенной выборочной совокупности.

Отбор респондентов осуществлялся несколькими способами: во-первых, в районах наибольшей концентрации приезжих из сельской местности (в общежитиях малосемейного типа, в домах гостиничного типа, в ведомственных общежитиях); во-вторых, проводился уличный опрос в микрорайонах компактного проживания хакасов; в-третьих, использовалась информация от знакомых, родственников, коллег о приезжих из села; в-четвертых, для поиска респондентов использовался метод «снежного кома».

Опрос проводился в 5 городах (Абакан, Черногорск, Саяногорск, Сорск, Абаза) и 3 поселках городского типа (Аскиз, Бискамжа, Вершина Теи). Было опрошено 1000 чел.Однако в результате ремонта выборки, а также выбраковки некачественно заполненных опросных листов анализировались данные 405 анкет русских и 403 анкет хакасов (n=808).

В целом, по причине отсутствия достоверных сведений о структуре генеральной совокупности, препятствий для реализации принципа случайности, особенностей отбора респондентов в районах наибольшей концентрации, повышающих вероятность попадания в выборку наименее адаптированной части сельских мигрантов, полученные результаты нельзя в полной мере распространять на генеральную совокупность. Реализованная выборка преимущественно пригодна для выявления наиболее устойчивых типов и анализа связей между исследуемыми переменными, например, для выделения групп с разными уровнями адаптированности и анализа связей успешности адаптации с разными факторами, а также для выявления однородных групп сельских мигрантов, схожих по некоторым признакам (например, стратегиям адаптивного поведения).

Для оценки успешности приспособления приезжих в городе был вычислен интегральный показатель, отражающий уровень адаптированности. Было выделено несколько индикаторов, позволяющих оценить успешность адаптации: сформированность городской идентичности; уверенность в будущем; целевая установка (готовность прилагать усилия);

удовлетворенность; связь с деревней; ощущение улучшения жизни после переезда; характер взаимоотношений с соседями; трудоустройство; характер труда; жилищные условия, материальная состоятельность (использовались стандартизованные значения переменных). Интегральный показатель адаптированности был вычислен путем суммирования баллов по всем индикаторам для каждого респондента. Для распределения опрошенных на уровни за основу был взят диапазон значений (-1,2; 1,2). Он был поделен на три части: высокому уровню адаптированности соответствовал интервал (-1,2; -0,4), среднему – (-0,3; 0,3), низкому – (0,4; 1,2). Интервал для группы среднего уровня был намеренно сужен, чтобы выявить более отчетливые различия между группами высокого и низкого уровней. В результате опрошенные распределились на три группы с разным уровнем адаптированности: среди русских: низкий – 146 чел., средний – 121 чел., высокий – 138 чел.; среди хакасов: низкий – 128 чел., средний – 139 чел., высокий – 136 чел.

Для выявления основных адаптационных стратегий сельских мигрантов с помощью кластерного анализа (методом k-средних) вся совокупность опрошенных была разбита на три однородные группы по нескольким индикаторам, по которым (по нашему мнению) можно судить о стратегии адаптивного поведения. Выделение однородных групп (кластеров) осуществлялось по следующим признакам: мотивация переезда (вынужденная, пассивная, активная); целевая установка (готовность прилагать усилия, довольствование имеющимся, попустительское отношение); городская идентичность (выраженность городской идентичности, сохранение сельской идентичности, двойная идентичность); характер труда по месту работы (умственный, физический, общение с людьми); взаимодействие с акторами городской среды (активное взаимодействие, формальный характер отношений, нежелание взаимодействовать); городской образ жизни (преимущественно городской, сельский или ни тот, ни другой) (использовались стандартизованные значения переменных). Кластерный анализ использовался для русских и для хакасов как для

двух независимых выборок. В результате опрошенные были объединены в три группы: среди русских: первая группа – 117 чел., вторая группа –129 чел., третья группа – 157 чел.; среди хакасов: первая группа – 101 чел., вторая группа – 203 чел., третья группа – 98 чел.

Вторая часть выборочной совокупности формировалась из представителей хакасской национальности, проживающих в сельских поселениях Хакасии (n=500). Тип выборки: квотная (по полу и возрасту). Опрос проводился во всех сельских районах республики.

В исследовании использовались такие методы статистического анализа, как анализ корреляций по Пирсону, регрессионный и кластерный анализ. Обработка данных производилась с использованием прикладного пакета статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 19.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ УРБАНИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ

1.1. Основные подходы к исследованию процессов урбанизации в отечественной науке

В настоящее время история российской модели урбанизации выделалась в самостоятельное активно развивающееся направление исследований. Связано это во многом с теми изменениями, которые произошли в отечественной науке за последние тридцать лет. Распад Советского Союза, приведший к отказу от идеологических ограничений в науке и обновлению методологического аппарата, способствовал формированию новых векторов развития в рамках городской истории. Многие из них основаны на возрождении теоретико-методологических концепций дореволюционных городоведов.

Смысловая нагрузка термина «урбанизация» весьма многообразна. Это слово, несмотря на относительную молодость, уже обросло разнообразными теоретико-концептуальными значениями. На протяжении века появлялись его новые смысловые нагрузки, и сам термин вышел за пределы академической науки. Можно даже говорить о процессе идеологизации данного понятия, так как в разных странах и культурах, а также историко-политических обстоятельствах оно приобретало диаметрально противоположные коннотации: от положительных (например, у сторонников идей социального прогресса) до отрицательных (например, у антиглобалистов).

Российская городская история имеет давние традиции. Еще в дореволюционный период выходили в свет отдельные работы, посвященные истории российских городов. Однако лишь в 1920-е гг. сложились отдельные научные школы, связанные с их изучением. К первой группе исследований необходимо отнести работы петербургской школы городоведов во главе с И. М. Гревсом и Н. П. Анциферовым, заслугой которых является формирование комплексного подхода в изучении

города[7]. Эта научная школа гуманитарного, исторического городоведения исследовала город в качестве особого культурного феномена и социального организма.

В эти же годы был опубликован фундаментальный труд Л. А. Велихова, который заложил основы науки о городском хозяйстве[8]. Предложенное в нем определение «городского хозяйства» до сих пор востребовано и не оспаривается.Под городским хозяйством ученый понимал «деятельность местных публичных органов или организованного представительства людей, живущих концентрированно на избранной территории и занимающихся преимущественно обрабатывающей промышленностью или торговлей, причем эта деятельность направлена к наивыгоднейшему использованию материальной среды с помощью установленных средств в целях благоустройства данной территориальной единицы и социального благосостояния (т. е. благоустройства в широком смысле) живущего на ней коллектива»[9].

1920-е гг. вошли в историю изучения городской проблематики в исторических исследованиях как время формирования исторической урбанистики в качестве самостоятельной отрасли знания[10].

Во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. активно обсуждались вопросы, связанные с пониманием сущности урбанизации, отношением к ней победившего пролетариата, местом ее в свете неизбежной перестройки расселения. В этот период концепции расселения выдвигались не архитекторами, а философами, социологами и экономистами, которые были воспитаны на идеях русского социального утопизма. Поэтому неудивительно, что в эти годы популярны были различные радикальные воззрения по поводу советской модели урбаниза-

---

[7]Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 1–2; Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926.

[8]Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. М.: Наука, 1996.

[9]Там же. С. 220–221.

[10]Холина М. В. Исследования истории малого советского города в отечественной и региональной историографии // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 3. С. 167.

ции: «урбанисты» предлагали немедленно перестроить быт на коллективистских началах, создать совершенно новые города с огромными домами-коммунами и полным обобществлением быта; «дезурбанисты» призывали разукрупнить существующие города, приблизив поселения нового типа к деревне. Такое состояние взглядов о расселении в стране в 1920 – начале 1930-х гг. получило название в отечественной науке как период «опережающего отражения действительности»[11]. В целом, на данном этапе урбанизация непосредственно связывалась с индустриализацией и определялась как «процесс сосредоточения промышленности и населения в городах, особенно крупных»[12].

Данное определение урбанизации надолго укоренилось в отечественной науке. Также утвердилось мнение, что урбанизация характерна для капиталистических стран. В связи с этим в 1930–1950-е гг. термин «урбанизация» не использовался применительно к отечественному городу. В этот период стали разрабатываться преимущественно экономико-географические исследования городов. Причем сложилась парадоксальная ситуация, когда исследователи в области экономической географии, избегая самого понятия, плодотворно изучали проблемы городов и пути их развития. В советской историографии этого времени город как предмет исследования не пользовался большим вниманием со стороны историков.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. наметился сдвиг в разработке рассматриваемой проблематики. В науке утвердился тезис о том, что урбанизация – это масштабный исторический процесс, характеризующийся ростом численности городов, концентрацией производства, а также проникновением городского образа жизни в деревню. Таким образом, урбанизационный процесс должен проходить две стадии: стадию увеличения численности городских поселений и стадию распространения городской культуры и мировоззрения на широкие слои населения. Несмотря на выдвижение данного тезиса, в 1960–1970-е гг.

---

[11]Хорев Б. С., Безденежных В. А., Быкова Н. В. Мировой урбанизм на переломе. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 5.

[12]Малая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 9. М., 1931. С. 175.

фактически вопросы урбанизации в нашей стране под таким углом зрения не рассматривались.

1960-е гг. связаны со становлением новых направлений исследований по проблемам народонаселения. Это время разработки и накопления материала в области исторической демографии и социологии. Советские исследователи приступили к изучению численности, миграции населения, его воспроизводства, социально-классовой структуры советского общества в целом и городского населения в частности. Однако развернутой теоретико-методологической концепции развития советского города в этот период еще не существовало.

С начала 1970-х гг. происходит углубленное изучение урбанизации, осмысление сущности этого процесса и его особенностей в условиях социализма. В этот период параллельно развивались несколько концепций урбанизации, имевших практическую направленность и нацеленных на поиск оптимальных вариантов системы расселения страны и инструментов ее регулирования. Так, в центре по изучению проблем народонаселения в МГУ была разработана схема единой системы расселения в СССР, которая была направлена на преодоление таких последствий урбанизации, как усиление различий между городом и деревней, крупными и малыми городами, центром и периферией. Наиболее полно данная концепция был отражена в трудах Б. С. Хорева[13].

В этот период формируются также новые направления, разрабатываемые крупными специалистами – урбанологами[14]. В их работах урбанизация рассматривается как особый феномен социальной организации и развития общества, носящий всеобщий и необратимый характер. Внимание исследователей привлекали вопросы распространения городского образа жизни, степень развитости города в целом и его субъектов – горожан.

В эти же годы формируется концепция опорного каркаса

[13]Хорев Б. С. Проблемы городов. М.: Мысль, 1975; Хорев Б. С., Лиходед В. Н. Житель села – работник города. М.: Финансы и статистика, 1982.

[14]Коган Л. Б. Проблемы урбанизации: город и культура. М.: Информкультура. 1981; Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. М.: Статистика, 1976; Яницкий О. Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М.: Наука, 1975.

расселения, который рассматривается как наиболее устойчивый элемент системы расселения, включая города и наиболее крупные сельские населенные пункты, соединенные транспортными связями. Государство имеет возможность формировать наиболее оптимальную поселенческую среду путем развития подобных каркасов расселения. Авторы данной концепции предложили методику выделения городских агломераций и обосновали критерии города-ядра и способы определения спутниковой зоны[15].

Собственно, в исторической науке процессы урбанизации рассматривались несколько в ином плане. На 1970-е гг. приходится расцвет социолого-исторических исследований, в центре внимания оказались следующие стороны процесса урбанизации: динамика числа городов и горожан, изменение функций города, профиль социальной и профессиональной структуры городского населения, миграция, взаимодействие города и деревни[16]. Изучались в большей степени социальные группы, их взаимоотношения, их роль в экономических структурах и процессах. Исследователи при этом часто использовали теории общественных наук и количественные методы, в то время как вопросы качества и уровня жизни горожан, их быта и стиля жизни практически не рассматривались.

В 1980 – начале 1990-х гг. проводились комплексные исследования по проблемам социального планирования регионов и городов[17]. Следует отметить тот факт, что наряду с продолжаю-

---

[15]Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1983. № 5. С. 16–28; Лаппо Г. М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987; Полян П. М. Урбанизированность и методы ее оценки // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1980. № 5. С. 63–77; Полян П. М. Крупные городские агломерации Советского Союза // Изв. РГО. Т.114. 1982. Вып.4. С. 305–314.

[16]Алексеев В. В. Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. С. 7–25.

[17] Дмитриев А. В., Лола А. М., Межевич М. Н. Где живет советский человек: Социальные проблемы управления расселением. М.: Мысль, 1988; Размещение населения в СССР: региональный аспект динамики и политики народонаселения. М.: Мысль, 1986; Янкова З.А., Родзинская

щимся интересом к социально-демографическим процессам в городе[18], в 1980-е гг. наметилась новая тенденция: появляются исследования, посвященные качеству жизни горожан[19].

В связи с перестройкой возросло внимание исследователей к проблеме совершенствования социальной структуры советского общества. В 1985–1991 гг. вышел ряд обобщающих монографий, представляющих значительный интерес[20]. Выводы о тенденциях социального развития страны явились результатом масштабной исследовательской работы, проведенной в различных регионах страны, в том числе и в Сибири. Ученых интересовали проблемы изучения особенностей социального развития регионов, вопросы возможности управления социальными процессами.

Крупным исследователем различных аспектов социальной структуры общества был Н. А. Аитов. Им был проведен комплексный анализ социальной структуры населения городов, показаны особенности ее трансформации, специфика воспроизводства трудовых ресурсов, рассмотрены градообразующие факторы и их влияние на некоторые качественные характеристики рабочих, служащих, интеллигенции[21].

И. Ю. Проблемы большого города: опыт социологического исследования. М.: Наука, 1982; Кочетов А. Н. Новые тенденции в совершенствовании социальной структуры советского общества (1980-е гг.) // История СССР. 1988. № 6. С. 3–16; Лопата П. П., Дмитриев А. В. Актуальные вопросы социального развития советского общества на современном этапе // История СССР. 1986. № 1. С. 3–21.

[18]Москвин Д. Д. Население СССР: вопросы миграции (экономико-статистический обзор тенденций 1960–1980-х гг.). М.: Наука, 1991; Терещенко О. В. Потенциал городов: методы статистического изучения. Новосибирск: Издательство НГУ, 1991.

[19]Благосостояние городского населения Сибири: проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990; Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (II пол. 1940–1950-е гг.). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991.

[20]Селунская В. М. Социальная структура советского общества: история и современность. М.: Политиздат,1987; Советский город: социальная структура. М.: Мысль, 1988; Аитов Н. А. Социальное развитие регионов. М.: Мысль, 1985.

[21]Аитов Н. А. Социальное развитие городов: сущность и перспективы. М.: Знание, 1979; Аитов Н. А., Говако Б. И., Игебаева Ф. А. Город. Население.

Наибольшее количество работ в 1970–1980-е гг. было посвящено рабочему классу как авангардной части общества на пути к будущему бесклассовому строю[22]. В этот период на всесоюзном и региональном уровнях был проведен анализ динамики численности и состава рабочего класса, источников его пополнения, тенденций его развития.

В советский период разрабатывались проблемы сибирского города. Отмечалось, что для Восточно-Сибирского экономического района характерен недостаток трудовых ресурсов при высокой миграции и текучести рабочей силы[23]. Исследователи указывали на особенность развития южных районов Сибири: за счет более молодого населения естественный прирост оказывал большое влияние на темпы роста городов по сравнению с европейской частью[24]. Рассматривались особенности и динамика демографического развития городских поселений Сибири, их качественная характеристика на основе сопоставления с другими регионами[25]. Наконец, проводились специальные исследования, направленные на изучение отдельных аспектов процесса урбанизации Сибири. Г. Ф. Куцев провел социологическое исследование по проблемам новых городов Сибири на основе опроса жителей семи таких городов (Ангарск, Братск, Дивногорск, Норильск, Саяногорск, Усть-Илимск, Шелехов). В результате работы ученый собрал значительный фактический материал и обобщил его в

Трудовые ресурсы. Уфа: Башкнигоиздат, 1982.

[22]Ефимкин М.М. Социальное развитие рабочего класса Сибири 1959–1980 гг. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989; Он же. Рабочие Сибири. Конец 1950 – середина 1980-х гг. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990; Социальное развитие рабочего класса СССР. М.: Наука, 1977; История рабочего класса Сибири: в 4 томах. Том 4. Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986.

[23]Кваша А. Л. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981; Литвинова Г. И. Право и демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1981.

[24]Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988.

[25]Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1980.

работе «Новые города (социологический очерк на материалах Сибири)»[26].

Значимой работой в изучении проблем урбанизации в Сибири среди работ историко-географического направления можно считать монографию Е. Н. Перцика[27], где на основе комплексного анализа предшествующих исследований автор воссоздал основные этапы формирования городской сети Сибири, обосновал концепцию формирования единой системы расселения в регионе, рассмотрел региональные аспекты развития городов в условиях освоения различных природных ресурсов, охарактеризовал экономические проблемы сибирского города.

Переломным моментом в развитии советской историографии стали годы перестройки, когда наблюдался постепенный переход от жесткого идеологического курса к плюрализму мнений. В урбанистике новые веяния выразились не только в смене тематики исследований, но и в подходах к изучению города. Во второй половине 1980-х гг. на смену образа города как центра промышленности, торговли и управления или объекта государственных реформ пришло понимание города как «социального организма», «историко-культурного феномена», локуса «социокультурной среды»[28]. Произошел своеобразный «культурный поворот» в исследованиях по истории российского города. Предметом изучения исследователей все чаще становились образ жизни горожан и их повседневные практики.

В постсоветской историко-социологической науке первоначально незаслуженно был забыт существенный опыт изучения города, накопленный ранее. Волна антисоветизма и антимарксизма, захлестнувшая отечественную науку, повлияла на этот процесс. Стали популярными точки зрения, согласно которым советский город – явление патологическое,

[26]Куцев Г. Ф. Новые города (социологический очерк на материалах Сибири). М.: Мысль, 1982.

[27]Перцик Е. Н. Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М.: Мысль, 1980.

[28]Мазаник А. В. Культурный поворот и российская историческая урбанистика // Прошлый век. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 223.

определяемое как «псевдогород», а советская урбанизация – «квази» или «псевдоурбанизация»[29].

Однако вскоре столь радикальная позиция в оценках советского города и урбанизации в целом была пересмотрена. Сейчас советская урбанизация не противопоставляется капиталистической, западной. Исследователи лишь выделяют ее отдельные специфические черты, обусловленные прежде всего форсированными темпами урбанизации.

Для отечественной исторической урбанистики 1990-х гг. знаковым событием стал выход в свет монографии А. С. Сенявского «Российский город в 1960–1980-е годы», явившейся первым обобщающим трудом по истории советского города. Для отечественных историков важными стали выводы автора о месте города как элементе общественной системы СССР, о влиянии административно-командной системы на развитие советского города, о роли городов в кризисе всей советской системы[30].

А. С. Сенявский предложил собственную методологию в изучении советской модели урбанизации[31]. Он употребляет термин «урбанизация» в значении «урбанизационный переход» и рассматривает этот процесс с позиций теории модернизации. Поэтому для исследователя урбанизация – это масштабный модернизационный процесс, охватывающий трансформацию широкого комплекса социальных характеристик подавляющей части населения страны, изменение в течение жизни нескольких поколений качества населения, структуры его занятости, расселения и многого другого. По мнению автора, Советское государство развивалась по тому же пути, что и страны Запада, но для него характерны некоторые специфические черты в силу асинхронности развития модернизационных процессов, в том числе и в отношении урбанизации. Эта специфика заключалась, прежде всего, в том, в одних случаях (на Западе) основная часть урбанизационного

[29]Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995.

[30]Сенявский А. С. Российский город в 1960–1980-е гг. М.: РАН, 1995.

[31]Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003.

перехода происходила растянуто и завершилась еще до начала становления постиндустриального общества, в других (Япония) урбанизационный переход осуществлялся форсировано, но успел завершиться, а в других – нет (Россия – СССР). Исследователь полагает, что определяющим фактором развития советского города стало то, что переход к городскому обществу Россия совершила в рамках леворадикальной тоталитарной советско-коммунистической модели. Действие командно-административного механизма применительно к городам было весьма противоречиво. С одной стороны, продолжались рост крупных и больших городских поселений, развитие всей городской сети, с другой стороны, этот процесс был всего лишь инструментом обеспечения ведомственных интересов при игнорировании насущных потребностей самих территорий и их населения: города оставались населениями при предприятиях, с размытой территориальной структурой, отставшей от роста производства социальной сферой, с лавинообразно нараставшими экологическими проблемами. Однако независимо от того, как осознавали урбанизацию вожди СССР, ее осуществление объективно было центральной задачей всего общества, поскольку переход к городскому обществу определял магистральное направление в развитии современной техногенной цивилизации.

Большое значение урбанизациив истории России нового и новейшего времени признает Б. М. Миронов, рассматривавшийее в качестве одного из аспектов советской модернизации. Она, по его мнению, наряду с формированием рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализацией, демократизацией семьи и эмансипацией женщин и детей напоминала классическую западную модель модернизации[32]. Вместе с тем, безусловно, она имела свои особенности: большинство горожан лишь по месту жительства являлись таковыми, так как по происхождению были крестьянами, многие города «лишь с натяжкой» стали центрами городской культуры, невысокий уровень жизни был характерен для большинства го-

[32]Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54.

родских поселений, существовал дефицит городов, которые были бы локомотивами отраслевого и регионального развития[33].

Наличие теоретико-методологического плюрализма, отсутствие идеологических пут, выход в свет первых обобщающих работ об истории отечественного города, накопленный богатый исторический нарратив об истории отдельных городов и регионов – все это, казалось бы, должно было способствовать формированию нового, прорывного с точки зрения методологии, направления в области исторической урбанистики. Однако в настоящий момент ситуация в этой сфере характеризуется следующими не очень перспективными трендами. Во-первых, для многих исследований российского города по-прежнему характерны внесоциальность и недостаточность критического осмысления города как исторического феномена, это приводит к тому, что «производимый исторический продукт представляет собой в этом случае преимущественно лирическое историко-краеведческое значение»[34]. Во-вторых, несмотря на рост количества публикаций по городской проблематике, у историков до сих пор отсутствует единое проблемное исследовательское поле, связано это во многом с большим количеством работ фактографического содержания и небольшой долей трудов, направленных на теоретическое осмысление урбанизации.

В 2014 г. в городе Сургут состоялась первая в России конференция, целью которой как раз и явилось формирование поля для научного дискурса и диалога между историками-урбанистами и другими учеными, изучающими город и урбанизационные процессы. Организаторы конференции были нацелены на репрезентацию новой методологии и раскрытие теоретических и историографических проблем исторического знания на основе междисциплинарных исследований урбанистики. Однако, по замечанию ответственного редактора сборника, вышедшего по результатам конференции, И. Н. Стась,

[33]Миронов Б. Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3(48). С. 275.

[34]Бреславский А. С. Городская история как предмет дискурс-анализа: ресурсы и программа исследования // Уральский исторический вестник. 2011. № 1(30). С. 102.

сложнее всего было собрать материалы именно для первого наиболее важного раздела «Историческая урбанистика: проблемы теории и историографии», «связано это с объективными инерционными традициями отечественной исторической науки, в которой теоретические вопросы редко выступают в центре исследований, а транзит новейших методологических достижений препятствуется слабой научной коммуникацией»[35]. К сожалению, нереализованными оказались и решения, принятые на состоявшимся в ноябре 2014 г. в городе Тобольске круглом столе «Историческая урбанистика в России и Сибири», о создании специального отраслевого научного периодического журнала по исторической урбанистике.

Сложившуюся ситуацию в области российской городской истории очень четко описал доктор исторических наук, известный историк в области городоведения С. А. Баканов, отметив, что это направление «продолжает оставаться уделом одиночек-энтузиастов из различных образовательных и научных учреждений, разбросанных по нескольким десяткам городов и регионов России»[36], при этом его характерными чертами являются слабая коммуникация между учеными и отсутствие координации их усилий.

Сегодня можно выделить несколько основных векторов развития исследований в области российской исторической урбанистики. Критерием для их типологизации является методологическая основа, на которой держится вся исследовательская конструкция и которая предопределяет не только содержание основных понятий городской истории, но также и их набор.

Первенство обращения к городу как к отдельному предмету исследования в рамках социально-гуманитарных наук хронологически принадлежит социологам. Именно они разработали понятийно-категориальный аппарат новой области знания и

[35]Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города / Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. С. 4.

[36]Баканов С. А. Историческая урбанистика в России заявляет о себе // MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 198.

основные концепции урбанизма. Поэтому неудивительно, что одним из важнейших трендов развития современной исторической урбанистики является применение междисциплинарного подхода в исследованиях города. Заимствование концепций урбанизма у социологов влечет за собой рождение новых исследовательских проблем.

Исторически в нашей стране социология города развивалась в рамках господства урбанистической парадигмы (в то время как на Западе в 1970-е гг. против нее выступило новое поколение социологов), в рамках которой социологи изучали город как социальный организм, как место формирования особой городской культуры, городского образа жизни. Поэтому исторические исследования, построенные на применении социологических принципов и методов изучения города, стали развиваться с социокультурных и антропологических теоретико-методологических позиций.

Т. А. Булыгиной уже обобщены и показаны существующие основные социокультурные подходы к истории города в категориях микроистории, семиотики, имагологии[37]. В связи с этим перечислим лишь основные перспективные направления городской истории в рамках данного подхода, предлагаемые автором: изучение эволюции структуры городского пространства (например, эволюции городского центра или окраин и их символов), городской среды (как комплекса объектов культурно-интеллектуального, хозяйственно-экономического, общественного пространства города), исследование проблем истории города в контексте истории региона (их взаимовлияние), проблем формирования городского образа жизни (связанных с историей повседневности), проблем роли личности в формировании городской среды и т. д.

Междисциплинарные интерпретации города в целом характерны для сторонников социокультурного подхода. Город в этом случае рассматривается «как сложный социокультурный организм, постоянно развивающийся и интегрирующий системы отношений представляемого им общества, выступающий

[37]Булыгина Т. А. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое. The newpast. 2017. № 3. С. 82–95.

сложной социопрограммой, кодирующей и транслирующей смыслы и содержание урбанизированных форм жизни»[38].

Следует выделить исследование А. Нещадина и Н. Горина, в котором представлена довольно любопытная концепция исторических циклов в развитии города[39]. Авторы выделили три фазы развития города. Первая – восходящая, связанная с бурным ростом населения. За ней следует инерционная фаза, сопровождаемая равновесием численности населения и емкости рынка труда, когда развитие города продолжается в развитии его инфраструктуры. Третья фаза – нисходящая, характеризующаяся потерей городом своего постоянного населения.

На наш взгляд, использование междисциплинарного подхода в исследовании отечественной модели урбанизации весьма перспективно. Во-первых, историческая урбанистика может успешно взаимодействовать с различными социально-гуманитарными областями знания (социологией, экологией и экономикой), а также использовать накопленный опыт изучения урбанизации другими науками (например, географией) на интердисциплинарной и трансдисцплинарной основе. Интердисциплинарное взаимодействие наук предполагает совместную работу ученых, исследующих разные аспекты общей проблемы, при этом каждый из них должен опираться на свою методологическую дисциплинарною базу[40]. Примером тем для интердисциплинарного взаимодействия в рамках городской проблематики могут быть вопросы, связанные с адаптацией мигрантов к городским условиям (взаимодействие историков, социологов и психологов), проблемы формирования поликультурного городского пространства (сотрудничество ученых тех же областей знания), особенности городского расселения на уровне страны и ее регионов (совместные исследования географов и историков) и т. д. Ярким положительным примером

[38]Город в процессах исторических переходов: Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.: Наука, 2001.

[39]Нещадин А., Горин Н. Феномен города: социально-экономический анализ. М.: Изограф, 2001.

[40]Маслова И. В. Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях // Историческая этнология. 2017. Том 2. № 1. С. 97.

подобного рода исследований является монография Л. Н. Мазур и Л. И. Бродской[41], которые исследовали процессы и модели урбанизации сельской местности Среднего Урала на основании характеристики эволюции поселенческих структур. Эта работа показала, что «никакой пропасти между историей и географией – этими двумя фундаментальными дисциплинами, отвечающими каждая за свои основополагающие категории – время и пространство, – нет и что определенные задачи только выигрывают от синтеза географических и исторических подходов»[42].

Характерной чертой трансдисциплинарных исследований является невозможность решения научной проблемы в границах одной из сотрудничающих дисциплин. Такого рода исследования предполагают, что ученые, работающие в области изучения городской проблематики, должны разработать единый концептуальный аппарат, основанный на теориях и подходах отдельных наук. Это могут быть вопросы, связанные с историей миграций в городских поселениях, социально-демографические проблемы городов, особенности городской политики и т. д.

Во-вторых, если существующий тренд развития междисциплинарных исследований городской истории сохранится, то неизбежно внимание отечественных историков будут привлекать современные социологические теории развития урбанизма. Доктор философских наук, ведущий российский специалист в области социологии города Н. Н. Яницкий выделяет следующие тенденции развития современных городов в условиях глобализации: «столице-центризм», изменение функций города (на первый план выходят торгово-развлекательные и туристические функции), перемещение социальной жизни города в виртуальную сферу, ориентация городской молодежи на быстрый карьерный рост и материальное благополучие, снижение кадрового потенциала крупных городов, усиление

[41]Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006.

[42]Зеленская А. Е., Полян П. М. Географическая книга, написанная историками // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 3. С. 128.

социально-пространственной дифференциации больших городов, большое влияние мигрантов из республик бывшего СССР на культуру и образ жизни городов, общее повышение рискогенности городской среды, «сжимание» и технизация градостроительной науки, появление закрытых сообществ для определенных имущественных категорий граждан[43]. Безусловно, все перечисленные тренды могут выступать в качестве отдельных научных предметов междисциплинарных исследований. Историки, занимающиеся изучением современных урбанизационных процессов, должны учитывать эти особенности.

В зарубежных социологических исследованиях города сегодня популярны идеи развития креативной экономики и поликультурного общества, в котором город выступает как пространство, стимулирующее развитие культуры, аккумулирующее творчество и интеллектуальное развитие, идеи интенсификации социокультурной жизни горожан, базовыми элементами которой должны стать комфортная атмосфера и культура как экономический ресурс и основа планирования города[44]. В условиях трансформации всех сторон жизни общества в результате процессов его глобализации и информатизации в современной западной социологии стали популярны концепции постиндустриальной урбанизации, строящиеся на представлениях о том, что центральными проблемами городов являются процессы коллективного потребления, надгосударственный характер этих проблем, в целом именно экономическая переменная рассматривается как ключ для понимания всех процессов, происходящих в городе[45].

Интересный тезис об оценке российской урбанизации в трудах отечественных историках выдвигает И. Н. Стась, который в последние годы плотно работает над проблемами институционализации и историографии исторической урбанистики.

[43]Яницкий О. Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 125.

[44]Петровская О. В. Современные теории развития урбанизма // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 31–36.

[45]Савченкова В. М. Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. социологических наук. Москва, 2005. С. 7.

Он полагает, что приверженцы социокультурных и антропологических теорий города склонны (за редким исключением) к критической оценке российской модели урбанизации в отличие от сторонников модернизационного и макроисторического подхода[46]. Объяснить этот феномен можно содержанием концепта модернизация и в целом российской историографической традицией выделять специфические черты развития России/СССР, исходя из выявления «эшелонов» модернизации, ее стадий и особенностей протекания.

Одним из первых, как уже было отмечено выше, стал исследовать урбанизацию в качестве важнейшего элемента масштабного модернизационного процесса страны А. С. Сенявский. Ученый подчеркивает, что процесс перехода от общества сельского к городскому – это общемировой закономерный процесс, связанный с индустриальным развитием, который имел специфические особенности в нашей стране. Если западноевропейские города формировались «снизу», исходя из экономических интересов определенных территорий, то российские – «сверху», преследуя интересы власти по мере расширения государственных границ[47]. В советский период градообразующий фактор центральной власти еще более гипертрофировался. Исследователь подчеркивает, что определяющим фактором развития советского города стало то, что переход к городскому обществу Россия совершила в рамках леворадикальной тоталитарной советско-коммунистической модели[48]. При этом советская власть, внося определенные коррективы в развитие урбанизации, в целом не смогла сломить логику протекания этого универсального процесса, харак-

[46]Стась И. Н. Полемика историков о сущности и результатах урбанизации в России /СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 113.
[47]Сенявский А. С., Братченко Т. М. Российский город в контексте модернизационного процесса (теоретические проблемы исторической урбанистики) // Городская культура и город в культуре: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Самара: Самарская государственная академия культуры и искусства. 2012. С. 304.
[48]Сенявский А. С. Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003.

терного для всех стран, вступивших на путь модернизации[49]. А. С. Сенявский характеризует общую картину урбанизационного развития страны на рубеже тысячелетий как «урбанизационный застой с элементами дезурбанизации»[50].

Согласен с идеей об универсальности процесса урбанизации и А. Ю. Ильин, который на примере развития городского хозяйства дореволюционных губернских центров убедительно показывает вариативность развития советской урбанизации[51]. Например, в таких городах, как Пенза, Рязань, Тамбов сохранились черты «аграрного» города, замедляющие их урбанизацию. В целом эти города отставали по уровню развития коммунального хозяйства и комфорта от западноевропейских, но, обладая сходными с ними типологическими чертами, имели шанс для осуществления успешной «догоняющей» урбанизации. К ее характерным чертам автор относит незавершенность, переходный, двойственный характер, «ущербность», непоследовательность, противоречие между серьезными количественными и недостаточными качественными изменениями[52].

С позиций теории модернизации исследует урбанизацию системы расселения и Л. Н. Мазур. Она подчеркивает, что урбанизация является пространственным отражением модернизации общества и определяет ее темпы и характер. Ученый также признает большую роль государства в процессах градообразования в нашей стране, но выделяет и следующие специфические черты российской модели урбанизации: высокие темпы, распространение монофункциональных городов, сельский характер

[49]Сенявский А. С. Историческая урбанистика в исследовании российских модернизаций // Городская культура и город в культуре: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Самара: Самарская государственная академия культуры и искусства. 2012. С. 24.

[50]Сенявский А. С. Экономические основы российского урбанизационного процесса: теоретический анализ (структурные и институциональные аспекты) // ВТЭ. 2019. № 1. С. 143.

[51]Ильин А. Ю. Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации XVIII–XX вв. Тамбов: «Издательский дом «Мичуринск», 2018.

[52]Ильин А. Ю. Догоняющая урбанизация и городское хозяйство в истории России (размышления по поводу работ немецкого историка Т. М. Бона) // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 154.

городов. Большую роль в длительности протекания урбанизации сыграло ограничение свободы передвижения в России в течение длительного времени. Исследователь приходит к выводу о незавершенности отечественных урбанизационных процессов, так как в нашем государстве пока не начался переход к стадии дезурбанизации в классическом варианте[53].

Урбанизацию как центральное звено модернизации советского общества рассматривает А. Г. Вишневский. Он отмечает ее двусмысленность, так как, с одной стороны, количественные параметры урбанизации, такие как рост городов и городского населения, развивались по заданной Западом траектории, с другой стороны, в стране Советов управление городами строилось с помощью «мичуринских» методов — поддерживая одни свойства и вытравляя другие»[54]. Ученый указал на запаздывающий, неполноценный, «деревенский» характер советской урбанизации, при которой город так и не стал носителем прав свих жителей, так как не был сформирован «средний» городской слой, который экономически бы твердо стоял на ногах и мало зависел от политической конъюнктуры.

В рамках схемы незавершенной модернизации СССР А. Г. Вишневского выстроил свою концепцию форсированной урбанизации (квазиурбанизации) известный историк-демограф В. А. Исупов. На материалах Сибири он показал наличие фантастической диспропорции между численностью городского населения и развитием инфраструктуры городских поселений. Справедлив тезис ученого о том, что именно социальная инфраструктура (то есть жилищно-коммунальное хозяйство, транспортная система, культурно-бытовая сфера, здравоохранение) превращает населенный пункт в город[55]. Автор в развитии советской модели урбанизации выделяет несколько

---

[53]Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012.

[54]Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 80.

55Исупов В. А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2012.С. 467.

этапов: до 1950-х гг.– этап квазиурбанизации и после 1950-х гг. – когда в развитие социальной городской инфраструктуры стали вкладываться ресурсы.

Очевидно, несмотря на то, что разработанные и актуальные в начале 1990-х гг. среди социологов и философов концепции псевдоурбанизации сейчас малопопулярны[56], некоторые исследователи продолжают скептически относится к российским городам. К числу таких исследований можно отнести работы М. Г. Мееровича, который настаивал на уникальности советской урбанизации как совершенно искусственном продукте социально-политической системы[57]. Исследователь предлагал отказаться от «антропокультурного» подхода в изучении советской урбанизации, основанной на ее сопоставлении с западной моделью, так как изначально в основу нашей урбанизации закладывалось исключительно «материально-производственное» содержание. Этим и объясняется главная отличительная черта советской урбанизации, называемая ученым – специфика отечественного градостроительства, основанного на механизме глобального регулирования со стороны тотального государства, то есть «плановый», насильственный характер урбанизации, целью которого было «опролетаривание» крестьянского населения для достижения высоких показателей индустриализации и милитаризации. Ни о какой «городской культуре» в этих условиях речи не шло, «псевдогородское население» не способно было стать ее носителем. Особое внимание М. Г. Меерович как архитектор и историк уделял проблемам уникальности градостроительства в СССР и подчеркивал неприглядность социально-бытовых и жилищных условий, созданных советской властью, в городе[58].

---

[56]Горбачев О. В. Российская урбанизация в XX веке как междисциплинарная проблема // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 68.

[57]Меерович М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 2. С. 14.

[58]Меерович М. Г. К вопросу о методологии изучения начального периода урбанизации в СССР // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. – Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. С. 114–129.

Следует, однако, подчеркнуть, что выводы, к которым пришел автор, в большей степени основаны на изучении начального периода урбанизации в СССР, хотя главная мысль ученого о решающей роли государства в этом процессе справедлива в целом для всего периода существования Советского Союза.

Исследуя урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг., М. Н. Балдано пришла к выводам о незавершенности и переходном характере советской модели урбанизации. Доктор исторических наук отмечает, что процесс форсированной индустриализации региона в этот период предопределил вектор развития городов на многие десятилетия. Массовая сельско-городская миграция привела к «крестианизации» города, маргинализации городского населения, так как в городских поселениях не была сформирована городская социальная инфраструктура. Новые городские жители, порвав со своим сельским прошлым, не имели возможности приобщиться к жизни городской, поэтому возникла типичная маргинальная субкультура. Ученый в целом акцентирует внимание на том, что нельзя совершать подмену понятий «рост городского населения» и «урбанизация», так как последнее определяется не статистическими данными, а такими фундаментальными характеристиками как урбанистическая культура, качество городской жизни, комфорт городской среды, масштабы социально-информационного разнообразия[59]. Важным, на наш взгляд, является тезис историка о влиянии советской модели урбанизации на современные урбанизационные процессы, которое выражается в существующей социальной структуре городского населения, когда помимо современных слоев и групп имеют место «неотрадиционная сословность, клановость и этнонациональный коммунализм»[60].

Об условности понятия «городской житель», о слабой адаптации вчерашних сельских жителей в городских условиях пишет и С. А. Рафикова. Разработанная ею новая методика

[59]Балдано М. Н. Советская модель урбанизации // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 56.

[60]Балдано М. Н. Урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 99.

качественных урбанистических исследований, апробированная на основе массовой обработки воспоминаний жителей Красноярска, позволила выделить три категории горожан в 1960-е годы: «истинные горожане» (45,8 %), «формирующиеся горожане» (19,7 %) и «горожане – не горожане» (34,5 %)[61]. При этом автор подчеркивает, что данная авторская шкала подтверждает тезис о том, что не все вновь прибывшие горожане могут быть отнесены к маргинальным слоям населения, поскольку степень адаптации среди них была различной. Данное исследование является ярким примером применения междисциплинарного подхода при изучении отдельных проблем урбанизации.

Однако в целом в российской исторической урбанистике сохраняется дефицит по-настоящему междисциплинарных исследований, в основном историки все же рассматривают город в рамках определенного научного направления, не используя опыт других исследовательских моделей[62].

В настоящий момент исследователи за редким исключением обходят стороной проблемы, связанные с историей постсоветской российской урбанизации. Понятно, что это продиктовано хронологической близостью с объектом изучения, что при таком анализе сложно выйти на обобщение и конструирование неких моделей. Однако необходимость в подобных исследованиях уже назрела. Один из наиболее крупных представителей современной российской исторической науки в области исторической социологии Б. Н. Миронов, характеризуя основные тренды в развитии отечественной урбанизации, позитивно оценил ее влияние на исторические судьбы России в ближайшей перспективе, когда будет построено общество

[61]Рафикова С. А. «Шкала идентификаторов горожан» как метод качественных урбанистических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Том 13, выпуск 1: История. С. 120.

[62]Трофимов А. В. Российская историческая урбанистика: проблемы историографии // Город, социум, среда: история и векторы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2017. С. 26.

свободных предпринимателей[63]. Подтверждают ли современные тенденции развития российского общества позицию профессора – один из ключевых вопросов при изучении особенностей урбанизации нашей страны начала XXI в.

Следует также отметить, что сегодня в качестве отдельно направления в исторической урбанистике заявили себя пригородные исследования. В 2017 г. вышел сборник «Что мы знаем о современных российских пригородах?», опубликованный по материалам Всероссийского научно-практического семинара, проходившего в г. Улан-Удэ[64]. Ответственным редактором коллективного труда выступил А. С. Бреславский, автор нескольких работ по городской истории, в т. ч. монографии по пригородам Улан-Удэ[65]. Материалы данного сборника позволяют не только ознакомиться с основными исследовательскими взглядами на феномен российского пригорода, но также заставляют задуматься о том, является ли вектор современной российской урбанизации, при существующей тенденции к росту пригородных зон, схожим с путями развития урбанизации в странах Запада или Востока. Продолжение дискуссии о региональных формах так называемой «постсоциалистической пригородной революции» нашло отражение в другом сборнике, вышедшем по результатам международной конференции, направленной на изучение неоднозначных эффектов неолиберальных реформ в области городского управления в странах на постсоветском пространстве[66].

Сегодня акцент исследователей постепенно переносится с количественных показателей урбанизации на ее качественную

[63]Миронов Б. Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3. С. 275–276.

[64]Что мы знаем о современных российских пригородах?: Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара / Под ред. А. С. Бреславского. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.

[65]Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.

[66]«Пригородное революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сборник тезисов международной научной конференции (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2019.

составляющую. Это характерно для разных отраслей научного знания. В современной геоурбанистике количественная оценка урбанизации проводится по совокупности таких показателей, как численность городского населения, количество городов и агломераций, а также различных производных от этих показателей. В то время как под качественными параметрами понимается утверждение городского образа жизни и городской иерархии ценностей[67]. Очевидность отставания качественных показателей урбанизации в России от количественных давно натолкнула исследователей на мысль о ее незавершенности[68]. В отечественной геоурбанистике накоплен серьезный опыт изучения количественных характеристик урбанизации, выработаны теории урбанизации нашей страны, применены на российском материале существующие популярные концепции стадий или этапов развития урбанизации[69]. По понятным причинам (специфика предмета изучения географической науки) качественные параметры урбанизации за редким исключением географами не исследуются.

Городским социологам, напротив, больше интересны вопросы, связанные с характеристикой города как некого уникального пространства со своими особыми формами социальной коммуникации, технологиями экономического обмена, социокультурной средой. Подобные социологические традиции заложены были еще отцом-основателем современной социологии города Максом Вебером, который заявлял: «Дефиниции «города» могут быть самыми различными по своему характеру»[70].

В целом обозначенный круг проблем, который стоит перед исторической урбанистикой сегодня, может быть решен только при использовании комплексного подхода и не без опоры на

[67]Перцик Е. Н. Геоурбанистика: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 30.

[68]Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 105.

[69]Город и деревня в европейской России: сто лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: ОГИ, 2001.

[70]Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М.: Юрист., 1994. С. 309.

труды классиков социологии города и геоурбанистики. Потому что только в этом случае, как отмечает И. А. Агеев, на смену внешней характеристики города придут исследования, которые «показывают город изнутри, как социальный и инфраструктурный организм»[71]. И таким образом будет преодолен существующий дисбаланс в изучении качественных и количественных параметров отечественной модели урбанизации.

Почему столь важен вопрос о параметрах урбанизации? Понятно, что любые оценочные суждения о ее характере применительно к истории нашей страны будут голословными, если не будут подкреплены конкретными фактическими данными и что более важно методологической базой. В зависимости от того, что конкретный исследователь понимает под этими качественными сдвигами, в конечном итоге и влияет на все его видение урбанизации в целом. Так, например, М. Г. Меерович, как было показано выше, крайне негативно оценивал урбанизацию в СССР, подчеркивая ее искусственность, на основе изучения, прежде всего, градостроительной политики государства и облика городских поселений. Исследователь заявлял, что в соцгородах-новостройках не было никакой городской культуры, а, следовательно, не может быть и речи о формировании городского образа жизни[72]. К противоположным выводам приходит Н. В. Гонина, которая считает, что «города Сибири развивались не только в количественном соотношении, но и в качественном – было развернуто жилищное строительство, проведено благоустройство мест отдыха горожан, построены дворцы культуры, театры, кинотеатры и т. д.»[73]. Ученый далее подкрепляет свои выводы данными о газификации и электрификации, росте численности научных, проектировочных и образовательных учреждений, числа людей с высшим образо-

---

[71]Агеев И. А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 358. С. 82.

[72]Меерович М. Г. К вопросу о методологии изучения начального периода урбанизации в СССР // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. С. 120.

[73]Гонина Н. В. Урбанизация в Восточной Сибири во второй половине XX в. – «псевдоявление» или объективный процесс? // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2009.С. 358.

ванием, работников, занятых на инновационном производстве, представителей творческих профессий.

Таким образом, построение региональной модели урбанизации невозможно без применения комплексного подхода, при котором город выступает как динамическая система, включающая в себя социокультурные, социально-экономические, социально-демографические процессы.

Сторонником комплексного подхода является И. Н. Стась, разработавший собственную «дорожную карту» исследования урбанизации Сибири и Севера[74]. Историк предлагает начать изучение урбанизации с выявления ее условий и факторов, далее – исследование государственной градостроительной политики, проблем формирования и эволюции городской среды через характеристику архитектурно-планировочного пространства и застройки, социокультурной сферы и благоустройства, жилищных условий, затем – выявление количественных показателей урбанизации (к ним ученый относит ростчисла поселков городского типа, городов и агломераций, уровень урбанизации, абсолютный рост городского населения и его доли по отношению к сельскому населению, рост плотности городского населения, динамика превышения доли горожан над сельскими жителями), рассмотрение вопросов механического и естественного движения городского населения, его социально-демографического состава, изменение которого, по мысли автора, является качественным показателем развития городского общества.

На базе комплексного подхода выстроила свое диссертационное исследование Р. С. Колокольчикова[75]. Она разделяет точку зрения Н. П. Анциферова о том, что комплексность в изучении города достигается тогда, когда в объекте исследования – городе выделяются три элемента из его единства: пространство, социум, культуру. Ученый изучает пространство города путем обобщения исторического опыта градостроительства, исследует

[74]Стась И. Н. Исследовательские проблемы в истории урбанизации Севера // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2. С. 34–39.

[75]Колокольчикова Р. С. Феномен индустриального города в истории Европейского Севера России (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.): автореф. дис. ... доктора исторических наук. Москва, 2015.

социум через социальное развитие городов (выяснение основных источников формирования трудовых ресурсов для новостроек индустриальных городов, изучение динамики городских демографических процессов, социальных проблем), анализ культурного компонента города осуществляет на основе истории развития городской инфраструктуры сферы культуры, а также использования сети учреждений культуры и спорта.

Как видим, понимание необходимости изучения количественных и качественных параметров урбанизации для построения региональной модели урбанизационного развития на основе комплексного подхода вовсе не ведет к единому содержанию и структуре исследований в данной области.

1.2. Социологический подход к исследованию проблемы адаптации

Актуальность исследования проблемы социальной адаптации сельских мигрантов объясняется теми социальными процессами, которые происходят в современном обществе. Развитие урбанизации, интенсивность миграционных потоков, ускорение темпов жизни, технологизация всех сфер жизнедеятельности кардинально меняют условия городской среды, что вызывает необходимость изменения подхода к изучению адаптации, а также выработку новых критериев измерения ее параметров. Вместе с тем в силу неопределенности самого концепта адаптации недостаточно оформленными и законченными остаются теоретико-методологические основания исследования этой проблемы. В русском языке «адаптация» является заимствованным словом, фактически означающим приспособление, хотя в английском языке для обозначения этих феноменов используют разные слова: «adaptation» (адаптация) и «adjustment» (приспособление). Мы будем использовать их как синонимичные понятия.

В наиболее широком смысле *адаптация* рассматривается как приспособление субъекта к изменениям окружающей среды. Такое толкование адаптации, с одной стороны, дает обобщенное понимание ее сущности, но, с другой стороны, значительно раз-

мывает границы этого явления. Неопределенность в понимании сущности адаптации порождает сложность в формулировании однозначного определения этого понятия, поэтому у разных исследователей можно встретить разные трактовки.

Л. Л. Шпак определяет адаптацию как *универсальный процесс*, охватывающий все многообразие жизни[76]. Такой широкий подход позволяет включить в предметное поле практически все стороны адаптации, однако создает трудности для определения границ этого процесса (который может быть бесконечным), а также делает затруднительным разграничение адаптации и социализации. В представлении П. Бергера и Т. Лукмана, адаптация является составной частью процесса социализации, которая никогда не бывает полной и никогда не завершается[77]. И. А. Милославова, давая характеристику социальной адаптации, пишет, что адаптация представляет собой один из механизмов социализации, позволяющий личности (группе) активно включаться в различные структурные элементы социальной среды путем стандартизации повторяющихся ситуаций, что дает возможность личности (группе) успешно функционировать в условиях динамичного социального окружения[78]. В этом контексте адаптация хотя и является частью социализации, но представляет собой непрерывный процесс, сопровождающий человека в течение всей жизни.

Вместе с тем допуская возможность обратного или противоположного социализации процесса, т. е. *ресоциализации*, сложно говорить о бесконечности этого процесса. Ведь начало ресоциализации закономерно свидетельствует о завершении социализации (хотя бы в конкретных ситуационных условиях). Ресоциализация связана со сменой или повторным усвоением ценностно-нормативных представлений в результате изменившихся условий окружающей среды, вынуждающих личность включаться в условия новой социокультурной среды. Исходя

[76]Шпак Л. Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 50–51.

[77]Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 88–92.

[78]Милославова И. А. Адаптация как социально-психологическое явление // Социальная психология и философия. Л., 1973. Вып. 2. С. 111.

из этого, адаптация по смыслу, скорее, связана с ресоциализацией, нежели с социализацией. Однако если считать, что человек в течение всей жизни постоянно приспосабливается к условиям изменяющейся среды, то *адаптацию* вообще можно отождествлять с непрерывным процессом всей жизнедеятельности человека.

М. А. Шабанова рассматривает адаптацию не только как процесс, но и как *результат взаимодействия* индивида (группы) с кардинально изменяющейся социальной средой[79], что изначально дает представление о конечности этого процесса (т. к. есть результат). Это определение также указывает на двусторонний характер процесса адаптации, который происходит посредством взаимодействия. Причем, в процессе взаимодействия происходят взаимное изменение обеих сторон. Индивид или группа (шире – социальная система) выступает субъектом адаптации, а внешняя среда – объектом, то есть тем, к чему вынуждена приспосабливаться эта система. Роль внешней среды заключается в том, что она задает определенные правила и ограничения, выступает источником ресурсов и в целом представляет собой плацдарм сотрудничества и кооперации[80], поэтому успешность процесса адаптации во многом зависит от ее состояния.

Другое определение характеризует адаптацию как *меру способности* различных социально-экономических слоев и групп населения осмысленно ориентироваться в существующей социальной и хозяйственной ситуации[81]. В этой трактовке адаптация предстает как свойство субъекта адаптации, связанное, прежде всего, с уровнем его целерациональности.

Более узкое толкование можно встретить у Л. Тьерри, который рассматривает процесс адаптации на уровне личности. Причем источником адаптации, по его мнению, являются новые потребности индивида, вызванные изменениями в нем самом

[79]Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 82.

[80]Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 96–97.

[81]Дискин И. С., Авраамова Е. М. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24.

или во взаимосвязях его с конкретной социокультурной средой[82]. Другими словами, именно внутренние потребности человека, появившиеся в результате взаимодействия со средой, вызывают необходимость его адаптации. С. И. Капица считает, что источниками адаптации являются не только субъективные факторы (непрерывное внутреннее стремление человека к развитию), но объективные условия внешней среды (кардинально изменяющаяся социальная среда)[83]. Совсем узкое толкование адаптации можно встретить у Т. Шибутани, в представлении которого адаптация есть *способность личности* разрешить проблемы, возникающие у нее в социальной жизни[84].

Таким образом, адаптация представляет собой *конечный процесс приспособления субъекта адаптации к внешней среде посредством их взаимодействия, в результате которого происходят взаимные изменения обеих сторон*.

По мнению Л. В. Корель, в качестве субъекта адаптации может выступать личность, социальная группа, организация, общность, институт, общество, цивилизация[85], другими словами, любая социальная система. Такая система должна обладать особыми свойствами, позволяющими ей выступать в качестве субъекта адаптации. Во-первых, у социальной системы должна быть сформированная и осознанная потребность, которая может быть удовлетворена только путем изменения окружающей среды. Во-вторых, система должна обладать способностью к социальной активности, запускающей процесс адаптации. В-третьих, социальная система должна быть гибкой и быть восприимчивой к изменению. В-четверых, деятельность системы должна быть направленной и целерациональной. С этой точки зрения адаптация предстает как мера способности осмысленно ориентироваться, адекватно

---

[82]Тьерри Л. Социокультурная адаптация: сущность и функции // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 10. С. 78.

[83]Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 204.

[84]Шибутани Т. Социальная психология: учеб. пособие / Пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. С. 88.

[85]Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 39.

вырабатывать модели поведения и рационально использовать различные ресурсы[86]. Вместе с тем наличие данных свойств социальной системы еще не делает ее субъектом адаптации. Необходимым условием является собственно процесс ее взаимодействия со средой, инициирующий изменения не только системы, но среды. Еще Г. Спенсер писал, что благодаря приспособлению человеческой организации к общественному устройству достигается установление равновесия[87], поэтому целью адаптации можно считать не просто «приспособление ради приспособления», но ради достижения согласия и порядка.

Адаптация в условиях нового общества происходит через усвоение норм, принятых в данном социуме. Причем Э. Дюркгейм настаивал на принудительном характере социальных норм, как неподвластных индивидуальному произволу, где только сформированное общество пользуется моральным и материальным превосходством, необходимым, чтобы иметь силу закона для индивидов[88]. По мнению Т. Парсонса, способность выполнять значимые ролевые действия вообще является наиболее общим адаптивным ресурсом любого общества[89].

Нежелание принимать нормы нового сообщества неизменно порождает конфликт: внешний или внутренний. В случае *внешнего* конфликта происходит полное отвержение той социокультурной среды, которая оказывает влияние на человека. В классификации Р. Мертона такой тип приспособления соответствует ретритизму (или бегству), т. е. люди, строго говоря, находятся в обществе, но при этом ему не при-

---

[86]Дискин И. С., Авраамова Е. М. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24.

[87]Спенсер Г. Основные начала. [Электронный ресурс]. URL: https://www.printfriendly.com/p/g/7dznsU (дата обращения: 16.05.2018).

[88]Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 8–9.

[89]Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 111.

надлежат[90]. В случае *внутреннего* конфликта отвергаются цели, но средства допускаются (по Р. Мертону ритуализм), т. е. человек, хотя не признает культурные цели или умаляет их значимость, но все же соглашается следовать принятым в обществе нормам[91]. Вместе с тем в такой ситуации невозможно говорить об успешной адаптации. Для достижения равновесия необходима полная внутренняя и внешняя согласованность человека и принимающего сообщества, которая, по мнению М. Вебера, должна произойти путем замены внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов[92].

Содержательно понятие «социальной адаптации» в исследованиях разных авторов практически не отличается от собственно «адаптации». Изучение различных определений этих понятий показало, что исследователи принципиальных различий между этими понятиями не проводят. Хотя при изучении *социальной адаптации* больше делают акцент на социальной природе этого процесса. Например, П. Бергер и Т. Лукман рассматривают социальную адаптацию как приспособление организма к социально сконструированному миру[93]. В этом определении подчеркивается социальная природа *объекта* адаптации (внешней среды). Л. В. Корель указывает на социальную природу *субъекта* адаптации, который приспосабливается к внутренним и внешним изменениям[94]. В представлении С. И. Капицы, социальная адаптация осуществляется посредством взаимодействия личности либо груп-

---

[90]Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 272.

[91]Мертон Р. Там же. С. 268.

[92]Вебер М. Избранные произведения [Пер. с нем.]. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 635.

[93]Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 88, С. 92.

[94]Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 39.

пы и социальной среды[95] (тоже социального процесса). Цель социальной адаптации, по мнению П. М. Козыревой, связана с гармонизацией отношений между адаптантом и социальной средой[96]. Другими словами, социальная адаптация в широком смысле связана с *процессом взаимодействия социальной системы* (в качестве которой может выступать индивид, группа, общество) *и окружающей среды*. В более узком смысле социальная адаптация касается изменений личности, которые с ней происходят в результате такого взаимодействия. Причем, по мнению А. Н. Осянина, значение имеют изменения личности, позволяющие ей отождествлять себя с носителями ценностных ориентаций данного социума[97]. Однако включение в условия нового сообщества не всегда влечет за собой изменение ценностно-нормативного ядра личности. В процессе приспособления могут формироваться определенные ситуационные паттерны, которые играют инструментальную роль в процессе адаптации. С. И. Капица поясняет, что в процессе адаптации осваиваются новые стратегии поведения, усваиваются новые нормы и ценности, согласуются притязания индивида не только с его возможностями, но и с социально-экономической реальностью[98], поэтому процесс встраивания в новое пространство неизбежно влечет за собой изменение личности.

Эмпирическое исследование социальной адаптации направлено на изучение личностных изменений, которые происходят в результате взаимодействия с внешней средой и главным образом, с принимающим сообществом, ведь мигранты вынуждены включаться в уже сложившуюся систему социальных отношений, что неизбежно ведет к изменениям. *Сельские мигранты* представляют собой особую категорию

[95]Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 209.

[96]Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 24.

[97]Осянин А. Н. Анализ содержания процессов адаптации и социализации личности (теоретический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2006. № 1. С. 338.

[98]Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 204.

мигрантов. С одной стороны, они включены в общее социокультурное пространство с общими ценностями, нормами, социальными практиками (по Л. В. Корель – макросреда[99]), но, с другой стороны, условия городской среды предписывают иные правила поведения и модели взаимодействия (мезосреда), а взаимодействие с городским сообществом носит разнонаправленный характер, при котором бывшие сельчане вынуждены включаться в разные социальные сети (микросреда).

В представлении К. И. Казенина, *социальную адаптацию сельских мигрантов* в городе можно рассматривать с разных позиций, транслирующих разные варианты развития этого процесса. В случае полной ассимиляции с городским сообществом сельчане могут стать «настоящими горожанами». Однако возможен вариант адаптации путем создания особой культурной среды, сочетающей и городские, и сельские характеристики[100].

Некоторые исследователи считают, что в условиях современного общества переезд в город не связан с радикальной перестройкой всей системы ценностей. А переориентация на новые, специфические для города ценности происходит уже в процессе урбанизации села и приводит лишь к изменениям ценностных ориентаций и выработке лишь некоторых стереотипов поведения[101]. По мнению Р. Мертона, адаптация вообще не связана с изменениями личности, а относится лишь к ролевому поведению в специфических типах ситуаций, к типам более или менее устойчивых реакций[102]. Несмотря на то, приводит ли адаптация к изменениям личности или нет,

---

[99]Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 98.

[100]Казенин К. И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала. ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». М., 2016. С. 6.

[101]Хольшина М. А., Брюханцева О. А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 855.

[102]Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ М.: Хранитель, 2006. С. 256.

формирование ситуационных паттернов необходимо, ведь они сглаживают трудности приспособления мигранта к условиям новой среды.

По мнению М. А. Шабановой, *добровольная* адаптация имеет место тогда, когда согласованные в процессе соотнесения личности со средой или не подлежавшие такому согласованию новые ценности и способы действия, которые предлагает социальная среда, не противоречат «скорректированной» или прежней системе ценностных ориентаций, открывающимся возможностям[103]. В случае готовности мигранта добровольно принимать условия нового общества процесс формирования городской идентичности проходит достаточно быстро и менее болезненно. *Вынужденная* адаптация имеет место тогда, когда направления и методы преобразований не соответствуют, противоречат представлениям и установкам индивида, который, однако, в конечном счете не может не считаться с ними, не содействовать их реализации, дабы удовлетворить свои жизненно важные цели[104]. Поэтому в случае вынужденной адаптации, особенно при отсутствии желания интегрироваться с городским сообществом, превращение сельского жителя в горожанина затруднено.

А. И. Алексеев отмечает, что «российская сельская местность имеет свое продолжение в городах, подавляющая часть жителей которых – горожане в первом или втором поколении, для которых сельские ценности по-прежнему играют очень большую роль»[105]. Чаще всего среди таких мигрантов распространяются «сельские» практики взаимодействия. К таким практикам можно отнести займ денег в долг, приобретение продуктов питания в магазинах «под запись», ведение личного подсобного хозяйства в виде огородничества или разведения животных. Хотя такие практики являются признаком «сельско-

[103]Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 83.

[104]Шабанова М. А. Там же. С. 83.

[105]Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2015. № 2. С. 66.

сти», но фактически, они выступают в роли механизмов адаптации к новым социально-экономическим условиям города.

Более радикальным можно считать *изоляционный* вариант адаптации в ситуации отказа следовать ценностям и нормам городской среды. В этом случае происходит обособление сельских жителей от горожан, в т. ч. и территориальное. По мнению А. Диланян, компактное проживание изолирует группу, мешает усвоению городских практик, причем подобные островки становятся не только помехой на пути интеграции в городскую культуру и способствуют рурализации городских районов[106]. Отношение к такому варианту адаптации неоднозначное: с одной стороны, «перенесение» практик сельской жизни в условия городской среды сохраняет сельскую идентичность, но, с другой стороны, фактически, является транслятором замкнутого воспроизводства, тормозящим процесс урбанизации.

Анализ мотивационных компонентов миграционного поведения связан с выявлением причин сельской миграции. Условно причины миграции можно разделить на несколько категорий:

1. *экономические:*
– безработица
– низкий уровень доходов
– тяжелая работа и др.
2. *социальные:*
– низкий уровень жизни
– отсутствие перспектив
– депопуляция села
– алкоголизм, пьянство и др.
3. *внутренние мотивы* (амбиции):
– стремление к лучшей жизни
– скучная и однообразная жизнь
– отсутствие перспектив для роста и др.
4. *экологические*:

[106]Диланян А. Стать горожанином: сельские мигранты в современном Ереване // Наблюдая за изменениями: стратегии адаптации на Южном Кавказе. Сборник статей. Тбилиси, 2011. С. 34.

– ухудшение экологической обстановки
– ухудшение техногенной обстановки и др.
5. *объективные обстоятельства:*
– перевод на другую работу
– переезд к детям
– брак
– учеба
– выход на пенсию и др.

Основной причиной сельской миграции является тотальная безработица в сельской местности, возникшая вследствие кризиса агропромышленного сектора, который привел к сокращению объемов производимой сельскохозяйственной продукции, снижению заработной платы, к ликвидации крупных предприятий и т. д. В такой ситуации высвободившееся сельское население либо становится безработным и устраивается в неформальном секторе (прежде всего, в приусадебном производстве), либо находит работу вне сельского хозяйства, оставаясь в родных селах или мигрируя в города[107].

Разрушение социальной инфраструктуры, закрытие учреждений образования, здравоохранения и культуры, депопуляция населения, опустынивание сел, алкоголизм, изменение сельского образа жизни, однообразие, отсутствие возможности для насыщенного досуга и, в целом, отсутствие перспектив представляются вескими причинами для переезда сельских жителей в город. Ведь последствия кризиса затронули все сферы жизнедеятельности сельского населения. Серьезной причиной сельской миграции является ухудшение экологической ситуации в местах с действующим промышленным производством (например, добычей угля открытым способом), которое приводит к загрязнению воды, воздуха, высушиванию водоемов, разрушению почвы и т. д.

По сути, все вышеуказанные причины являются вынужденными, связанными с необходимыми изменениями, затрагивающими важные, значимые стороны жизни людей. Очевидно,

[107]Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2 (41). С. 139.

что в случае вынужденного переезда адаптация для сельских жителей будет особенно трудной. Для сельчан, которые мигрировали в города добровольно, например, по объективным обстоятельствам (перевод на другую работу, учеба, переезд к детям, выход на пенсию) или исходя из личных мотивов (в стремлении к лучшей жизни), процесс адаптации к городской жизни, скорее всего, будет проходить легче.

Естественно, процесс социальной адаптации приводит к определенным изменениям, прежде всего, личностным, которые происходят поэтапно. На *первом* этапе происходит приспособление к объективным условиям внешней среды: городскому образу жизни, инфраструктуре города, транспорту и т. д. На *втором* этапе – адаптация к принимающему сообществу: принятие горожан, формирование установок, готовность взаимодействовать и т. д. Самым важным является *третий* этап, связанный с трансформацией исходной идентичности сельского жителя, поэтому фокус эмпирического исследования личностных изменений сельских мигрантов должен быть направлен на изучение именно этого этапа. Желание полностью адаптироваться к условиям городской жизни и стать горожанином способствует менее болезненному формированию городской идентичности, при котором исходная идентичность размывается постепенно (*конформизм*). Возможен вариант успешной адаптации в городских условиях, но с сохранением исходной сельской идентичности (*ритуализм*), т. е. ориентацией на коллективные ценности, уважение традиций села, поддержание связей с сельчанами и т. д. Вместе с тем возможны и крайние варианты заново сформированной идентичности, при которой происходит полный отказ от исходной. Например, неприятие городского образа жизни, отрицание городских ценностей (*ретритизм*) или явное отторжение «новогорожанами» всего «сельского», которое выражается в негативном отношении к другим сельским мигрантам, к сельскому образу жизни, ценностям и т. д. (можно обозначить как *центризм)*. Для некоторых мигрантов характерна позиция *космополитизма*, т. е. отрицание любой идентичности, как городской, так и сельской.

Процесс формирования городской идентичности зависит от разных предпосылок и факторов, выявление которых позволяет оценить их влияние на характер процесса социальной адаптации сельских мигрантов. Вообще, согласно исследованиям, сводный показатель адаптации больше связан с ***социально-демографическими*** характеристиками: возрастом, семейным положением, наличием детей, образованием и др.[108] Очевидно, что молодым людям проще и легче приспосабливаться к новым условиям, т. к. в этом *возрасте* еще продолжается процесс становления личности. Данные исследований этнорегиональных моделей адаптации населения подтверждают, что со структурой миграционной мотивации тесно коррелирует показатель, отражающий возрастной состав мигрирующего населения, среди которого преобладает более молодое население, стремящееся переехать в город как для продолжения образования, так и по семейным обстоятельствам[109]. Для людей средних возрастов доминирующим мотивом миграции являются семейные обстоятельства. Результаты исследования адаптационного поведения разных этнических групп доказывают, что среди мигрантов примерно половину составляют те, кто уже состоит в *браке* и имеет от одного до двух *детей*[110]. Чаще всего отъезд из деревни в город для людей такого возраста является вынужденным, т. к. связан с неудовлетворенностью работой или ее потерей и нахождением работы в городе[111]. Естественно,

[108]Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодежи (Дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 93.

[109]Субботина И. А. Демография. Язык. Социальные настроения. Этносоциальные проблемы (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии). Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 3.

[110]Анайбан З. В. Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования) // Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 12.

[111]Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2 (41). С. 140.

для людей среднего возраста процесс социальной адаптации проходит сложнее в силу уже сформировавшейся системы личности, ценностных ориентиров, определенных предпочтений, в конце концов, бытовых привычек.

Распространенным является представление о том, что более высокий уровень образования способствует более успешной адаптации в новой среде. Однако существует и противоположное мнение, основанное на том, что «знание и опыт» занимают последнее место в иерархии факторов, определяющих успех адаптации[112].

Вообще количество факторов, определяющих процесс адаптации, бесконечно, однако их значимость проявляется только в момент актуализации соответствующих потребностей[113]. Кроме того, одни факторы оказываются более значимыми в процессе адаптации, другие – менее. Более значимыми представляются ***объективные условия***, от которых зависит качество их жизни в новой среде: демографические показатели, показатели экономического развития региона, уровень жизни, доступность жилья, региональный рынок труда, темпы миграции прошлых лет, индикаторы социально-политической стабильности, экологические показатели и др.[114] Например, исследователи отмечают, что имеется прямая и тесная связь возможностей адаптации с типом поселений, свидетельствующая о существенно меньших возможностях для адаптации жителей средних и малых городов[115]. В крупных городах с развитой инфраструктурой, конечно, возможностей больше: вокруг больших городов концентрируются промышленные центры, обеспечивая население рабочими местами. А учитывая, что основной при-

[112]Дискин И. С., Авраамова Е. М. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 29.

[113]Юркевич Г. П. Теория социальной адаптации в истории социологических учений // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 10. С. 102.

[114]Зубков В. В. Миграционный потенциал как объект социологического изучения // Вестник ТОГУ. 2014. № 2(33). С. 289.

[115]Адаптационные стратегии населения / Коллективная монография. Под ред. дэн Е. М. Авраамовой. СПб.: «Компьютербург», 2003. С. 24.

чиной миграции сельского населения является низкий уровень занятости и низкие доходы[116], именно города становятся центром притяжения мигрантов из сельской местности.

На процесс адаптации сельских мигрантов оказывает влияние особенности их расселения в условиях города. По мнению исследователей, значительная часть сельчан, переезжающих в город, в силу экономических барьеров в основном оседает на его окраинах и в пригороде[117]. С одной стороны, компактное расселение сглаживает трудности приспособления сельчан в городе за счет поддержки со стороны таких же приезжих, но, с другой стороны, может препятствовать формированию городской идентичности.

Одним из факторов, сглаживающим трудности процесса адаптации бывших сельчан в городских условиях, является наличие *родственников*. Городские родственники помогают бывшим сельчанам ориентироваться в пространстве города, осваивать городской транспорт, усваивать практики взаимодействия с горожанами, знакомиться с инфраструктурой города и т. д. Не менее важной функцией родственников является и материальная поддержка сельчан на первоначальном этапе их адаптации в городе. По мнению М. А. Хольшиной, между городскими и сельскими жителями происходит своего рода эквивалентный обмен: сельские жители оказывают своим родным в городе помощь сельскохозяйственными продуктами, а те оказывают помощь предметами культурно-бытового назначения[118]. Такой взаимовыгодный обмен, с одной стороны, служит сохранению родственных связей, а с другой стороны, компенсирует трудности материального характера.

---

[116]Томаска А. Г. Демографические факторы социальной адаптации учащихся – сельских мигрантов коренных малочисленных народов Севера (на примере Республики Саха – Якутия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 142.

[117]Бреславский А. С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Уде // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1 (72). С. 22.

[118]Хольшина М. А., Брюханцева О. А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 856.

Важную роль в процессе адаптации также играют ***социально-экономические*** факторы, связанные со сферой занятости сельских мигрантов, их трудоустройством, характером труда (умственная, физическая работа или работа, связанная с общением с людьми), а также жилищные условия. Исследователи отмечают, что разные стороны обустройства переселенцев (жилье, трудоустройство, бытовые условия жизни) оказывают ощутимое влияние в обретении определенного статуса субъектов, обеспечивают их приспособление к ценностям, нормам среды, способствуют интеграции в новое сообщество[119].

Вместе с тем успешность социальной адаптации зависит не только от объективных факторов, по мнению исследователей, даже *надежда* на позитивные возможности сама по себе заметно облегчает социальную адаптацию[120]. Поэтому особое влияние на процесс приспособления сельских жителей в городе оказывают ***субъективные факторы***, связанные с системой ценностей, идеалами, установками, ориентациями, ценностно-нормативными представлениями, индивидуально-психологическими особенностями, личным опытом, переживаниями, привычками и т. д. Влияние этих факторов особенно значимо при определении стратегии адаптивного поведения.

В широком смысле ***стратегии*** рассматриваются как символически опосредованные и выходящие по своему воздействию за пределы сознания идеальные образования, реализующиеся в поведении человека его ориентиры и приоритеты[121]. Согласно зарубежным исследованиям, для трудовых мигрантов переезд – это своего рода стратегия выживания, которая дает возможность зарабатывать и отправлять

---

[119]Жукова И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2007. С. 17.
[120]Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 85.
[121]Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 101.

денежные переводы («миградоллары»)[122] в «исходное» место проживания. В условиях кризиса современного села основная часть сельских жителей переезжает в город из-за отсутствия работы как основного источника дохода, что, по сути, тоже может рассматриваться в качестве стратегии выживания. Иногда переезд в город рассматривается как временный, поэтому стратегия адаптивного поведения преимущественно ориентирована на бесконфликтное пребывание и максимально успешное трудоустройство. При этом мигрант может сохранять устойчивые родственные, земляческие, имущественные связи с местом прежнего проживания и продолжает ощущать со стороны принимающего сообщества отношение к себе и к членам своей семьи как к пришлым[123]. По мнению исследователей, одной из форм адаптивного поведения для мигрантов из сельской местности в городской среде является *ведение личного подсобного хозяйства*[124]. Хотя такие практики являются признаком «сельскости», но фактически они выступают в роли механизмов адаптации к новым социально-экономическим условиям города.

М. В. Ромм допускает возможность существования трех разновидностей *стратегий социальной адаптации*: активной, реактивной и комбинированной. *Активная* стратегия предполагает целенаправленное преобразование мигрантом условий окружающей среды в соответствии со своими потребностями, реактивная стратегия реализуется посредством изменений внутренних структур личности[125]. Примером активных стратегий являются анклавы, локализованные ком-

---

[122]Uteubayev T. Labour migration and remittances: strategy for survival or development? // Information Technologies, Management And Society. 2017. 10(1). P. 28.

[123]Леденёва В. Ю. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов. М., 2014. С. 58.

[124]Хольшина М. А., Брюханцева О. А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 857.

[125]Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. С. 180.

пактно в определенных районах города, которые чаще всего занимают определенные экономические ниши (торговля, сети питания, строительный бизнес). В случае *реактивной* стратегии мигранты вынуждены менять определенные стороны своей личности (ценностные ориентиры, установки, привычки) для того, чтобы успешно взаимодействовать с принимающим сообществом. На наш взгляд, при отсутствии активности мигранта и нежелании менять стороны своей личности целесообразнее говорить о *пассивной* стратегии адаптивного поведения. Очевидно, что процесс адаптации мигранта – сложный процесс, поэтому в реальности адаптационные стратегии сочетают элементы разных стратегий (*комбинированная* стратегия).

Одной из разновидностей адаптационных стратегий можно считать *диаспоральную* стратегию, которая подразумевает формирование сети социальных связей и системы взаимоотношений, жизненных практик и культурных норм, основанных на представлениях о единстве судьбы и места исхода, ценности памяти об «исторической родине» и связей с нею (реальных или духовных)[126]. Ориентация на родственные связи, компактное проживание бывших сельчан зачастую приводят к отгорожению от принимающего сообщества и неприятию городского образа жизни. В рамках данной стратегии именно родственные связи (как закрытый социальный капитал) способствуют решению разных проблем: помощь при решении жилищного вопроса или протекция при трудоустройстве[127], но в дальнейшем такие связи могут служить сдерживающими факторами на пути включения мигранта в новое сообщество.

Более успешной оказывается ориентация на построе-

[126]Дятлов В. И. Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока позднеимперской России// Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2-1. С. 264.

[127]Hlatshwayo N., Wotela K. Social Capital as Survival Strategy for Immigrants inSouth Africa: A Conceptual Framework // InImmigration and Development. 2018. P. 109.

ние новых социальных связей в городской среде[128], а также использование собственных имеющихся ресурсов[129]. Готовность взаимодействовать с городским сообществом и стремление к достижению целей собственными усилиями отличает активные формы стратегий адаптивного поведения. Согласно зарубежным исследованиям, активные адаптационные стратегии варьируются в зависимости от регулирования расходов и доходов мигрантов. *Негативные* стратегии («минимизация расходов») связаны с сокращением потребления (в рационе питания, в использовании коммунальных услуг). *Позитивные* стратегии («максимизация доходов») предполагают поиск дополнительных источников заработка для мигрантов, (сверхурочная работа, увеличение числа членов домашних хозяйств на рынке труда)[130]. Показателем успешной адаптации является усвоение городского образа жизни, в ч. городских форм досуга (кино, театры, музеи, отдых в парках, шоппинг и др.). В целом, готовность принимать условия новой среды чаще всего приводит к менее болезненному формированию городской идентичности и способствует более успешному встраиванию сельского мигранта в городскую среду.

Важным условием, влияющим на процесс адаптации, является *прошлый опыт* человека[131], поэтому стратегия адаптивного поведения сельских мигрантов зависит от их восприятия жизни, которое во многом определяет успешность их адаптации в городе. Мы выделили несколько возможных

---

[128]Буянова А. Ю. Улан-Удэ: адаптация сельской молодежи к городскому и образовательному пространству // Вестник Евразии. 2006. № 3. С. 31–32.

[129]Казенин К. И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала. ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». М., 2016. С. 13.

[130]Dedeoglu S. Survival of the Excluded: Azerbaijani Immigrant Women's Survival Strategies and Industrial Work in Istanbul // Migration Letters. 2011. Volume: 8. № 1. P. 27.

[131]Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 204.

вариантов стратегий сельских мигрантов в процессе их социальной адаптации в зависимости от активности-пассивности и восприятия жизни (см. табл. 1).

Таблица 1

Варианты стратегий адаптивного поведения сельских мигрантов[132]

Направленность	**Активная**	**Пассивная**
Оптимистичная	«жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше»	«жизнь интересная, меня полностью устраивает»
Реалистичная	«жизнь полосатая, я принимаю и хорошее, и плохое»	«все устроится само собой»
Пессимистичная	«жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился и не хочу ничего менять»	«жизнь очень тяжелая, и я вряд ли смогу в ней что-нибудь изменить к лучшему»
		крайний вариант (индифферентная) – «будь, что будет»

Оптимистичное восприятие жизни при условии позитивных ориентаций в отношении будущего порождают *активно-оптимистичную* стратегию адаптивного поведения, при которой сочетается принятие трудной жизненной ситуации и одновременно готовность менять жизнь к лучшему. Отсутствие стремлений к улучшению жизни и довольствование имеющимся находит выражение в *пассивно-оптимистичной* стратегии. *Активно-реалистичная* стратегия адаптивного поведения предполагает принятие всех сторон жизни (как позитивных, так и негативных), однако в условиях пассивности формирует безынициативное отношение к жизни в целом. Выражение *активно-пессимистичной* стратегии связано с субъективным завершением процесса адаптации для мигранта и отсутствием стремлений к новым изменениям. Отсутствие позитивных ориентаций в отношении будущего, неверие в собственные силы находит выражение в *пассивно-пессимистичной* стратегии, крайним вариантом которой является *индифферентная* стратегия – полное безразличие к жизни вообще.

[132]Субботина И. А. Демография. Язык. Социальные настроения. Этносоциальные проблемы (по материалам этносоциального исследования в Хакасии). Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. 24 с.

Успешной можно считать такую адаптацию, в процессе которой вырабатываются практики взаимодействия, приемлемые или выгодные как для мигрантов, так и для принимающего сообщества. Однако чаще всего процесс адаптации сопряжен с разного рода проблемами и трудностями, которые усложняют процесс встраивания сельчанина в условия новой среды:

1. *экономические*:
– отсутствие собственного жилья
– проблема трудоустройства
– высокие цены
– низкий уровень доходов и др.
2. *психологические*:
– трудности общения с людьми в городе
– стресс
– чувство одиночества
– отсутствие друзей, знакомых и др.
3. *правовые*:
– отсутствие городской прописки
– трудности официального трудоустройства
– трудности при устройстве детей в детский сад, школу и др.
4. *экологические*:
– загрязненный воздух
– бесконечный шум
– быстрое движение
– большое количество людей и др.

Наиболее острыми практически для всех сельских мигрантов являются трудности *экономического* характера. Хотя бы потому, что для большей части мигрирующего населения главные причины их переезда связаны с низким уровнем занятости и низкими доходами[133]. Основной проблемой для недавно переехавших в город является отсутствие собственного

[133]Томаска А. Г. Демографические факторы социальной адаптации учащихся – сельских мигрантов коренных малочисленных народов Севера (на примере Республики Саха – Якутия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.2015. № 1. С. 142.

жилья, поэтому значительная часть расходов связана с оплатой съемного жилья. А. С. Бреславский отмечает, что именно экономические барьеры, создаваемые рынком недвижимости, были и остаются главным препятствием для переезда потенциальных мигрантов из сельской местности[134].

Переезд в город, смена социального окружения, поиск работы, изменение условий жизни неизбежно связаны со стрессовой ситуацией и отражаются на *психологическом* состоянии сельских мигрантов. В городской среде бывшие сельские жители испытывают трудности общения с людьми в городе, чувство одиночества, ощущают отсутствие поддержки со стороны близких, друзей, знакомых, испытывают трудности адаптации к городскому ритму и т. д. *Правовые* трудности связаны с неопределенным формальным статусом сельских мигрантов, с трудностями официальной регистрации по месту пребывания. Отсутствие «городской прописки» создает трудности устройства детей в детский сад, школу, а иногда и является препятствием для трудоустройства. Определенную трудность (особенно для людей, имеющим проблемы со здоровьем) представляет изменение *экологических* условий: загрязненная вода, воздух, бесконечный шум, движение транспорта, скопление людей и т. д.

Л. В. Корель также выделяет внутренние и внешние дефициты и помехи («антисредства» адаптации), т. е. набор средств, противодействующих адаптивному процессу[135]. Внутренние дефициты и помехи связаны непосредственно с особенностями личности человека (индивидуально-психологическое особенности личности, характер, привычки, уровень знаний, здоровье), которые либо затрудняют, либо, наоборот, способствуют успешной адаптации мигрантов в городе. Внешние «антисредства» заключены в условиях внешней среды (экономические факторы, национальный состав городского сообщество, уро-

[134]Бреславский А. С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Уде // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1 (72). С. 24.

[135]Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 292.

вень развития гражданского общества, нормативно-правовая система). Естественно, в процессе адаптации сельские мигранты испытывают влияние как внутренних, так и внешних дефицитов и барьеров.

Длительность процесса социальной адаптации зависит от всего набора исходных условий: особенностей личности мигранта, факторов влияния внешней среды, различных барьеров и т. д., поэтому условно можно выделить два уровня критериев успешности адаптации:

– *внешний* отражает встроенность в условия городского пространства, следование городскому образу жизни, экономическую состоятельность и т. д.

– *внутренний* связан с формированием городской идентичности, принятием ценностей городского сообщества, готовностью взаимодействовать с горожанами и т. д.

Следуя этому подходу, мы выделили следующие группы критериев, позволяющие собственно оценить уровень (успешность) адаптированности сельских мигрантов:

1. внешние: экономический, освоение городского пространства;

2. внутренние: социокультурный, психологический.

Естественно, на первом этапе своего пребывания в городе бывшие сельчане преимущественно адаптируются к условиям внешней среды, т. к. этот процесс не связан с кардинальными изменениями важных основ личности (ценностно-нормативных представлений, идентичности и т. д.). Особенно важна экономическая самостоятельность мигранта, которая является необходимым условием его дальнейшего включения в городскую среду, поэтому ***экономический*** критерий оценивает встроенность мигранта в систему экономических, хозяйственных отношений в принимающем сообществе. По мнению исследователей, в качестве оценочных показателей рассматривается обретение постоянного источника дохода[136], поэтому наиболее важным показателем,

[136]Назарова Е. А. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России: социологический анализ. М.: Союз, 1999.

свидетельствующим об успешности адаптации в новых условиях, является трудоустройство. При этом учитывается не только сфера трудовой занятости, но и характер выполняемой работы (умственная, физическая или связана с общением с людьми), а также соответствие места работы образовательному и квалификационному уровню мигранта.

Оцениваются и другие составляющие экономической состоятельности мигранта: род деятельности, уровень доходов, материальное положение, жилищные условия и т. д. Причем важны не столько характеристика обустройства жилья, сколько самостоятельность в решении проблем по решению «жилищного» вопроса: покупка, аренда, проживание у родственников и т. д. Конечно, нельзя сказать, что наличие собственной жилплощади свидетельствует об успешности адаптации (возможно, человек получил недвижимость в наследство или стал собственником жилья после заключения брака), а отсутствие такового, наоборот, о *неуспешности*. Важно учитывать, каким образом на разных этапах своего пребывания в городе сельский мигрант решает «жилищный вопрос». Так, аренда жилья на первоначальном этапе адаптационного периода представляется вполне закономерным и приемлемым явлением, тогда как проживание в съемном жилье после 10 лет жизни в городе, скорее, является свидетельством низкой адаптированности.

Еще один важный критерий, оценивающий включенность во внешние условия – ***освоение городского пространства***. Этот критерий оценивает степень усвоения городского образа жизни: умение ориентироваться в уличном пространстве, пользоваться общественным транспортом, совершать покупки в супермаркетах, соблюдать правила безопасности (особенно в вечернее время и с незнакомыми людьми), жить в условиях постоянного шума, большого количества людей и т. д. В условиях современного технологического общества особое значение также приобретает необходимость освоения *технологического* пространства городской среды. Современный город наполнен технологическими средствами, которые встроены практически во все сферы жизнедеятельности чело-

века (бытовую, социальную, культурную, трудовую, экономическую, политическую), поэтому неумение ими пользоваться создает значительные трудности для успешного включения мигрантов в городскую жизнь. Как правило, начисление заработной платы происходит безналичным способом, что предполагает необходимым умение пользоваться банковскими терминалами. Оплата различных услуг (ЖКХ, детский сад, связь, транспорт) также осуществляется безналичными способами (через терминалы, онлайн-банки). Коммуникация происходит посредством современных средств связи (смартфоны), через социальные сети, а также через системы мгновенного обмена информацией и т. д. Без освоения этих технологий невозможно полноценное функционирование в современном городе.

Однако усвоение «внешних» правил городского образа жизни не может являться доказательством успешной адаптации: человек может следовать принятым в городском сообществе нормам, но в душе оставаться сельчанином. Поэтому при оценке успешности адаптации необходимо также учитывать внутренние изменения личности мигранта: усвоение ***социокультурных*** норм, правил поведения принимающего общества, принятие городских форм проведения досуга и т. д. По мнению исследователей, высокий уровень развития адаптивности личности может быть достигнут за счет активного взаимодействия с социальной средой при максимальном использовании потенциальных возможностей социума[137], поэтому важна способность мигранта взаимодействовать с различными акторами городской среды, налаживать взаимоотношения с соседями, родственниками и т. д.

В представлении П. М. Козыревой, различные «капиталы» (в т. ч. социальный) выступают определенными формами со-

[137]Смелков М.Ю. Теоретический анализ проблемы социальной адаптации в контексте социализации личности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Педагогика. 2011. № 4. С. 169.

циальной адаптации[138]. Социальный капитал как совокупность всех социальных связей помогает более успешно адаптироваться в пространстве городской среды, открывая дополнительные возможности для мигрантов в достижении их целей. Причем, чем более разнообразными являются социальные сети, в которые включается мигрант, тем больше вероятность получить поддержку от людей, которые обладают важными для него ресурсами[139]. В качестве обладателей таких ресурсов в первую очередь выступают городские родственники, которые оказывают сельским мигрантам как моральную, информационную, так и материальную помощь. Однако социальные связи с родственниками, скорее, представляют собой закрытый социальный капитал, сконцентрированный в пределах узкого круга людей. По мнению исследователей, значение закрытого типа социального капитала неоднозначно: с одной стороны, родственные связи могут быть активизированы для накопления капитала, но, с другой стороны, родственные сети истощают ресурсы и создают препятствия для предпринимательской динамики[140]. На первоначальном этапе адаптации существенную роль играет именно этот социальный капитал, однако по мере освоения городского пространства круг социальных связей мигранта должен расширяться.

Значимым показателем усвоения городской культуры является принятие *городских форм досуга*, среди которых можно выделить следующие:

– просветительская (театры, музеи, выставки, библиотеки, концерты)

---

[138]Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6 (326). С. 25.

[139]Boxman E.A.W., De Graaf P.M., Flap H.D. The Impact of Social and Human Capital on the Income Attainment of Dutch Managers // Social Networks. 1991. P. 52.

[140]Rooks G., Szirmai A., Sserwanga A. Social Capital and Innovative Performance in Developing Countries. The Case of Ugandan Entrepreneurs // 7th Globelics conference on Inclusive Growth, Innovation and Technological Change. 2009. P. 5.

– развлекательная (кино, шопинг, торгово-развлекательные центры, дискотеки)

– социальная (общественная деятельность, общение)

– спортивная (занятия спортом)

– активная (езда на велосипеде, прогулки в парках)

– религиозная (посещение мест религиозного характера)

– пассивная (телевизор, Интернет, домашнее времяпровождение)

– праздная (бары, ночные клубы).

Смещение акцента с физиологических потребностей на удовлетворение культурных интересов во многом свидетельствует о формировании городского образа и стиля жизни. Вместе с тем усвоение культурных норм и следование моделей поведения, принятых в городской среде, мешают сохранению собственных культурных традиций (а иногда и родного языка), связанных с исходной идентичностью сельских мигрантов.

Психологический критерий связан с оценкой внутренних изменений личности, свидетельствующих о формировании налаженного механизма взаимодействия мигранта с принимающим сообществом. Успешность социальной адаптации зависит от психологической гибкости личности мигранта, толерантности, готовности меняться и взаимодействовать с другими людьми. Вместе с тем формирование новой идентичности в городской среде требует мобилизации внутренних ресурсов личности, которых не всегда достаточно для успешного социального взаимодействия.

Кроме того, кардинальное изменение условий жизнедеятельности (постоянный шум, большое скопление людей, перемещение транспорта, загрязненная среда) накладывают огромную психологическую нагрузку на психику человека. Исследователи отмечают, что возможны различные варианты реакций на изменения окружающей среды: неадаптивные (подавленность, депрессия, активизация психологических защит, агрессия) и конструктивные (направленность на решение про-

блем, четкое представление о целях, осознанность поведения, учет требований социальной среды)[141].

Кроме того, в качестве эмпирического показателя адаптации (или дезадаптации) принимаются позитивно-негативные оценки респондентами различных условий своей жизнедеятельности: материальной обеспеченности, социальной защищенности, возможностей получения желаемой профессии, условий для отдыха и досуга, свободы, социального самочувствия[142]. Поэтому психологический критерий адаптированности также включает целостную удовлетворенность мигранта, которая представляет собой совокупный показатель, выражающий отношение к разным аспектам жизнедеятельности. Во-первых, удовлетворенность связана с общим эмоциональным фоном или настроением человека, который зависит от ориентаций и ожиданий будущего. Во-вторых, она складывается под влиянием внешних социально-экономических условий, политической ситуации, которая регулируется преимущественно органами государственной власти. В-третьих, удовлетворенность зависит от собственного жизнеустройства: состояния здоровья, материального положения, работы, обеспеченности жильем, устроенности семейной жизни, разнообразности досуга и т. д.

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать основные содержательные аспекты изучения социальной адаптации сельских мигрантов с социологической точки зрения.

В основе любой адаптации лежат потребности, вызванные внутренними изменениями субъекта адаптации или внешними изменениями окружающей среды. Процесс социальной адаптации представляет собой конечный процесс приспособления социального субъекта (личности, группы) к внешней (социальной) среде посредством их взаимодействия, в результате

[141]Бузыкина Ю. С. Переживание личностью трудной жизненной ситуации и проблема адаптации к ней // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире [Электронный ресурс]: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. Электрон. текстовые дан. (8042 Кб). Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 45.

[142]Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодежи (Дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. 2002. №1. С. 92.

которого происходят взаимные изменения обеих сторон. При этом внешняя среда задает определенные правила и ограничения процесса адаптации, а также выступает источником возможных ресурсов. В целом социальная адаптация охватывает многообразие отношений, связанных с трансформацией системы ценностей, с усвоением новых социальных норм, с изменением исходной идентичности, с освоением новых ролей, с выработкой новых моделей поведения, с формированием ситуационных паттернов и т. д. Изменения на уровне личности мигранта, которые происходят с ним в процессе социальной адаптации, могут быть связаны как с радикальной перестройкой всей системы ценностей, так и с выработкой определенных ситуационных паттернов на уровне ролевого поведения без изменения ценностно-нормативного ядра личности.

Эмпирическое исследование социальной адаптации сельских мигрантов направлено на изучение личностных изменений. Анализ мотивационных компонентов миграционного поведения связан с выявлением причин сельской миграции. Как правило, отъезд сельчан в город для большей части всех мигрантов связан с экономическими факторами (безработицей, низкой заработной платой), вынуждающих их покидать сельскую местность. Естественно, для таких «вынужденных» мигрантов адаптация в городских условиях, скорее всего, будет особенно затруднена.

Среди факторов, оказывающих влияние на процесс социальной адаптации мигрантов, можно выделить социально-демографические (возраст, семейное положение, наличие детей, уровень образования, тип села), субъективные (особенности личности мигранта) и объективные (характеристики внешней среды) факторов. В процессе адаптации сначала происходит приспособление к объективным условиям внешней среды, затем адаптация к принимающему сообществу и, наконец, должна произойти трансформация исходной идентичности. Формирование городской идентичности зависит от сохранности исходной идентичности мигранта, соотношение которых продуцирует несколько возможных вариантов: конформизм, ритуализм, ретритизм, центризм, космополитизм.

В зависимости от восприятия жизни и активности выстраиваются разные стратегии адаптивного поведения сель-

ских мигрантов: наиболее продуктивной является активно-оптимистичная, сочетающая принятие жизненных трудностей и готовность менять жизнь к лучшему; бесперспективной можно назвать пассивно-пессимистичную стратегию. Основные трудности, которые испытывают сельские мигранты в процессе социальной адаптации, связаны с экономическими, правовыми, экологическими проблемами. Однако наиболее глубокими являются психологические проблемы трансформации личности мигранта.

Главные критерии адаптации мигрантов связаны с внешними (объективными) и внутренними (субъективными) показателями, свидетельствующими о завершенности процесса адаптации. Эмпирическое измерение уровня адаптированности сельских мигрантов в городской среде предполагает оценку внешних и внутренних аспектов жизнедеятельности. В целом нужно отметить, что с развитием урбанизационных процессов, с увеличением темпов технологического прогресса, с ускорением ритма городской жизни актуализировалась необходимость изменения направлений исследования. В настоящий момент целесообразным представляется изучение не столько объективных показателей, свидетельствующих об успешности социальной адаптации сельских мигрантов, сколько субъективных, связанных с исследованием личностных изменений мигранта.

ГЛАВА 2. УРБАНИЗАЦИЯ ХАКАСИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

(1991–2020 годы)

2.1. Численность и расселение городского населения

Динамика численности городского населения

Численность населения является отражением развития всех сфер жизни общества: экономической, социальной, политической, демографической, культурной – и в целом во многом зависит от социально-экономической политики государства. Распад Советского Союза и масштабные социально-экономические и политические реформы конца XX в. привели к смене приоритетов государства в области внутренней политики, многие программы хозяйственного освоения восточных территорий страны были свернуты, что не могло ни сказаться на развитии городских поселений. Каким образом эти процессы повлияли на ход урбанизационного развития Хакасии?

Во-первых, изменилась численность городского населения Хакасии. Здесь и далее при характеристике динамики численности населения приводятся официальные данные Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002 г., 2010 г. и 2020 г., а также сведения текущего статистического учета, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики в разделе «Демография». На этом же сайте в разделе «Базы данных» можно ознакомиться с показателями муниципальных образований в разрезе одного или нескольких субъектов России. Представленные там сведения позволяют не только проследить изменение численности населения, но и провести анализ его источников.

В 1989 г. Всесоюзная перепись населения зафиксировала в Хакасской автономной области 568,6 тыс. чел. Доля городского населения во всем населении Хакасии составила 72,4 %. Как видно из табл.1, в 1989 г. по этому показателю

Хакасия отставала от РСФСР, но находилась на том же уровне, что и регионы будущего Сибирского федерального округа (СФО). По уровню урбанизации Хакасию в Сибири опережали Кемеровская, Иркутская и Новосибирская области, Красноярский край. Однако для Хакасии были характерны более интенсивные темпы урбанизации. Так, пятидесятипроцентный рубеж доли горожан в общей численности населения в СССР был преодолен лишь в 1960-е гг., в Хакасии же данный уровень был достигнут десятилетием ранее. Строительство объектов Саянского территориально-производственного комплекса на территории Хакасии стимулировало развитие городских поселений и способствовало притоку в города новых поселенцев. В 1970–1980-е гг. среднегодовой прирост городского населения в Хакасской автономной области составлял 3,4 %. Однако с каждым годом темпы прироста горожан снижались. В 1980-е гг. численность городского населения в регионе увеличилась лишь на 4,1 %, в то время как в 1970-е гг. – на 8,5 %. Снижение темпов прироста городского населения в 1980-е гг. было обусловлено завершением строительства ряда крупных объектов Саянского комплекса и изменением режима воспроизводства населения, в частности, снижением рождаемости в конце 1980-х гг. Также оказали влияние и объективные факторы – чем выше коэффициент урбанизации, тем медленнее происходит его дальнейшее повышение.

Таблица 1

Динамика численности и удельного веса городского населения в регионах Сибирского федерального округа в 1989–2020 гг.

Регион/ субъект	1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Россия	**108426**	**73,6**	**106429**	**73,3**	**105314**	**73,7**	**110075**	**74,8**
СФО	**14085**	**72,5**	**12951**	**72,2**	**12560**	**73,1**	**12579**	**74,9**
Алтайский край	1582	56,1	1387	53,2	1324	54,7	1258	58,1
Горный Алтай	52	27,1	54	26,6	57	27,7	65	30,8
Иркутская область	2279	80,5	2048	79,3	1932	79,5	1840	77,6
Кемеровская область	2776	87,4	2513	86,7	2359	85,4	2250	86,5
Красноярский край	2619	72,8	2246	75,7	2158	76,3	2265	79,3
Новосибирская область	2078	74,7	2022	75,1	2060	77,3	2227	79,6
Омская область	1452	67,9	1428	68,7	1413	71,4	1366	73,5
Томская область	691	69,0	709	67,8	736	70,3	758	71,3
Тува	146	47,2	157	51,3	163	52,9	184	54,6
Хакасия	**412**	**72,4**	**387**	**70,8**	**358**	**67,3**	**366**	**68,4**

В результате к концу эпохи СССР Хакасская автономная область была относительно высокоурбанизированным регионом. Ее отличительными особенностями были сравнительно ранняя урбанизация, низкая плотность сельского населения и высокая централизация городского населения: большинство горожан Хакасии проживало в зоне Абакано-Черногорской агломерации.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. численность городского населения Хакасии уменьшилась на 25 тыс. чел. и составила 387 тыс. чел., удельный вес во всем населении республики составлял 70,8 %, то есть понизился на 1,6 %. Снижение численности городского населения были характерны как для России в целом, так и для СФО. Однако по темпам падения удельной численности горожан Хакасия входила в число лидеров среди сибирских регионов, большие показатели наблюдались лишь в Алтайском крае.

Всероссийская перепись населения 2010 г. подтвердила факт прекращения роста городского населения в стране и СФО. Хакасия также не стала исключением. Здесь за восемь лет межпереписного периода количество горожан уменьшилось почти на 29 тыс. чел. Доля городского населения республики в общей численности населения снизилась до 67,3 %. Снижение доли городского населения в эти годы было зафиксировано также еще в одном субъектеСФО – Кемеровской области.

В последующем с момента Всероссийской переписи населения 2010 г. наблюдался незначительный рост горожан: за десять лет на 8 тыс. чел. в Хакасии, достигнув в 2020 г. 366 тыс. Это общероссийский тренд. В стране численность городского населения увеличилась на 4,8 млн чел., в СФО – на 19 тыс. чел.

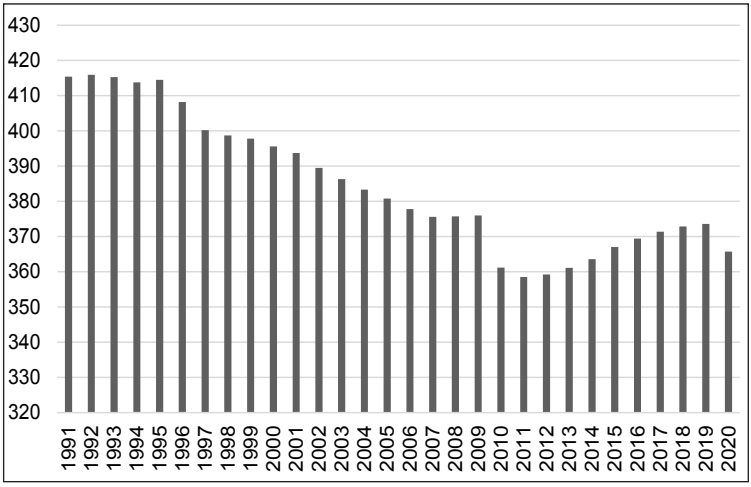
В целом с 1989 по 2020 г. городское население Хакасии сократилось на 11,2 %, в СФО – на 10,7 %, в России, напротив, увеличилось на 1,5%. Динамика численности городского населения региона не была линейной (см. рис. 1). В начале 1990-х гг. численность горожанзначительно не менялась. Но с 1996 г. она начала стремительно падать. Незначительный рост численности горожан в 2008–2009 гг. вновь сменился его падением. С 2012 г. сокращение численности городского населения прервалось. Вплоть до 2019 г. оно увеличивалось. Однако в 2020 г. снова наметилось его сокращение.

Численность горожан упала во всех городских поселениях республики, кроме Абакана и Пригорска. Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что для городского населения региона были характерны разные векторы динамики их населения. Абакан как региональная столица стал центром притяжения не только сельских мигрантов, но и городских жителей. Сюда в 1990-е гг. в том числе устремились жители городов-спутников Абакана – Черногорска и Усть-Абакана. Неблагоприятная социально-экономическая обстановка, особенно высокий уровень безработицы и отсутствие рабочих мест в результате сокращений и закрытия шахт и других предприятий, способствовали оттоку населения в столицу республики. Их население стало расти после того, как в 2010-е гг. ситуация

в этих поселениях стабилизировалась, что отразилось в росте темпов возведения жилья, снижении безработицы и появлении целого ряда новых социальных объектов. Следует отметить, что многие сельские мигранты стали выбирать в качестве нового места жительства не Абакан с его высокими ценами на аренду жилья, а соседние Черногорск и Усть-Абакан, так как их транспортная доступность позволяет добраться до столицы всего за 15 минут.

Рисунок 1

Динамика численности городского населения Хакасии в 1991–2020 гг., тыс. чел.

До 2012 г. городское население республики перманентно сокращалось, затем снова стало расти. С чем связано подобное нелинейное развитие динамики численности горожан? Ответить на этот вопрос можно, обратившись к анализу источников роста/снижения численности городского населения.

Такими источниками являются административно-территориальные преобразования (смена статуса поселения или расширение административных границ города за счет ближайших сельских поселений), естественный прирост/убыль населения и миграции. С момента распада Советского Союза в административно-территориальном устройстве

республики произошли следующие изменения. В 1993 г. пгт Орджоникидзевский Орджоникидзевского района был преобразован в сельский населенный пункт, в 1995 г. селом стал пгт Бельтырский Аскизского района, годом позже – пгт Балыкса и пгт Бирикчуль Аскизского района, в 1997 г. эта же участь постигла пгт Сонский Боградского района, в 2001 г. – пгт Приисковый Орджоникидзевского района[143]. Таким образом, в период с 1989 по 2002 г. шесть поселков городского типа Хакасии сменили свой статус на сельский, суммарная численность проживающего в них населения составляла в 1989 г. около 20 тыс. чел. То есть в 1990-е гг. основным источником сокращения городского населения в республике было преобразование городских населенных пунктов в сельские: 17 тыс. чел. из 25 тыс. чел.

Таблица 2

Численность городских поселений Хакасии в 1989–2020 гг. (чел.)[144]

годы	города					поселки городского типа						
	Абакан	Абаза	Саяногорск	Сорск	Черногорск	Аскиз	Бискамжа	Вершина Теи	Майна	Пригорск	Усть-Абакан	Черемушки
1989	154092	17630	50188	15130	79355	4572	1876	5565	6328	1767	15831	11854
2002	165197	18052	50255	13313	73077	5050	1990	4482	5365	3351	14913	9067
2010	165214	17115	49887	12143	72147	5208	1267	3756	5062	2626	14578	8373
2020	186797	14990	45951	11504	77761	4355	1000	3017	4737	2342	15153	8081
2020 к 1989, %	121,2	85,0	91,6	76,0	98,0	95,3	53,3	54,2	74,9	132,5	95,7	68,2

В дальнейшем тренд на смену статуса городских поселений в регионе сохранился. В 2003 г. город Абаза Таштыпского района и город Сорск Усть-Абаканского района были отнесены к категории городов республиканского значения, в 2009 г. пгт Шира,

[143]Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. Т. 1. М., 2004. С. 563.

[144]Составлено по: данные Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г.; Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований Республики Хакасия. Отдельные показатели по городским округам и муниципальным районам (не входящие в БД ПМО). Оценка численности населения на 1 января [Электронный ресурс]. URL: https://krasstat.gks.ru/folder/28033 (дата обращения: 11.03.2022).

Коммунар, Туим Ширинского района были преобразованы в сельские населенные пункты, из части населения пгт Коммунар были выделены сельские населенные пункты – село Мирный и село Малая Сыя, в 2010 г. пгт Копьево Орджоникидзевского района был преобразован в сельский населенный пункт, из части населения пгт Бискамжа Аскизского района были выделены сельские населенные пункты – поселок Ясная Поляна, поселок при станции Тузуксу, поселок при станции Казынет, а также поселок при станции Ала-Тау. За счет административно-территориальных преобразовании в период между переписями 2002 г. и 2010 г. численность городского населения Хакасии сократилась еще примерно на 20 тыс. чел. (при сокращении численности горожан на 29 тыс. чел.).

В последние годы все городские поселения республики сохраняют свой статус. Таким образом, в период 1990–2000-х гг. именно преобразование городских поселений в сельские стало основным источником снижения численности городского населения. Около 38 тыс. чел. (85 %) потерь городского населения были обусловлены этими преобразованиями.

В постсоветской России 2007 г. стал переломным в демографическом развитии страны. Согласно данным Росстата, в 2007 г. в целом по России ухудшение демографической обстановки замедлилось. В указанном году во всех субъектах Российской Федерации отмечалось увеличение числа родившихся и снижением числа умерших (кроме Чукотского автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа Югра). Естественный прирост населения в 2007 г. был отмечен в 21 субъекте Российской Федерации, в том числе и в Хакасии.

Улучшение демографической ситуации в республике было связано, прежде всего, с повышением рождаемости. Впервые с 1991 г. в 2007 г. коэффициент рождаемости в Хакасии составил 13,8 ‰ (в России – 11,3) и с тех пор повышался вплоть до 2013 г. При этом в городской местности коэффициент рождаемости традиционно был ниже, чем по республике в целом. Самые высокие показатели рождаемости отмечались в районах компактного проживания хакасов – Таштыпском и Аскизском, а с 2012 г. – также в Бейском.

На рост рождаемости в республике, также, как и в стране в целом, оказал влияние комплекс факторов: демографическая политика государства (пропаганда многодетности, материальная поддержки семей с детьми), благоприятная возрастная структура населения (в репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение 1980-х гг.), улучшение социально-экономической ситуации в России.

С 2013 г. рождаемость в республике начала снижаться. Если в 2013 г. коэффициент рождаемости в городских поселениях Хакасии составил 14,8 на 1000 жителей, то в 2020 г. – 10. Однако в целом рождаемость в республике остается относительно высокой и превышает всероссийский уровень, а также средний показатель по субъектам СФО. При этом традиционно более высокий коэффициент рождаемости зафиксирован именно в сельской местности. Между тем анализ показателей рождаемости за последние годы свидетельствует о том, что постепенно происходит сокращение разрыва между рождаемостью на селе и в городе. Так, например, если в 2013 г. указанная разница в Хакасии составила 2,8 ‰, то в 2020 г. – уже 0,2 ‰. На падение рождаемости оказали влияние нестабильная социально-экономическая ситуация в стране, неблагоприятная возрастная структура населения, так как в репродуктивный возраст вступило малочисленное поколение 1990-х гг.

С 1991 г. смертность в Республике Хакасия превышала показатели рождаемости вплоть до 2007 г. Население региона за этот период несмотря на миграционные процессы в целом сократилась более чем на 41 тыс. чел. Самые высокие показатели коэффициента смертности были отмечены в 2003 г. и составили 17,8 ‰.Именно начало тысячелетия ознаменовалось в Хакасии высоким уровнем смертности. При этом ситуация в городской местности по этому показателю выглядела благополучнее до второй половины первого десятилетия XXI в., затем из-за чрезвычайно высокого уровня смертности в городах Абазе и Сорске, связанного в том числе с экономической ситуацией на местах, рассматриваемый показатель среди городского населения резко возрос и опередил общереспубликанские цифры.

Основными причинами смертности городского населения Хакасии трудоспособного возраста в последние годы были так называемые внешние причины (то есть причины, которые вызваны не болезнями, а различными внешними воздействиями – 33,8 %), болезни системы кровообращения (23,3 %), злокачественные новообразования (15,3 %)[145]. Большое количество экзогенных причин смертности свидетельствуют о неблагоприятной ситуации в социальной сфере и системе здравоохранения в регионе.

В 1990-е – первой половине 2000-х гг. в городах Хакасии была отмечена естественная убыль населения. Ее размеры достигли своего максимума в 1994 г. и 2002 г. и составляли 5,4 ‰ и 5,3 ‰ соответственно. Но по сравнению с естественной убылью в целом по городам России ситуация в городских поселениях республики с точки зрения естественного воспроизводства была более «благоприятной» (см. табл. 3).

В 2007 г. ситуация стала меняться вследствие роста рождаемости. Однако высокая смертность населения в Сорске и Абазе приводила к колебаниям коэффициента естественного прироста, который в целом по городам республики так и остался на невысоком уровне. Попытки руководства страны оздоровить демографическую ситуацию не увенчались успехом. С 2013 г. наметился очередной спад естественного прироста населения.

Таким образом, депопуляция 1990–2000 гг. сменилась в первой половине 2010-х гг. простым замещением поколений, так как рождаемость и смертность находились примерно на одном уровне, а после – режимом суженного воспроизводства. В 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 заданная траектория демографического развития была прервана, смертность стала превышать рождаемость, что привело к отрицательным показателям естественного воспроизводства населения страны.

[145]Информационный бюллетень медико-демографических показателей по Республике Хакасия в 2013 году (статистические материалы). Абакан: ГКУЗ РХ «Медицинский информационно-аналитический центр», 2013. С. 52–53.

Таблица 3

Показатели естественного движения городского населения Хакасии и Российской Федерации в 1991–2020 гг., в ‰

годы	Хакасия			Россия		
	рождаемость	смертность	естественный прирост	рождаемость	смертность	естественный прирост
1991	12,9	10,3	2,6	11,2	10,7	0,5
1995	9,4	13,6	-4,2	8,7	14,4	-5,7
2000	9,4	13,6	-4,2	8,3	14,6	-6,3
2005	10,9	16,3	-5,2	9,9	15,1	-5,4
2010	13,7	12,6	1,1	12,0	13,5	-1,5
2015	14,4	12,7	1,7	13,4	12,6	0,8
2020	10	13,4	-3,4	9,9	14,3	-4,4

Естественный прирост в городах Хакасии был более высоким, чем в среднем в российских городских поселениях. И это несмотря на то, что в некоторые периоды (например, в 2005 г. и 2015 г.) смертность в городах республики превышала показатели по стране. В сравнении с СФО в целом Хакасия выглядит относительно стабильно. Однако ситуация в других национальных республиках Сибири в корне отличается от демографического развития Хакасии: и в Бурятии, и в Туве, и на Алтае общий коэффициент естественного прироста городского населения в разы превышает соответствующий республиканский показатель.

Статистические данные свидетельствуют о том, что естественный прирост играл существенную роль в динамике численности городского населения Хакасии. Помимо естественного прироста на людность городов большое влияние оказывает миграция. Картина миграционной подвижности населения в пяти городах Хакасии весьма разнообразна, но в целом вписывается в общероссийские тренды развития городов России различных типов. Так, численность населения Абакана стабильно увеличивалась: за 1991–2020 гг. более чем на 30 тыс. чел. Столица всегда привлекала внимание мигрантов своими возможностями. Причем она становилась центром притяжения не только для внутренних мигрантов, но также здесь наблюдался приток населения из других регионов страны и ближнего зарубежья.

Несмотря на близость таких промышленных гигантов, как

Саянский и Хакасский алюминиевые заводы, а также Саяно-Шушенская ГЭС, так и не стал привлекателен для мигрантов-город Саяногорск.

В 2010-е гг. стабилизировалась численность населения Черногорска. В 2020 г. она составила более 77 тыс. чел. Во многом это связано с увеличением рождаемости в городе, но также здесь заметен небольшой миграционный прирост (пока речь идет только о нескольких десятках человек). Население небольших по численности Абазы и Сорска, напротив, стремится покинуть пределы своих населенных пунктов. Здесь регистрируется отрицательное сальдо миграции.

Масштабы и направления сельско-городской миграции во многом определялись социально-экономическим развитием региона. Если в советский период индустриальное освоение Хакасии, строительство заводов и фабрик, промышленных гигантов в рамках формирующегося Саянского территориально-производственного комплекса подталкивали экономически активное сельское население переезжать в город, испытывающий кадровый дефицит, то в постсоветский период причины сельско-городской миграции несколько изменились. В условиях экономически тяжелых 1990-х гг. сельские жители республики устремились в города в поисках заработка и лучшей доли, так как в разорившихся совхозах сложно было найти хоть какую-то работу.

Основные причины сельско-городской миграции сегодня все также связаны с социально-экономическими трудностями, характерными для сельской местности, – безработицей и уровнем жизни,низким по сравнению с городом. Массовая безработица в сельской местности – следствие кризиса агропромышленного сектора, который привел к сокращению объемов производимой сельскохозяйственной продукции, снижению заработной платы, ликвидации крупных предприятий[146].

Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала, что уровень занятости городского населения Хакасии значительно выше сельского. В городской местности из 224950 чел.

[146]Лушникова О. Л. Социальная адаптация сельских мигрантов: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Дискуссия. 2018. № 6. С. 51.

трудоспособного возраста были заняты трудовой деятельностью 160970 чел., то есть 71,6%. В сельских поселениях уровень занятости экономической деятельностью среди лиц трудоспособного возраста ниже на 9,1 пункта и составил 62,5 % (64815 чел. из 103747). Сравнительный анализ уровня жизни городского и сельского населения страны также свидетельствует о наличии целого комплекса социально-экономических проблем в современном российском селе[147].

Несомненно, часть мигрантов, переехавших в город, в том числе и хакасов, находится в поиске больших возможностей для саморазвития и самореализации. Среди приезжих преобладает молодое население, цель переезда которого в город связана с желанием продолжить образование или с семейными обстоятельствами.

Результаты социологического опроса, проведенного летом 2018 г., свидетельствуют о том же. Один из вопросов, заданных респондентам, позволяет установить мотивы переезда в город сельских жителей республики. Он был сформулирован следующим образом: «Что побудило Вас уехать из села/деревни?». Опрос подтвердил (см. рис.2), что большинство мигрантов вынуждены были переехать в город в связи с отсутствием работы в деревне (24,6 % опрошенных). Второй по популярности ответ (если не учитывать тех людей, которые переехали жить в город в детском возрасте по решению родителей) – «желание жить лучше», что продиктовано низким уровнем жизни и отсутствием перспектив в деревне (24,1 %), третий – «в связи с учебой» (20,8 %). В этой части результаты исследования не противоречат данным подобных этносоциальных опросов в регионе, проводимых в предыдущие годы[148].

Отметим, что хакасы чаще, чем русские, связывают причины своего переезда в город с семейными обстоятельствами: вступление в брак (13,2 % опрошенных хакасов и 12 % русских) или

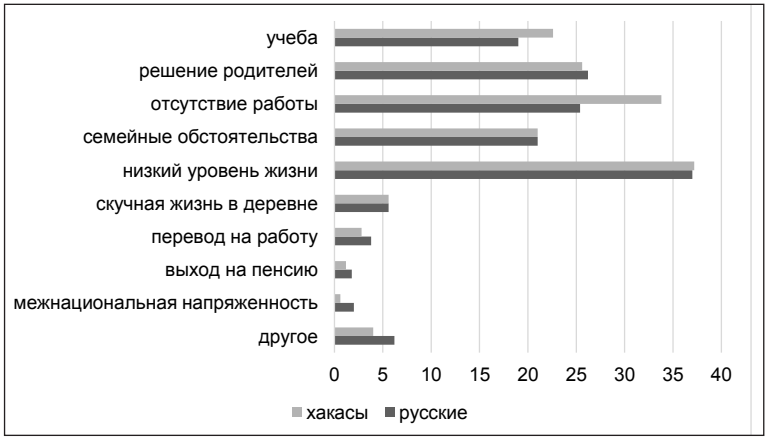
[147]Быстрицкая А. Ю., Шатохин М. В. Сравнительная характеристика уровня жизни городского и сельского населения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 2. С. 20–21.
[148]Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011.

переезд к детям (2,4 % и 1,6 % соответственно). Между тем хакасы реже русских перебираются в город в связи с учебой детей (5,4 % хакасов и 7,4 % русских). Связано это не с более низкой степенью образованности среди хакасов, а с более тесными контактами между родственниками, нежели у русских. Зачастую хакасские дети, приехавшие из деревень, обучаясь в городе, живут у родственников или находятся под их контролем и опекой.

Наиболее мобильной частью населения является молодежь, поэтому неудивительно, что именно люди этой возрастной группы составляют основной массив мигрантов. Опрос 2018 г. подтвердил, что большинство опрошенных хакасов переехали жить в город в возрасте до 35 лет (69 %). Целью их переезда в город является желание продолжить образование или же семейные обстоятельства. Этносоциологическое исследование адаптивного поведения основных этнических групп Хакасии, проведенное в 2006 г. Институтом востоковедения РАН, показало, что среди мигрантов-хакасов примерно половину составляют те, кто состоят в браке и имеют одного-двух детей[149].

Рисунок 2

Причины сельско-городской миграции, в %

[149]Анайбан З. В. Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования): информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт востоковедения РАН. 2006. С. 12.

Остальные мотивы переезда среди хакасов и русских относительно одинаково популярны: низкий уровень жизни и тех, и других (37 %), скучная и однообразная жизнь в деревне (5,6 %), перевод или направление на работу (3,3 %), выход на пенсию (1,5 %), неблагоприятный климат (0,7 %), ухудшение экологической обстановки (0,3 %) и другие.

Таким образом, большинство хакасов мигрируют сегодня в города из-за вынужденных обстоятельств. Очевидно, что по этой причине им сложнее адаптироваться к новым условиям. Процесс их адаптации в городской среде зачастую бывает затяжным или вовсе заканчивается тем, что они бывают вынуждены вернуться в сельскую местность. Только в период с 2001 по 2007 г. из городской в сельскую местность вернулись 1175 чел.[150] Вместе с тем сегодня эти разнонаправленные процессы миграции населения из села в город и обратно – явление обыденное, своеобразный тренд развития современного общества в аспекте его пространственной мобильности[151].

Отсутствие сведений о направлении сельско-городских миграций не позволяет посчитать точное количество мигрантов в городах и определить их социально-демографические характеристики. Примерные данные о структуре миграционных потоков и их направленности нам могут дать лишь массовые социологические опросы.

Опрос 2018 г. включал в себя перечень вопросов, позволяющих составить таблицу сопряженности места выбытия мигранта и места его жительства в момент проведения исследования (см. табл. 4). Как и следовало ожидать, результаты опроса показали, что большинство опрошенных переехали в городские поселения республики из сельской местности Хакасии (72 %). При этом не замечено наличие связи между размером населенного пункта, откуда выехал мигрант, и его нынешним местом жительства. Скорее на это оказывает влияние

[150]Население Республики Хакасия за 2001–2011 годы. Абакан, 2012. С. 16.
[151]Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60.

географический фактор. Так, например, в Сорске наблюдается небольшое количество мигрантов, приехавших из больших сел, численностью более 500 чел. Сам город в радиусе 50 км не имеет крупных сельских поселений.

Таблица 4

Таблица сопряженности нынешнего и предыдущего места жительства мигрантов, в % от опрошенных

место жительства	откуда прибывают мигранты				
	из небольшой деревни в Хакасии	из большого села в Хакасии	из небольшой деревни другого региона	из большого села другого региона	из села другой страны
Абакан	39	35	9	13	4
Черногорск	33	33	9	19	6
Саяногорск	29	34	8	23	6
Абаза	27	36	0	33	4
Сорск	62	13	6	19	0
Аскиз	35	35	17	12	1
Бискамжа	53	34	0	13	0
Вершина Теи	35	33	12	12	8

Традиционным центром притяжения переселенцев являются столичные города. Абакан не стал исключением. Из 474 опрошенных абаканцев, которые переехали жить в город после 1991 г., более четверти (26 %) приехали в Республику Хакасия из других регионов (22 %) и даже стран (4 %), как правило, ближнего зарубежья, из среднеазиатских республик, а также переселенцы из Донецкой и Луганской областей.

Похожая ситуация сложилась в Черногорске как городе, непосредственно связанном с Абаканом ежедневной маятниковой миграцией, Саяногорске как крупном промышленном центре с развитой социальной инфраструктурой, индустриально развитых Абазе и Вершине Теи, динамично развивающемся Аскизе. Во всех этих поселениях квалифицированные специалисты, а также просто рабочие могут найти работу. В связи со сложной социально-экономической ситуацией Сорск остается малопривлекательным городом для мигрантов из других стран. Бискамжу также не выбирают в качестве места жительства иностранные мигранты, в том числе по причине отсутствия многих объектов социальной сферы, например, Дома культуры и больницы.

Хакасы-мигранты, проживающие в городах республики, приехали сюда из сельских поселений Хакасии: 52 % из небольших деревень, численностью менее 500 чел., 34 % из больших сел. Процент прибывших хакасов из-за пределов республики невелик – 14 %, из них 11 % из других регионов страны, 3% из иностранных государств. Среди русских ответы были следующими: большинство (35 %) переехали из больших сел региона, по 23 % из небольших деревень Хакасии и больших сел других регионов (как правило, речь идет о соседних регионах, таких как Красноярский край, Тува, в меньшей степени Кемеровская область и Алтай), 14 % из небольших деревень других регионов и 5 % их сельских населенных пунктов других стран.

Среди мигрантов преобладают женщины (58 %), что соответствует многолетней истории наблюдения за этим процессом[152]. Наиболее высокие показатели миграционной активности зафиксированы у хакасов со средним специальным (39%) и высшим (30 %) образованием. Несмотря на это, в городе многие из них смогли устроиться только в качестве рабочих (38 %). Лишь каждый четвертый хакас, переехавший жить в город, относится к категории служащих среднего звена (сотрудникам или специалистам), среди служащих высшего звена их доля составляет всего 2 % опрошенных. Трудятся хакасы-мигранты чаще всего в сфере обслуживания (19 % респондентов), строительстве (12 %), образовании и науке (11 %).

Миграция в регионе была достаточно интенсивной, о чем свидетельствуют результаты переписей населения. В 2010 г. третья часть городского населения (36,2 %) с рождения проживала в том населенном пункте, в котором застала их перепись. При этом 16,5 % городского населения поменяли свое место постоянного жительства в последние 8 лет перед переписью (2003–2010 гг.), в том числе 17,8 % мужчин и 15,3 % женщин.

Интенсивная сельско-городская миграция обостряла проблему формирования городского образа жизни, особенно в небольших по численности городских поселениях. Сельские мигранты «заражают город деревней, ее необязательным по

[152]Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. С. 21.

городским меркам отношением ко времени, сугубо партикулярным – к пространству»[153]. Процесс формирования урбанистической культуры в этих условиях тормозится и напрямую зависит от количества прибывающих в город новых вчерашних сельчан.

В конце 1980-х гг. сибирскими учеными была разработана классификация социальной дифференциации городского населения, критерием которой выступала длительность проживания людей в городе[154]. Согласно данной классификации выделялись следующие группы городского населения:

1) категория «чистых» горожан, то есть тех, кто всю или по крайне мере ¾ своей жизни прожил в городе;

2) «преимущественно» горожане – лица, которые провели в городе от половины до ¾ жизни;

3) преимущественно селяне или полусельские жители; эта часть городского населения провела в городе более ¼ и менее половины прожитой жизни;

4) городские селяне, то есть лица, проведшие в селе всю или более ¾ своей жизни.

К категории «чистых» горожан в 2010 г. можно отнести 78,2 % городского населения Хакасии, так как 268,4 тыс. чел. указали в качестве места своего постоянного жительства городское поселение, в котором они родились или прожили большую часть своей жизни. К категории городских селян при этом можно отнести около 15,3 % городского населения, указавшего факт своего переезда в недавнем прошлом. При этом последняя цифра является приблизительной, так как, к сожалению, в опубликованных итогах переписи нет возможности проследить, откуда прибыл мигрант, то есть вполне возможно, что это было не сельское, а другое городское поселение.

Этносоциологический опрос 2018 г. также позволил исследовать миграционные настроения городских жителей.

---

[153]Панарин С. А. Казахстан: города и урбанизация в межпереписной период (1989–1999) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 67.

[154]Благосостояние городского населения Сибири: проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. С. 237–238.

В анкете были представлены вопросы, связанные с желанием респондентов сменить место жительства и его причинами. На вопрос о желании переехать из своего городского поселения утвердительно ответили 30 % опрошенных.

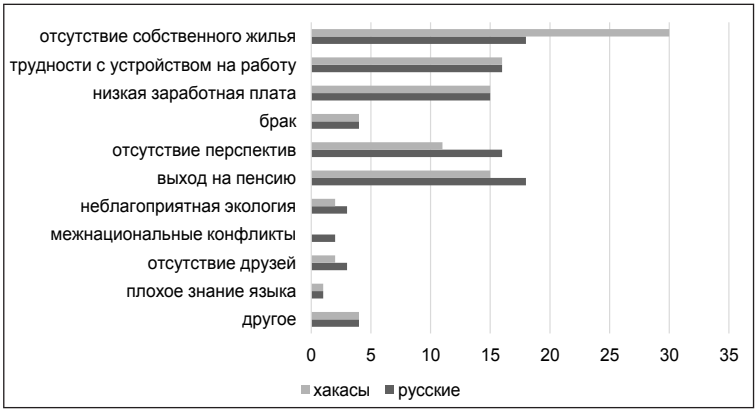
Среди основных причин, по которым респонденты хотели бы переехать (см. рис. 3), чаще всего были названы отсутствие собственного жилья (24 %), трудности с устройством на работу (16 %), выход на пенсию (16 %) и низкая заработная плата (15 %).

Главным мотивом смены места жительства среди хакасов является отсутствие собственного жилья в городе (30 %), остальные мотивы указывались значительно реже. У русских, помимо названного мотива (18%), популярным является ответ «выход на пенсию» (18 %). Также русские чаще хакасов говорят об отсутствие перспектив в городе.

Анализ ответов по направлению потенциальной миграции показал, что 40 % потенциальных мигрантов планируют переехать в другой город за пределами Хакасии, 27 % – в то село, откуда приехали, 12 % – в другой город Хакасии, 9 % – в другую страну, 8 % – в другое село Хакасии и 4 % – в другое село за пределами республики.

Рисунок 3

Мотивы переезда горожан в другой населенный пункт,в %

Интерес представляет градация ответов респондентов на указанные вопросы, исходя из их места жительства. Менее

всего склонными к переезду оказались респонденты отдаленных от центра городских поселений. 93 % хакасов, жителей Вершины Теи, не планируют менять место своего проживания. Похожая ситуация наблюдается в Бискамже (86 %), Сорске (80 %) и Абазе (78 %). При этом, если жители данных населенных пунктов и планируют уезжать, то либо в другой город республики, либо в село, откуда приехали. Напротив, жители Абакан, Черногорска, Саяногорска и Аскиза задумываются о переезде в города за пределами Хакасии.

В целом сельско-городская миграция – один из важнейших источников роста городского населения. Как социальное явление она неизбежна в условиях формирования урбанистического общества и приводит к распространению модернизирующей силы городов на сельскую местность, так как благодаря сельско-городским связям в сельскую местность проникают не только материальные предметы городской культуры, но и представления, знания. Между тем последствия этого вида миграции могут быть негативными как для города, так и для села. Для городской местности большой миграционный поток может приводить к ее частичной рурализации, когда мигранты начинают воспроизводить в городе привычный для них сельский образ жизни. Также сельско-городская миграция негативно сказывается на развитии сельских поселений республики. Из-за того, что основную часть миграционных потоков составляет молодежь, демографическая ситуация в сельской местности ухудшается.

Соотношение трех источников роста численности городского населения варьировалось по годам. В начале 1990-х гг. убыль городского населения, как было показано выше, была связана в основном с административно-территориальными преобразованиями. Во второй половине 1990-х гг. сокращение горожан происходило как за счет естественной убыли населения, так и за счет продолжающихся административных преобразований, миграционный прирост в городах оставался положительным. В начале XXI в. резко упала численность городского населения республики, так как все три компонента изменения его численности имели отрицательные значения. Ситуация изменилась бы в лучшую сторону с середины

2000-х гг., когда сальдо миграционного прироста в городах вновь стало расти и остановился процесс естественной убыли среди горожан, однако, перевод сразу нескольких городских населенных пунктов в разряд сельских отрицательно сказался на численности городского населения. После 2010 г. установился тренд на рост численности горожан Хакасии за счет естественного и миграционного прироста.

Таким образом, динамика численности городского населения, источников и темпов его сокращения, а затем роста свидетельствуют о том, что Хакасию практически не затронул общероссийский постсоветский процесс рурализации. Во-первых, население городских поселений республики сокращалось не за счет миграции горожан в село, а за счет естественной убыли населения. Во-вторых, динамика численности городского населения в этот период не отличалась стабильностью. После длительного 20-летнего периода сокращения населения городов республики небольшой рост в последние годы не смог компенсировать потери предыдущих лет.

Система городского расселения

Система расселения региона представляет собой территориальное сочетание городских и сельских поселений, между которыми существуют относительно четкое распределение функций, а также производственные и социальные связи, при этом именно крупные городские центры выступают в качестве опорного каркаса всей системы расселения. Поэтому характеристика системы городского расселения включает в себя не только данные о структуре городских населенных пунктов, их людности, но и их структурно-функциональную типологию, а также анализ роли миграции в динамике городского пространственного развития.

Следует учитывать, что на рубеже XX–XXI вв. система городского расселения Хакасии развивалась весьма динамично и не отличалась стабильностью. Трансформация городского расселения всегда являлась отражением политики государства в области социально-экономического развития. Распад Советского Союза, либерализация экономики, социально-

экономический кризис – все это повлияло на развитие территориально-поселенческой структуры региона.

В 1989 г., в период проведения последней Всесоюзной переписи населения, городская сеть Хакасии состояла из поселений двух уровней: поселков городского типа и городов (см. табл. 5). К числу первых относились 18 населенных пунктов, которые подразделялись на поселки при промышленных или транспортных предприятиях (17 населенных пунктов) и при лечебных (курортных) учреждениях (1 поселок). Практически все поселки городского типа появились в период массового градообразования в Сибири в послевоенный период. Исключением были лишь Черемушки, Жемчужный и Пригорск, получившие статус городских поселений в 1970–1980-е гг., в период формирования Саянского территориально-производственного комплекса. Количество пгт к 2020 г. сократилось с 18 до 7. Смена статуса населенного пункта с городского на сельский зачастую была связана с утратой перспектив развития в результате закрытия или сокращения промышленных градообразующих предприятий или экономическими преференциями села: при начислении заработной платы статус сельского поселения для жителей населенного пункта более выгоден.

Количество городов осталось прежним – 5. Однако некоторые из них поменяли свой статус. В 2003 г. город Абаза Таштыпского района и город Сорск Усть-Абаканского района Хакасии были отнесены к категории городов республиканского значения. Лишь столичный город Абакан относится к категории «больших» городов (свыше 100 тыс. чел.) и согласно устоявшейся классификации урбанистов имеет право именоваться «настоящим городом»[155]. Черногорск является «средним» городом. Саяногорск, Абаза и Сорск относятся к категории «малых» городов с людностью менее 50 тыс. чел. Это монопрофильные города (с градообразующим предприятием), что влечет за собой определенные риски: закрытие или кризис предприятий может привести к кризису всего поселения. Такая ситуация, например, сложилась в последние годы в Абазе. Однако наличие

[155]Гольц Г. А. Культура и экономика России за три века. XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск, 2002. С. 376–387.

значительного количества таких городов сказывается в целом на кризисе городского расселения: их жители, лишившиеся работы, зачастую не имеют возможности для переезда в более крупные многопрофильные города, лишая, таким образом, перспектив развития всю систему городов региона[156].

Таблица 5

Группировка городских поселений Хакасии по численности постоянного населения в 1989–2020 гг.

	число городских поселений				доля городского населения в них, %			
	1989	2002	2010	2020	1989	2002	2010	2020
Все городские поселения	23	18	14	12	100	100	100	100
в т.ч. с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	10	8	5	5	6,6	5,9	3,5	4,5
5–10 тыс.	5	4	3	1	7,4	7,5	5,1	2,2
10–20 тыс.	5	3	3	3	17,2	12,0	12,1	11,6
20–50 тыс.	-	-	1	1	-	-	13,8	13,1
50–100 тыс.	2	2	1	1	31,4	31,9	19,9	20,1
100–250 тыс.	1	1	1	1	37,4	42,7	45,6	48,5
Городов всего	5	5	5	5	100	100	100	100
в т.ч. с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-
5–10 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-
10–20 тыс.	2	2	2	2	10,4	9,8	9,2	8,3
20–50 тыс.	-	-	1	1	-	-	15,8	14,6
50–100 тыс.	2	2	1	1	40,9	38,6	22,8	22,6
100–250 тыс.	1	1	1	1	48,7	51,6	52,2	54,5
Поселков городского типа всего	18	12	9	7	100	100	100	100
в т.ч. с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	10	7	5	5	28,4	34,5	27,9	41,2
5–10 тыс.	5	4	3	1	31,8	43,2	40,5	20,2
10–20 тыс.	3	1	1	1	39,8	22,3	31,6	38,6
20–50 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-
50–100 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-
100–250 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-

[156]Горин Н., Нещадин А. Тенденции трансформации системы городского расселения в России // Общество и экономика. 2010. № 12. С. 142–143.

Показательно, что численность населения города Сорска составляет менее 12 тыс. жителей, то есть ниже принятой в стране квалиметрической нормы городского поселения в статусе города. В то же время людность поселка городского типа Усть-Абакан уже превышает показатель в 15 тыс. чел. Отсутствие четких критериев отнесения поселений к категории городских или сельских, особенно в отношении малых городов, наводят на мысль о невозможности определения уровня урбанизированности региона только на основе количественных изменений этого показателя.

О степени урбанизированности региона можно судить также по структуре расселения городских жителей. Количество людей, проживающих в «настоящих городах» Хакасии, то есть в городе Абакане постоянно растет. Если в 1989 г. здесь проживало 37,4 % всех горожан, то сейчас – 48,5 %. Таким образом, сегодня «настоящим горожанином» может назвать себя практически каждый второй городской житель республики. Вместе с тем это очень низкие показатели уровня урбанизационного развития. Для сравнения: уже в 1991 г. этот показатель в среднем по России составлял 46 %, по Восточной Сибири – 40 %[157]. Таким образом, по уровню реальной урбанизации Республику Хакасию можно отнести к слабоурбанизированным регионам.

Следует оговориться, что предлагаемая урбанистами классификация городских поселений является условной. Остальные горожане проживают в «средних» (20,1 %) городах и «малых» (24,7 %) городских населенных пунктах. 6,7 % городского населения республики проживает в небольших поселках городского типа численностью до 10 тыс. чел.

В постсоветский период установился тренд на концентрацию горожан в крупных городских населенных пунктах. Население столичного Абакана выросло с 1989 г. на 33,8 тыс. чел. Соотношение городского населения между пгт и городами выросло в пользу последних. В 1989 г. в городах проживало 76,7 % городского населения региона, в 2020 г. – 88,4 %. Ко-

[157]Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007. С. 24.

личество городских населенных пунктов людностью до 10 тыс. чел. сократилось с 15 до 6.

Не менее важными показателями урбанизированности территории являются плотность населения городов, густота городской сети, средний уровень людности городов. Исследователями Санкт-Петербургского государственного экономического университета были произведены расчеты для всех регионов России с учетом указанных показателей с целью отразить степень доступности городской среды для регионов страны[158]. Данные расчеты показали, что Хакасия (по состоянию на 2015 г.) относится к группе регионов со средним уровнем урбанизированности территории с коэффициентом 109. С учетом того, что диапазон коэффициента урбанизированности территории этой группы регионов составляет 100–150, то Хакасия и по названым показателям близка к категории регионов с крайне слабым уровнем урбанизированности территории. Следовательно, и уровень доступности городской среды для населения республики относительно невысок.

Еще одним важным для урбанистов показателем является соответствие людности городов региона правилу «ранг-размера» Дж. Ципфа, согласно которому второй по людности город уступает по численности первому не более, чем в 2,5 раза, такая же закономерность должна прослеживаться и между вторым и третьим городом. Интересно, что этому правилу соответствует всего 13 субъектов России, в том числе и Хакасия по первому показателю, а также 3 субъекта, в том числе и Хакасия – по второму[159]. Это свидетельствует о том, что в республике не только Абакан, но и Черногорск как второй город региона, и Саяногорск как третий город, являются самостоятельными элементами системы городского расселения, они в полной мере выполняют все характерные для городов функции.

Сеть городских поселений Хакасии отличается неравномерным распределение по территории республики. Боль-

[158]Балабейкина О. А., Файбусович Э. Л. Уровень урбанизированности территории Российской Федерации: региональный разрез // Географический вестник. 2018. № 1 (44). С. 72–82.

[159]Там же. С. 75.

шинство из них находятся на востоке региона, на границе с Красноярским краем. Только в 3 из 8 районов Хакасии имеются городские поселения – это Усть-Абаканский, Аскизский и Таштыпский районы.

Неравномерное распределение городских поселений по территории Хакасии обусловлено как природно-географическими особенностями региона, так и экономическим развитием его районов в советский и постсоветский периоды. Большую роль при генезисе городских поселений всегда играет наличие крупных рек (в Хакасии это Енисей и Абакан, вдоль которых сегодня и расположены большинство городских поселений), полезных ископаемых. Также решающее значение имеет степень развитости транспортной инфраструктуры, системы развития различных отраслей народного хозяйства региона. В связи с тем, что Хакасия на протяжении длительного времени являлась частью Красноярского края,между ними установились прочные социально-экономические связи. Формировавшийся с 1970-х гг. Саянский территориально-производственный комплекс был призван еще сильнее укрепить их. Поэтому неудивительно, что и многие городские поселения республики находятся в непосредственной близости от поселений Красноярского края и до сих пор связаны с ним не только экономически. Достаточно вспомнить, что ежедневный поток маятниковой миграции между Абаканом и Минусинском сегодня составляет около 1000 чел.

Для Хакасии характерна высокая степень использования агломерационного потенциала. Еще в советские годы при планировании развития городов Абакана и Черногорска речь шла о создании единой Абакано-Черногорской агломерации. По существу, с точки зрения ежедневного маятникового передвижения населения эта агломерация уже сложилась, и здесь сосредоточена большая часть городского населения республики –73,8 %. Черногорск как город-спутник столичного Абакана в советский период развивался достаточно динамично. В те годы было принято строить жилые зоны в непосредственной близости от рабочих мест, поэтому и не было необходимости в масштабных маятниковых миграциях. Кризис 1990-х гг. сильно ударил по благополучию Черногорска. Закрытие пред-

приятий, безработица, скромный бюджет муниципалитета и другие социально-экономические проблемы способствовали тому, что обороты ежедневной маятниковой трудовой миграции между городом-центром Абаканом и городом-спутником Черногорском постоянно росли.

Концентрация населения в зоне агломерации имеет неоднозначные последствия: территория агломерации за счет численности населения имеет стимул и ресурс социально-культурного и торгового развития, вместе с тем стягивание населения (как правило, трудоспособного возраста) в одной географической точке ведет к росту дисбаланса в размещении многих отраслей экономики, сфер бизнеса, социальных объектов. Также в Хакасии имеют место мини-агломерация (Саяногорская), связанная с организацией сельской местности вокруг малого города, что также способствует интенсивному включению городских принципов жизни в сельскую среду.

Поворотным пунктом в изменении функций городских поселений стал распад СССР и переход на новые рыночные отношения. С одной стороны, в этот период происходит упадок, разрушение промышленности, в некоторых городских поселениях начинается процесс деиндустриализации, с другой – городские администрации получили больше возможностей влиять на хозяйственное развитие территорий, так как теперь перестали в прежнем объеме зависеть от распределения средств Госпланом и Министерством финансов, так как теперь городские бюджеты стали формироваться из налогов расположенных на их территории предприятий[160].

Неудивительно, что именно Абакан постепенно стал многофункциональным центром, выполняя помимо административно-хозяйственных функций индустриально-транспортные и торговые, что повлекло за собой рост мобильности капитала, превращение города в финансовый, культурный, научный центр Хакасии и, следовательно, увеличение миграционного потока населения.

Абакан в настоящее время являются крупным городом,

[160]Синицина О. В. Особенности развития малых городов России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 28 (121). С. 53.

для которого характерна многопрофильная специализация экономики. Остальные города Хакасии включены в перечень монопрофильных населенных пунктов, специализирующихся на добычи полезных ископаемых. Например, Черногорск с момента своего основания связан с добычей угля, в Абазе добывается железная руда, Сорске – молибден и другие цветные металлы. Особое место среди монопрофильных городов региона занимает Саяногорск, который в отличие от большинства своих «собратьев», специализируется на обрабатывающем производстве (ОАО «РУСАЛ Саяногорский алюминиевый завод», ООО «Хакасский алюминиевый завод», ОАО «РУСАЛ САЯНАЛ») и производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (филиал ОАО «РусГидро» – «Саяно-Шушенская ГЭС им. П. С. Непорожнего»). Нахождение в муниципальном образовании промышленных гигантов всероссийского и даже континентального значения во многом обусловили высокий показатели социально-экономического развития города. Например, Саяногорск на протяжении многих лет занимает первые места (1–2 место) в рейтинге среди городов Хакасии, ему присвоен статус «Город высокой социальной ответственности» за вклад в развитие региона (такой оценки Саяногорск заслужил в числе девяти городов России).

Причины, по которым 5 городских населенных пунктов Хакасии (города Абаза, Саяногорск, Сорск и Черногорск, рабочий поселок Вершина Теи) наряду с 336 другими поселениями России включены в список моногородов страны, коренятся в политике советской власти, проводимой в послевоенный период и направленной на рассредоточение производства из крупных городов, а также на привлечение рабочей силы из местного и сельского населения. Сегодня численность хакасских моногородов составляет около 158 тыс. чел., включая население села Туим, вошедшего в федеральный список моногородов. Это 29 % всего населения Хакасии или 43 % городского населения республики.

Между тем развитие моногородов имеет особое значение для Хакасии, поскольку около 80 % промышленного производ-

ства сосредоточенно именно в данных населенных пунктах[161]. Правительство республики выделило ряд значимых направлений развития моногородов: здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, создание комфортной транспортной и дорожной инфраструктуры. В результате комплексного развития моногородов в Хакасии планируется привлечение инвестиций и создание новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий. Кроме этого, в рамках реализации национальных проектов предусмотрена поддержка малого и среднего предпринимательства. В том числе по средствам грантов на социальное предпринимательство, поручительства и микрозаймов на льготных условиях.

Прогнозировать дальнейшую эволюцию городского расселения в Хакасии очень сложно. Можно наметить лишь определенные возможные направления его дальнейшего развития.

Во-первых, анализ показателей естественного прироста городов Хакасии за последние пять лет свидетельствует об убыли населения вследствие резкого падения рождаемости. Неблагоприятная ситуация в области демографического развития городского населения является свидетельством того, что жители не уверены в завтрашнем дне, происходит снижение их уровня жизни, ухудшается здоровье населения, что и приводит к снижению рождаемости и увеличению смертности. Указанный тренд может продлиться еще несколько лет, если ситуация в социально-экономической сфере Хакасии не изменится.

Во-вторых, Абакан продолжат притягивать к себе население сельских районов республики, а также внешних мигрантов. Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН было проведено исследование особенностей урбанистической системы Сибири и Дальнего Востока, которое показало, что крупный город на востоке России является «административным центром, близко расположенным к железной дороге, с относительно высокой заработной платой. В отличие

[161]Официальный сайт Правительства Республики Хакасия [Электронный ресурс].URL: https://r-19.ru/news/politika/85570/ (дата обращения 12.07.2022)

от России в целом дефицит жилого фонда и обеспеченность инфраструктурой не являются значимыми характеристиками большого города на востоке страны. При этом административный ресурс в Сибири и на Дальнем Востоке оказывается более важным, чем для страны в целом»[162]. Указанные характеристики большого города абсолютно соответствуют столице Хакасии, поэтому перспективы его развития относительно радужны.

В-третьих, Абакан станет все больше обрастать поселениями-спутниками, что неизбежно приведет к росту пригородных зон. Например, уже сегодня за счет миграции растет население таких сельских населенных пунктов, расположенных в черте Абакано-Черногорской агломерации, как Калинино, Зеленое, Тепличный, Подсинее, Чапаево, Кайбалы, Ташеба и т. д.

В-четвертых, существует вероятность сокращения городских поселений региона, так как многие из них уже сегодня не отвечают критериям, предъявляемым городам и поселкам городского типа, поскольку численность некоторых из них составляет ниже 12 тыс. чел.

2.2. Состав городского населения

Национальный состав

Республика Хакасия – полиэтничная территория, национальный состав которой складывался на протяжении столетий. Ее население формировалось на основе двух этнических групп: хакасов и восточнославянского населения (русских, украинцев, белорусов). Урбанизационные процессы в регионе способствовали расширению национального состава населения, в городских поселениях в конце 1980-х гг. проживали представители более 100 национальностей. Большинство из них были относительно слабо представлены в городской местности, их удильный вес не превышал 1 % в общей массе горожан.

Абсолютное большинство городского населения регио-

[162]Коломак Е. А. (2015) Урбанистическая система Сибири и Дальнего Востока: эволюция, особенности, детерминанты // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. Т. 3. 2015. № 1. С. 113.

на составляли русские, их удельный вес постепенно вырос с 85,5 % в 1989 г. до 87,8 % в 2020 г.(см. табл. 6). В конце XX в. относительно высокой была доля лиц украинской, немецкой и татарской национальностей, проживающих в городских поселениях Хакасии – 2,7 %, 1,2 % и 1,0% соответственно в 1989 г. Однако их количество перманентно снижалось и в 2020 г. их суммарный удельный вес среди горожан республики не превышал 1,3 %.

Последняя перепись населения показала, что на третьем месте среди городских жителей республики в разрезе национальностей оказались тувинцы, которые в последние годы активно скупают недвижимость в Абакане и переезжают сюда на постоянное место жительство. Также возросло количество представленных в городских поселениях Хакасии выходцев из Средней Азии (таджиков, узбеков) и Закавказья (азербайджанцев, армян).

Сравнительно небольшой была доля хакасов от общего числа жителей Хакасской автономной области – 11,1% в 1989 г. Связано это было с невысокими темпами роста среди хакасского населения, а также притоком большого количества мигрантов из многих регионов страны, который не ослабевал в течение всего XX в.

К концу советского периода хакасы оставались относительно слабоурбанизированным народом, так как доля хакасов горожан среди всего хакасского этноса так и не достигла 50 %-ого рубежа, остановившись на отметке 35,6 %. Несмотря на то, что каждый третий хакас проживал в городе, доля хакасов среди горожан региона была весьма скромной – всего 5,5 %. Для сравнения доля алтайцев среди городского населения Алтая составляла 12 %, тувинцев в Туве – 41,2 %. В подобных условиях хакасам было сложнее адаптироваться к городской среде, чем представителям других коренных этносов национальных регионов Сибири, поскольку помимо этнокультурных проблем адаптации к городу они сталкивались с еще одной трудностью – их внешнее отличие от основной массы горожан европейской внешности.

Таблица 6

Численность и удельный вес наиболее крупных народов в городских поселениях Хакасии в 1989–2020 гг.* (по данным переписей населения)

годы		народы								
		русские	хакасы	украинцы	немцы	татары	белорусы	киргизы	тувинцы	прочие
1989	чел.	350696	22379	11060	4905	3984	3162	497	397	13042
	%	85,5	5,5	2,7	1,2	1,0	0,8	0,1	0,1	3,1
2010	чел.	304437	24382	3912	2526	2377	1044	1631	853	9054
	%	86,9	7,0	1,1	0,7	0,7	0,3	0,5	0,2	2,6
2020	чел.	237142	18403	1376	1055	1198	377	528	1814	8235
	%	87,8	6,8	0,5	0,4	0,4	0,1	0,2	0,7	3,1

*Из числа указавших национальную принадлежность.

В рассматриваемые годы адаптация хакасов-мигрантов к городским условиям протекала спокойнее, чем в предыдущие годы. Связано это с тем, что сегодня уже сложно провести четкую границу между городом и селом. Особенно если речь идет о крупных селах или расположенных близко с городскими поселениями. Жители таких сел часто бывают в городе, а зачастую работают там.

Проведенный в 2008–2009 гг. В. П. Кривоноговым среди хакасов социологический опрос свидетельствуют о том, что сельское коренное население республики имеет достаточно широкую и объективную информацию о городском образе жизни. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, многие респонденты имеют опыт проживания в городе в период получения среднего специального или высшего профессионального образования. Во-вторых, значительная часть респондентов работали или сейчас работают в городе. В-третьих, миграции в города привели к тому, что подавляющее большинство респондентов в сельской местности имеют близких родственников в городах (98,2 % опрошенных в селе хакасов). Контакты же с городскими родственниками и друзья-

ми способствуют «распространению урбанистических форм культуры в сельской местности»[163].

В связи с этим проблема полноценной адаптации хакасов-мигрантов в городское общество становится менее острой, но все еще не утрачивает свою актуальность.

В постсоветский период увеличилось количество хакасов, проживающих в городе. Их доля в общей численности хакасов возросла с 35,6 % до 37,2 %. Если в 1989 г. удельный вес хакасов во всем городском населении Хакасии составлял 5,5 %, то в 2020 г. – уже 6,8 %. Однако численность городских хакасов при этом снизилась за эти годы почти на 4 тыс. чел.

Большая часть хакасов горожан сегодня проживает в Абакане – 77,6% всех городских хакасов Хакасии (14,3 тыс. чел. согласно Всероссийской переписи населения 2020 г.) или 11% населения города. Вторым по численности хакасов городом в республике является Черногорск. Здесь проживает около 0,8 тыс. представителей хакасского этноса (всего 1,3% всех жителей города). Также невелика доля хакасов в остальных городах региона: в Абазе – 2,0 % (238 чел.), в Саяногорске – 0,8 % (327 чел.), в Сорске – 3,9 % (424 чел.). Традиционно хакасскими считаются южные районы Хакасии, в том числе Аскизский район, в состав которого входят три поселковых совета. Однако и здесь численно хакасы уступают русским. В Аскизском муниципальном районе их численность составляет 2,2 тыс. чел. или 24,5 % городского населения.

Урбанизационные процессы среди коренного населения Хакасии способствуют резкому учащению разного рода контактов хакасов с окружающим населением, что влечет за собой перманентную межэтническую интеграцию и ассимиляцию. Это потенциально может оказывать влияние на изменение этнической идентичности хакасов, особенно если речь идет о метисах.

Для выявления места этнической идентичности в иерархии групповых идентичностей хакасов в опроснике проводимого нами социологического исследования был включен вопрос:

[163]Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. С. 22.

«Кем Вы ощущаете себя в первую очередь?». Респондентам были предложены следующие варианты ответов: «гражданином мира», «жителем России», «жителем Республики Хакасия», «городским жителем», «сельским жителем», «хакасом/хакаской», «мужем/женой (сыном/дочерью)», «студентом», «участником спортивной команды», «членом общественной организации», «другое (указать кем)». 30 % всех хакасов вне зависимости от места их проживания указали категорию этнической принадлежности. При этом ответы на поставленный вопрос среди городских и сельских хакасов разнились. В городе ответ «хакас/хакаска» был вторым по популярности (36,4 % опрошенных) после ответа «житель Республики Хакасия» (62,6 %), в то время как на селе категория национальности фигурировала лишь у 23,6 % респондентов и значительно уступала таким вариантам ответа как «житель Республики Хакасия» (69,4 %) и «сельский житель» (51,2 %).Подобного рода ситуация уже была зафиксирована среди бурят. Исследователи объясняют данный феномен «более высокой интенсивностью в городе этномобилизационных процессов и большей вовлеченностью людей в них, что и выражается в актуализации этнической идентичности», а также «действием психологических защитных механизмов»[164]. Интересно, что городские хакасы при этом чаще, чем сельские не ощущают себя частью своего народа – 5,8 % опрошенных в городе против 5 % на селе.

Респондентам также был задан вопрос «что роднит Вас с людьми Вашей национальности?», который позволяет зафиксировать некоторые опорные точки идентификации, значимые символы солидарности. Городские хакасы среди предложенных в опроснике параметров этнической принадлежности наиболее важными посчитали культуру, традиции и обряды своего народа (57,9 %), далее в порядке убывания за ними следовали язык (52,7 %), родная земля, природа (38,8 %), историческое прошлое (29,8 %), территория (23,1 %), внешний облик (17,3 %). Приоритетным параметром этнической идентичности сельских

[164]Амоголонова Д. Д., Елаева И. Э., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. С. 124.

хакасов оказался язык (56,8 %), на втором месте – культура, традиции, обряды (53,8 %), остальные ответы шли в том же порядке, что и у городских, но с разной степенью значимости: родная земля, природа (51,2 %), историческое прошлое (28,8 %), территория (25,8 %), внешний облик (13,2 %).

Наиболее сильным этнодифференцирующим признаком считается язык. Между тем, в Хакасии, где численность хакасов на протяжении XX – начале XXI в. колебалась в районе 11–12 %, несмотря на юридическое признание равноправного функционирования русского и хакасского языков в качестве государственных, хакасский язык так и не стал повсеместно использоваться. Хакасский язык сегодня занесен в Красную книгу исчезающих языков ЮНЕСКО. Неуклонно сокращается число хакасов, говорящих на родном языке. Всероссийские переписи населения 2002 г. и 2010 г. зафиксировали, что доля хакасов, владеющих хакасским языком, снизилась с 69 % до 58,3 %. Об этом же свидетельствуют данные этносоциологических опросов 2007 и 2018 гг. Если в 2007 г. совершенно свободно владели родным языком чуть менее половины опрошенных хакасов – 42 %[165], причем преимущественно проживающих в сельской местности, то сегодня их количество сократилось до 35,5 % (среди городских хакасов – 37,6 %, среди сельских – 33,4 %). В 2007 г. пятая часть коренного населения говорила на хакасском языке с большими затруднениями, каждый десятый вообще не говорил на нем. В 2018 г. эти цифры выросли до 23,3 % и 15,5 % соответственно. Если на бытовом уровне дома хакасский язык использует каждый четвертый сельский респондент и каждый пятый городской, то в производственной сфере почти во всех возрастных и социально-профессиональных группах основным языком общения является русский язык.О степени развитости языковой ассимиляции среди хакасов свидетельствует Всероссийская перепись населения 2010 г., показавшая, что среди 63,6 тыс. хакасов, проживающих в республике, в качестве родного языка считают русский язык 19,1 тыс. чел.

[165]Грошева Г. В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX – начало XXI века) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 64.

(30 %). Для сравнения доля таковых в Туве среди тувинцев – 1 %, на Алтае среди алтайцев – 12,3 %[166].

Культуру, традиции и обряды своего народа указали как основной признак этнической принадлежности большинство городских хакасов. Однако 24,3 % из них не знают и не отмечают хакасских праздников, а также не готовят блюда хакасской кухни. Среди популярных хакасских праздников у горожан были названы Тун Пайрам (34,4 %) и Чыл Пазы (31,0 %). Национальные блюда, которые готовят городские хакасы дома – суп-угре (42,5 %), хан (21,1 %), потхы (20,9 %).

Еще одним важным для хакасов маркером этнической идентификации являются внешний облик. Внешнее отличие хакасов от основной массы горожан европейской внешности значительно затрудняет их адаптацию в городской среде. Есть основания полагать, что зачастую именно внешний облик делает межгрупповую дистанцию более значимой, чем весь остальной набор культурных и политических характеристик[167]. Это особенно заметно в городской среде, где многие хакасы не знают ни родного языка, ни обычаи и традиции своего народа.

При этом, безусловно, решающую роль при этнической самоидентификации человека играет семья, то воспитание и те ценности, которые она закладывает. Ярким примером являются дети, рожденные в смешанных браках. Метисы могут определять свою национальную принадлежность не только по линии отца, но и матери. При этом они опираются не столько на свой внешний облик или уровень приобщенности к национальной культуре, а на те этнические установки, которые были заложены родителями.

Урбанизация хакасского этноса неизбежно приводит к его трансформации. Например, несмотря на то, что процесс этнической консолидации хакасов до сих пор не завершен,

---

[166]Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. Т. 4.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. С. 288–291.

[167]Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 25.

стирание границ между хакасским субэтносами в городе происходит значительно быстрее, чем в деревне. В условиях полиэтнической городской среды хакасы вынуждены быстрее интегрироваться, забывая о существующих субэтнических различиях. Ассимиляционные процессы в городе обостряют проблему этнической идентичности хакасов. Город оказывает влияние не только на национальную хакасскую культуру и традиции, но также формирует новые социальные стратегии поведения хакасов.

Занятость населения

Структура занятости отражает уровень экономического развития региона. Сравнение картины занятости населения за последние 30 лет путем сопоставления данных последней советской переписи населения 1989 г. и последней российской переписи населения 2020 г. – процесс трудоемкий. Связано это с тем, что до 2004 г. при составлении статистических рядов занятости в России использовался классификатор ОКОНХ, который позже был заменен на ОКВЭД. В результате отрасли экономики были заменены видами экономической деятельности.

Распределение работающего городского населения по отраслям (см. табл. 7) является отражением уровня социально-экономического развития общества. В 1989 г. 129,2 тыс. горожан (76 %) Хакасии трудились в отраслях материального производства. Большинство из них были заняты в промышленности, которая в это период играла ведущую роль среди отраслей городской экономики. 40 % из числа этой группы занятого городского населения трудились в машиностроении и металлообрабатывающей промышленности[168]. Однако следует учитывать, что при проведении переписи в эту категорию занятых были включены работники ремонтных мастерских. В индустриальном секторе, который помимо промышленности включает в себя строительство, транспорт и связь,

[168]Рассчитано по: Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение постоянного населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям. Абакан, 1991. С. 45.

было занято более половины городского населения (52,1 %). Структура занятости городского населения в позднесоветскую эпоху свидетельствует о большом значении промышленности в экономике региона.

Таблица 7

Распределение занятого городского населения Хакасии по отраслям экономики в 1989 г.[169]

	всего	в % от числа занятых	рабочие	служащие	лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью и не указавшие общественную группу
Всего в экономике	217342	100,0	148499	68388	186
Промышленность	81150	37,3	66287	14682	107
Сельское и лесное хозяйство	6768	3,1	5117	1492	-
Транспорт и связь	26112	12,0	20692	5411	-
Строительство	29992	13,8	22708	7275	-
Торговля и общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки	18424	8,5	12616	5738	63
Информационно-вычислительное обслуживание и прочие отрасли материального производства	2666	1,2	1704	938	-
Жилищно-коммунальное хозяйство	6881	3,2	4656	2225	-
Бытовое обслуживание населения	2718	1,3	2137	581	-
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	11378	5,2	4147	7222	0,1
Образование, культура и искусство, наука и научное обслуживание	20433	9,4	5426	14999	-
Кредитование и государственное страхование, управление, партийные и общественные организации	9196	4,3	2100	7096	-
Прочие и нераспределенные по отраслям народного хозяйства	1624	0,7	909	709	0,4

[169]Составлено по: Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение постоянного населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям. Абакан, 1991. С. 29–30.

Около четверти горожан Хакасии в эти годы были заняты в отраслях непроизводственной сферы, что свидетельствует о медленном распространении стандартов городского образа жизни. Лишь 4,5 % населения городов региона трудились в сфере ЖКХ и бытового обслуживания. Сфере обслуживания населения в советской экономике отводилась второстепенная роль. Зато почти каждый десятый городской житель работал в отраслях, связанных с образованием, наукой, культурой и искусством.

1990-е гг. связаны с экономическим кризисом, катастрофическим снижением производства и даже деиндустриализацией. В Хакасии в 1998 г. объем производимой продукции по отношению к уровню 1991 г. в отраслях легкой промышленности составил всего 5 %, в машиностроении и металлообработке – 17 %[170]. Указанные процессы отразились на хозяйственной жизни городов и на отраслевой структуре экономики Хакасии. Это повлекло за собой и изменение отраслевой структуры занятости населения (см. табл. 8). Почти вдвое сократилась численность лиц, занятых в промышленности. Напротив, в 1,5 раза увеличилось количество людей, работающих в сфере торговли и общественного питания, материально-технического снабжения и сбыта, заготовках. В абсолютных показателях снизилось число трудящихся в образовании, культуре и искусстве, науке и научном обслуживании, но в структуре отраслевой структуре экономики их доля осталась прежней. Больше всего изменения коснулись строительства, сельского и лесного хозяйства. В межпереписной период доля занятых в этих отраслях резко сократилась. Между тем в 2002 г. основной отраслью экономики Хакасии все еще оставалась промышленность.

Данные таблицы 9 показывают, как выглядит современная структура занятости населения Хакасии в разрезе видов экономической деятельности. Данная классификация позволяет оценить положение в обрабатывающей промышленности отдельно от добывающей. Количество занятых в отраслях

[170]Шулбаев В. К. Хакасия в 1990-е годы XX века: проблемы социально-экономического развития. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2004. С. 145.

обрабатывающего производства в 2,6 раза выше, чем в добывающей промышленности. Однако доля промышленного производства в структуре экономики региона довольна мала – 15,1 %, но в целом вписывается в общероссийскую картину снижения роли промышленности в экономики страны. Данный показатель по России и Сибирскому федеральному округу составляет 15,6 %. Около четверти работающего населения занята в сфере торговли и питания. Почти столько же – в бюджетных отраслях образования, здравоохранения и социальных услуг. Такая структура занятости свидетельствует о зависимости экономики Хакасии от федеральных трансферов.

Таблица 8

Распределение занятого населения Хакасии по отраслям экономики в 1989–2002 гг. (по данным переписей населения)[171]

	тыс. чел.	в % к итогу
Всего в экономике	207,6	100,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	12,8	6,2
Добыча полезных ископаемых	8,6	4,2
Обрабатывающие производства	22,6	10,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	6,2	3,0
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,6	0,8
Строительство	14,3	6,9
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	38,1	18,3
Транспортировка и хранение	14,9	7,2
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	4,9	2,4
Деятельность в области информации и связи	2,9	1,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	4,8	2,3
Образование	23,6	11,4
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	15,9	7,7
Другие виды деятельности	36,4	17,5

[171]Составлено по: Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение постоянного населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям. Абакан, 1991. С. 23-24; Занятое население по видам экономической деятельности. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 202–203.

Спад объемов промышленного производства и прекращение деятельности некоторых предприятий наиболее болезненно отразились на жизни средних и малых городов. В Хакасии в особо тяжелом социально-экономическом положении оказались такие монопрофильные городские поселения как города Сорск, Абаза и поселок Вершина Теи, отраслевой специализацией которых традиционно были черная металлургия и горнорудная промышленность.

В постсоветский период произошла перепрофилизация Абакана. В его хозяйственной структуре наблюдалось значительное сужение промышленного профиля. Столица Хакасии из крупного промышленного центра, отраслевая структура которого была представлена предприятиями машиностроения, металлообработки, лесной и деревообрабатывающей промышленности, легкой и пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, постепенно в начале XXI в. превратился в город торговый и индустриально-транспортный.

Таблица 9

Среднегодовая численность занятых Хакасии по видам экономической деятельности в 2020 г.[172]

	тыс. чел.	в % к итогу
Всего в экономике	207,6	100,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	12,8	6,2
Добыча полезных ископаемых	8,6	4,2
Обрабатывающие производства	22,6	10,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	6,2	3,0
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,6	0,8
Строительство	14,3	6,9
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	38,1	18,3
Транспортировка и хранение	14,9	7,2
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	4,9	2,4
Деятельность в области информации и связи	2,9	1,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	4,8	2,3
Образование	23,6	11,4
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	15,9	7,7
Другие виды деятельности	36,4	17,5

[172]Региона России. Социально-экономические показатели. 2021. М., 2021. С. 124–125, 128–129.

Среднесписочная численность работников организаций городских округов Хакасии демонстрирует обозначенные выше процессы (см. табл. 10): небольшую долю занятого городского населения в промышленности (17 % по всем городским округам), подавляющее количество занятых в бюджетных отраслях экономки.

Официальная статистика не дает полных сведений о структуре занятости этнических групп. Поэтому внести некоторую ясность в этот вопрос позволяют социологические опросы населения. Наше исследование показало, что уровень занятости людей, переехавших жить в городскую местность Хакасии не зависит от национальности и составляет и среди хакасов, и русских 70 % от числа опрошенных. Причины отсутствия работы у неработающего населения хакасской и русской национальности понимаются по-разному. Хакасы среди причин нетрудоустроенности отмечают отсутствие хорошо оплачиваемой работы (9,9 %) и работы по специальности (8,6 %), а также просто отсутствие желания (7,3 %). Среди русских респондентов чаще звучали ответы «не можем найти никакую работу» (12,3 %), «не можем найти хорошо оплачиваемую работу» (11,6 %), «не позволяет здоровье» (8,2 %).

Для трудозанятого населения работа важна вне зависимости от этнической идентификации респондентов. Хакасы и русские в равной степени удовлетворены своей работой (85,6 %) и бояться ее потерять (69,5 %).

Работа респондентов хакасов чаще связана с неквалифицированным физическим трудом, чем у русских (20,8 % против 15 %). Вместе с тем большинство опрошенных хакасов трудоустроены в сферах, требующих профессиональных знаний (учителя, врачи, экономисты, программисты и т. п.) – 27,4 %. Количество респондентов, занимающих руководящие должности, среди русских в 2 раза больше, чем у хакасов. Подробнее о сферах деятельности переехавших в город хакасов и русских, а также их влиянии на адаптацию, речь пойдёт в следующей главе.

Безусловно, этническая принадлежность в современном обществе не является доминирующим фактором, как, напри-

мер, уровень образования или квалификация, влияющим на успешность трудоустройства человека, а также на уровень его оплаты труда. Но вместе с тем определенные закономерности при выборе места работы с учетом этнического фактора тем не менее существуют.

Таблица 10

Среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) городских округов Хакасии в 2020 г.[173]

	Абакан	Абаза	Саяногорск	Сорск	Черногорск
Всего в экономике*	46686	2440	16264	2984	12824
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	260				
Добыча полезных ископаемых	25			1287	2847
Обрабатывающие производства	1311		6676		1635
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2394	253	1180		444
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	450		235		
Строительство	1309		410		322
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2988	81	354	37	507
Транспортировка и хранение	6781		821		862
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	179		310		
Деятельность в области информации и связи	1355		35		16
Деятельность финансовая и страховая	1507	13	141	10	96
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	516		27		5
Деятельность профессиональная, научная и техническая	1061		227		113
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	583		758		108
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	9229	298	1221	220	1532
Образование	7849	522	2057	352	2557
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	7018	377	1546	482	1445
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1710	67	191	38	112
Предоставление прочих видов услуг	163		21	22	

*В таблице представлены сведения, приведенные в Базе данных муниципальных образований Росстата. В связи с этим численность приведена по обследуемым видам экономической деятельности и некоторые сведения отсутствуют.

[173]БД МО Росстата.

Демографический состав

Распад Советского Союза привел к затяжному социально-экономическому кризису и прервал перманентный процесс демографической модернизации страны. В результате произошли серьезные изменения в динамике демографических показателей: падение естественного прироста в связи с резким снижением рождаемости и увеличением смертности, что отразилось на структуре населения по полу. Тяжелые социальные последствия смены экономического курса страны сказались на демографической структуре населения. Также на нее продолжали оказывать влияние все наиболее значимые события истории страны: войны, реформы и кризисы (см. табл. 11). Причины демографического кризиса 1990-х гг. в современной науке оцениваются по-разному. В любом случае, на падение рождаемости в этот период оказал влияние комплекс факторов, как социально-экономических и политических, так и чисто демографических.

Таблица 11

Половозрастная структура городского населения Хакасии в 1989-2010 годы, %

возраст, лет	оба пола			мужчины			женщины		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
0-14	25,6	17,1	16,5	26,5	18,7	18,3	24,7	15,5	14,6
15-19	6,7	9,6	6,2	6,4	10,1	6,4	7,0	9,1	6,0
20-24	6,3	9,0	8,7	6,8	9,4	9,2	5,8	8,6	8,1
25-29	9,3	8,4	9,5	10,3	9,0	10,2	8,3	7,8	8,7
30-34	10,3	6,7	8,6	11,1	7,2	9,1	9,5	6,2	8,2
35-39	9,5	6,5	7,6	10,2	6,7	8,0	8,8	6,3	7,2
40-44	5,2	8,6	5,8	5,5	8,7	6,0	4,9	8,5	5,6
45-49	5,0	8,6	6,9	5,1	8,5	7,0	4,9	8,7	6,9
50-54	5,6	7,5	7,8	5,6	7,2	7,5	5,6	7,8	8,2
55-59	4,9	3,1	7,4	4,5	3,0	6,8	5,3	3,2	8,0
60-69	7,2	8,1	7,5	5,6	7,0	6,5	8,8	9,2	8,5
70 и старше	4,4	6,8	7,5	2,4	4,5	5,0	6,4	9,1	10,0
всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

С 1989 г. снизился удельный вес городского населения Хакасии в дотрудоспособном возрасте с 25,6 % до 16,5 %, а удельный вес лиц трудоспособного возраста, напротив, повысился с 62,8 % до 68,5 %, старше трудоспособного возраста с 11,6 % до 15 %. Привлекательность города, миграция населения привели к более позитивным тенденциям развития возрастной структуры горожан по сравнению с сельским населением,

возрастная структура которого приблизилась к регрессивному типу. В городе удельный вес родителей был выше, а поколение детей и прародителей ниже, поэтому возрастная структура городского населения региона оставалась стационарной.

Современную возрастную структуру городского населения Хакасии нельзя назвать оптимальной. Несмотря на относительно высокую долю молодого населения, она ниже принятой в демографии нормы в 20 %, при которой обеспечивается стабильное воспроизводство населения[174]. В рамках нормы в 15 % оказался удельный вес пожилого населения городов республики. Между тем в настоящее время в регионе наблюдается относительно благоприятная ситуация с показателями демографической нагрузки. Связано это со снижением числа лиц дотрудоспособного возраста. Также постепенно происходит сближение численности лиц моложе и старше трудоспособного возраста.

В 2010-е гг. демографическая структура городского населения региона претерпела изменения. Увеличилась нагрузка на трудоспособное население, так как количество лиц данной категории снизилось по сравнению с 2010 г. с 68,5 % до 55,9 % в 2020 г. Постепенно произошло увеличение доли лиц моложе трудоспособного возраста с 16,5 % в 2010 г. до 21,2 % в 2020 г. Это явилось следствием относительно высокой рождаемости. Выросла также доля лиц старше трудоспособного возраста с 15 % до 22,9 %. В абсолютных показателях их количество среди горожан региона выросло на 14 тыс. чел. за 10 лет. Хакасия по шкале Э. Россета относится к регионам с очень высоким уровнем старости.

Влияние рождаемости на демографическое старение населения можно проследить, применяя классификацию типов возрастной структуры населения А. Г. Сундберга. Место Хакасии по данной методике находится между стационарным и регрессивным типом. Данная методика позволяет прогнозировать ситуацию в сфере динамики численности населения

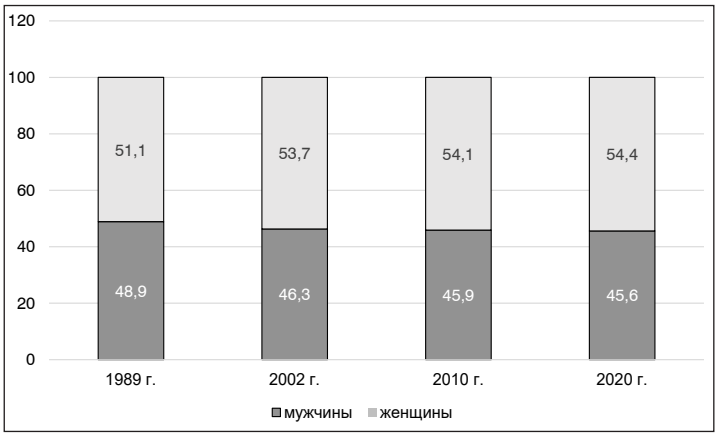
[174]Бюраева Ю. Г. Анализ демографической ситуации в регионах Сибирского федерального округа // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 3 (31). С. 116.

на краткосрочную перспективу без изменения исходных показателей. При прочих равных условиях городское население Хакасии будет сокращаться. Переломить ситуацию и оказать существенное влияние на данный процесс может лишь резкое увеличение естественного прироста или изменение масштабов и направлений миграционных процессов.

Соотношение численности мужчин и женщин за 1989–2020 гг. изменилось в сторону сокращения мужчин (см. рис. 4). В период между 1989 г. и 2020 г. доля мужчин в городских поселениях региона снизилась с 48,9 % до 45,6 %.

Рисунок 4

Распределение городского населения Хакасии по полу в 1989–2020 гг., в %

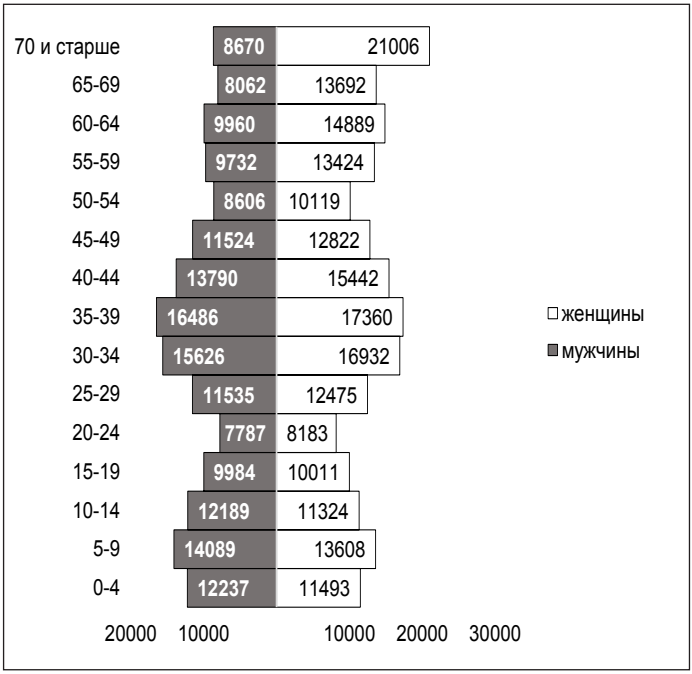

Половозрастная пирамида городского населения Хакасии (см. рис. 5) свидетельствует о наличии существенной диспропорции в соотношении мужчин и женщин в старших возрастах в пользу последних. На рисунке видно, что в возрасте до 15 лет численность мальчиков и девочек примерно равна. После указанного рубежа зафиксирован незначительный перевес женщин над мужчинами, который усиливается и к 60-летнему возрасту количество женщин превышает количество мужчин уже почти в 1,5 раза. Это относительно новое для региона

явление, ведь ранее в советский период соотношение полов в городской местности региона было более благоприятным. Объяснить эти процессы можно особенностями социально-экономического развития региона, где промышленное производство после распада Советского Союза пришло в упадок, следовательно, утрачена была необходимость в мужской рабочей силе. Трудовая миграция ушла на второй план, уступив зачастую место миграции, связанной с получением среднего специального и высшего образования. По статистике большую часть абитуриентов региона составляют девушки, многие из которых после окончания учебных заведений остаются жить и работать в городе. Также еще одним фактором, повлиявшим на установившуюся диспропорцию, является значительно более ранняя и высокая смертность среди мужчин.

Рисунок 5

Половозрастная пирамида городского населения Республики Хакасия в 2020 г.

В 2020 г. численность женщин в городских поселениях Хакасии превышает численность мужчин на 32,5 тыс. чел. Если в 1989 г. устойчивое преобладание городских женщин над мужчинами наблюдалось в Хакасии с 15-летнего возраста, то в 2020 г. – с 18 лет. Количественный перевес женщин над мужчинами со столь раннего возраста негативно может сказываться на показателях рождаемости в регионе. В возрастных группах наиболее фертильного возраста (20–39 лет) в городских поселениях численность женщин выше, чем мужчин на 3,5 тыс. чел.

Низкие показатели рождаемости рубежа тысячелетий в половозрастной пирамиде фиксируются ее сужением в возрастной когорте 20–24 года.Численность горожан, рожденных в 1980-е гг., в среднем сопоставима с количеством детей 2010-х гг. рождения. На пирамиде хорошо прослеживается последствия роста рождаемости 1960-х гг. Здесь количество лиц в возрасте 55–64 лет выше, чем людей, рожденных в начале 1970-х гг.

Траектория демографического развития региона в последние годы меняется. Снижение рождаемости, наблюдаемое с 2016 г. в городской местности Хакасии, – новое явление, связанное с очередной демографической волной и неблагоприятным социально-экономическим климатом. Если указанное явление превратится в долгосрочный тренд, то и половозрастная пирамида будет менять свои очертания.

Более полную картину о современном половом составе населения в разрезе отдельных городских округов можно получить из базы данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики (см. табл. 12). Относительно высока доля мужчин в промышленно развитых городах, где широко представлены отрасли добывающей промышленности – в Абазе и Саяногорске. Наибольшая разница между численностью мужчин и женщин зафиксирована в Абакане, здесь количество женщин на 17,8 тыс. чел. больше, чем мужчин. В небольших по численности городах – Абазе и Сорске – эта разница существенное меньше – 1,0 тыс. чел.

Таблица 12

Соотношение мужчин и женщин в городских округах Хакасии на начало 2020 г.[175]

	Численность женщин, тыс. чел.	Численность мужчин, тыс. чел.	Разница между численностью мужчин и женщин, тыс. чел.	Доля женщин в общей численности населения, %	Доля мужчин в общей численности населения, %
Абакан	102,3	84,5	17,8	54,8	45,2
Абаза	8,0	7,0	1,0	53,3	46,7
Саяногорск	31,5	27,2	4,3	53,6	46,4
Сорск	6,1	5,1	1,0	54,5	45,5
Черногорск	42,6	35,1	7,5	54,8	45,2

Соотношение мужского и женского городского населения среди представителей разных национальностей варьируется. Среди народов, проживающих в городах республики и имеющих численность выше 1000 чел., выделяются киргизы и узбеки, у которых численно преобладают мужчины. У белорусов, немцев, русских, татар, украинцев и хакасов соотношение в 2010 г. было в пользу женщин[176].

Перепись 2020 г. показала (см. рис. 6), что количество женщин хакасок в городе превышает число мужчин хакасов на 1,8 тыс. чел. Вплоть до 20-летнего возраста численно мужчины хакасы преобладают над женщинами, затем соотношение меняется в пользу женщин. 58,2 % городских хакасов составляют лица трудоспособного возраста, 24,6 % моложе трудоспособного и 17,2 % старше. То есть возрастная структура городских хакасов значительно моложе, чем в целом по городскому населению республики. Медианный возраст среди городских хакасов составил 34,6 лет. Для сравнения среди горожан русской национальности – 40,7[177].

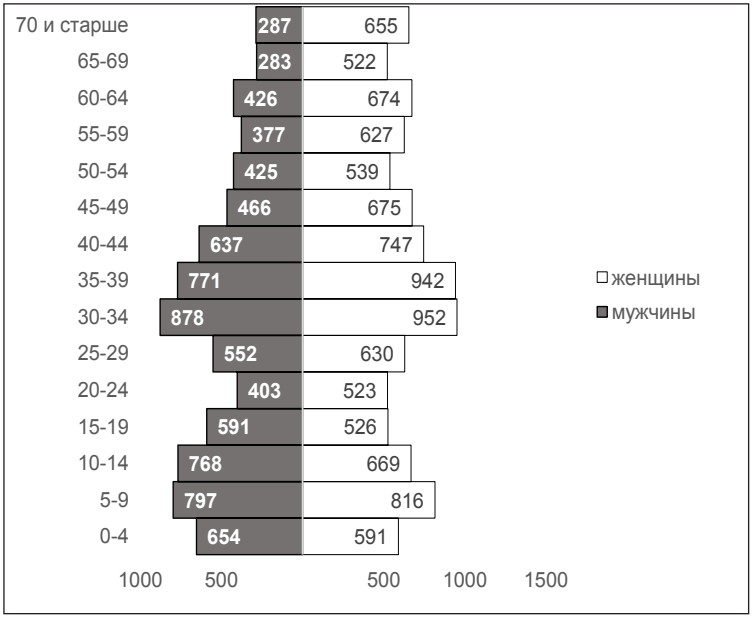
[175]БД МО Росстата.

[176]Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. Т. 4: Национальный состав владение языками, гражданство. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 575–578.

[177]Росстат. Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 7.

Рисунок 6

Половозрастная пирамида городских хакасов Республики Хакасия в 2020 г.

Подводя итоги, следует отметить, что процесс старения населения в условиях демографического перехода стал неизбежным явлением, и прогрессивный тип возрастной структуры городского населения Хакасии уступил место стационарному.

Образовательный состав

Урбанизация неизбежно влечет за собой рост образовательного уровня населения. Именно города являются центрами развития науки и образования в регионах страны. Получение высшего профессионального образование предполагает учебу в городе. Большинство среднеспециальных учебных заведений, как правило, также расположено в городских поселениях. Рост образовательного уровня городского населения в свою очередь влияет на качество городской среды, в целом на образ жизни горожан. В связи с этим исследование образовательного состава городского населения – важнейшая

характеристика протекания урбанизационных процессов в том или ином регионе.

Образовательный состав городского населения в постсоветский период претерпел значительные изменения. Связано это было в первую очередь с модернизацией образования в стране в связи со структурной перестройкой российского общества. Очевидно, что образовательный уровень населения также зависит от состояния и масштабов развития региональных систем образования.

В XXI в., когда общее среднее образование является для жителей России обязательным, важнейшими характеристиками образовательного состава населения являются показатель доли лиц, имеющих профессиональной образования, а также индекс образования – показатель вовлеченности населения в сферу высшего образования, который показывает количество обучающихся в вузах на 10000 чел. населения.

Система профессионального образования Хакасии представляет собой развитую сеть учреждений среднего и высшего профессионального образования (с 2013 г.система начального профессионального образования включена в структуру среднего профессионального образования). В 1990 г. в регионе осуществляли работу 7 организаций среднего профессионального образования и 2 высших учебных заведения[178]. В 2017 г. количество профессиональных образовательных организаций увеличилось до 18 (без учета филиалов)[179].

Однако рост числа учреждений профессионального образования не отличался стабильностью и не был пропорционален динамике численности студентов, обучающихся в них (см. табл. 13). Так, в 2017 г. количество учреждений среднего профессионального образования в республике достигло своего максимума – 17, но в то же время количество обучающихся в них студентов по сравнению с серединой 2000-х гг. снизилось. Но в целом в начале XXI в. произошел существенный рост

[178] Боргояков С. А. Профессиональное образование Хакасии: проблемы становления и развития // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. № 3. С. 39.

[179] Республика Хакасия в цифрах. 2017: статистический сборник. Абакан, 2018. С. 29–30.

студентов техникумов и училищ, в этот период наблюдается увеличение контингента этих учреждений: 131 студент на 10 тыс. чел. в 1990 г., 233 – в 2005 г. и 217 – в 2017 г.

Таблица 13

Численность студентов учреждений среднего и высшего профессионального образования в Хакасии в 1990–2017 гг.[180]

	1990	1996	2000	2005	2010	2015	2017
Число учреждений СПО	7	8	8	11	11	6	17
Численность студентов СПО	7509	6919	10060	12551	10371	11654	11708
на 10 тыс. населения	131	118	175	233	195	216	217
Число учреждений ВПО	2	3	2	2	2	1	1
Численность студентов ВПО	6446	8427	16371	18512	17629	8614	8531
на 10 тыс. населения	112	144	295	344	331	160	159

Не отличался стабильностью и показатель вовлеченности населения в сферу высшего образования в республике. Официальная статистика показывает, что доля студентов учреждений высшего профессионального образования в общей численности населения была выше в середине 2000-х гг. Но даже тогда данный показатель был значительно ниже, чем в среднем по стране: в 2005 г. в Хакасии он был равен 344, в Российской Федерации – 493.

Вместе с тем, следует учитывать, что данные официальной статистики не отражают реальной картины вовлеченности населения в сферу высшего образования. Связано это в первую очередь с тем, что все филиалы крупных вузов страны не учитываются при составлении региональной статистики,

[180]Составлено по: Боргояков С. А. Профессиональное образование Хакасии: проблемы становления и развития // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. № 3. С. 39; Республика Хакасия в цифрах. 2011: статистический сборник. Абакан, 2018. С. 34–35, 37–38; Республика Хакасия в цифрах. 2017: статистический сборник. Абакан, 2018. С. 29–30.

а следовательно, не ведется учет и студентов, в них обучающихся. Если в прежние годы в Абакане находились филиалы Современной гуманитарной академии, Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, Красноярского государственного аграрного университета и других высших учебных заведений, то сегодня после массового закрытия филиалов университетов по стране, в Хакасии осуществляют работу только Хакасский технический институт и Саяно-Шушенский филиал Сибирского федерального университета. Закрытие филиалов вузов с одной стороны снизило территориальную доступность высшего образования, с другой – призвано было решить проблемы его качества[181].

В постсоветский период значительно вырос уровень образования городского населения республики (см. табл. 14). Среди всего населения в возрасте 15 лет и старше число горожан, окончивших высшие учебные заведения, выросло в 2,3 раза. Перепись населения 1989 г. не зафиксировала количество людей в регионе, получивших послевузовское образование. Но в целом их количество растет: за период 2002–2020 гг. – в 6,5 раз. Возросло число городских жителей, имеющих аттестат о среднем специальном образовании: за весь период – в 1,4 раза. В тоже время снизилось количество лиц, не имеющих начального образования – в 38,9 раз. Связано это с тем, что, как правило, в эту группу попадают горожане старших возрастных групп, которые не получили начальное образование еще до распада СССР. Так, согласно данным переписи населения из 1300 горожан Хакасии, не имеющих начального образования 54,4% – люди в возрасте 70 лет и старше (по данным за 2010 г.).

[181]Шевелева Е. А. Проблемы развития высшего профессионального образования в малых и средних городах // Регионология. 2010. № 4(73). С. 159–166.

Таблица 14

Уровень образования городского населения Хакасии в 1989–2010 гг.

	1989		2002		2010		2020	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
все население в возрасте 15 лет и старше	305316	100	320785	100	294158	100	214333	100
послевузовское	-	-	576	0,2	1205	0,4	3738	1,7
высшее	27767	9,1	46854	14,6	63914	21,7	54970	25,6
незаконченное высшее	4320	1,4	9115	2,8	11236	3,8	4089	1,9
среднее специальное	64846	21,2	132005	41,2	115845	39,4	91928	42,9
среднее общее	87389	28,6	59408	18,5	55272	18,8	37234	17,4
неполное среднее	67347	22,1	46804	14,6	32128	10,9	18826	8,8
начальное	36253	11,9	23064	7,2	13258	4,5	3101	1,4
не имеют начального образования	17387	5,7	2817	0,9	1300	0,4	447	0,2

Что касается относительных показателей, то уровень образования городского населения Хакасии вырос за счет доли лиц, получивших профессионально образование: за весь рассматриваемый период их доля увеличилась с 31,7 % до 72,1 %. Значительнее всего вырос удельный вес жителей городов с высшим образованием (их доля увеличилась с 9,1 % до 25,6 %). Чуть более скромный результат в группе лиц со средним специальным образованием (их доля увеличилась с 21,2 % до 42,9 %). Напротив, сократилась доля людей со средним (с 50,7 % до 26,2 %) и начальным (с 11,9 % до 1,4 %) образованием, а также удельный вес городского населения без образования (с 5,7 % до 0,2 %).

Уровень образованности хакасов, проживающих в городе, выше, чем в целом по городскому населению республики (см. табл. 15) и среди населения наиболее многочисленных национальностей Хакасии. Так, доля хакасов, имеющих послевузовское образование, в 2002 г. в 2 раза превышала аналогичный показатель по республике (см. рис. 7). Также среди городских хакасов выше доля лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образование. Закономерно, что уровень образования городских хакасов выше, чем у хакасов, проживающих в сельской местности.

Таблица 15

Уровень образования хакасов, проживающих в городской и сельской местности (по данным переписей населения 2002 г. и 2010 г.)

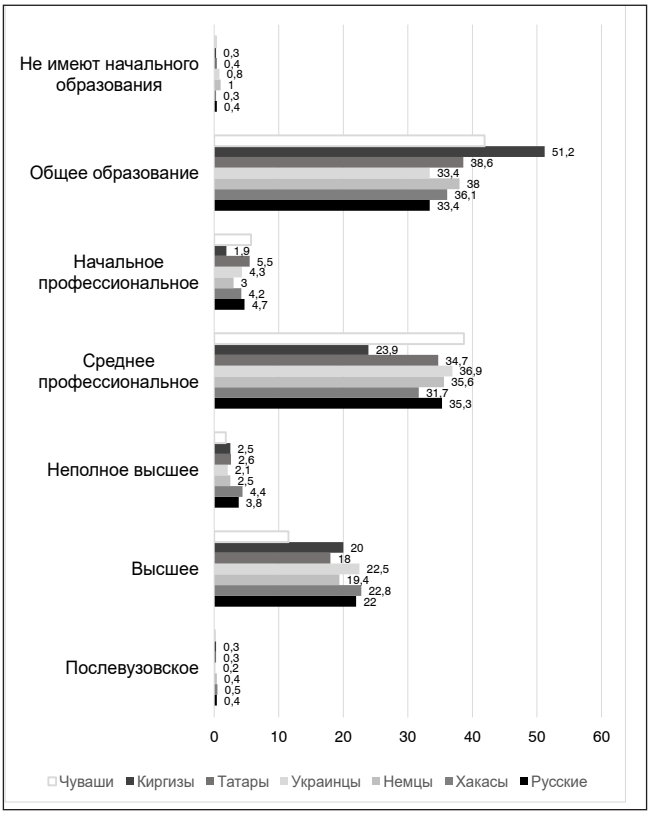
	2002				2010			
	город	%	село	%	город	%	село	%
все население в возрасте 15 лет и старше	19942	100	29839	100	19962	100	29838	100
послевузовское	75	0,4	27	0,1	100	0,5	121	0,4
высшее	3654	18,3	2742	9,2	4542	22,8	3723	12,5
незаконченное высшее	723	3,6	364	1,2	886	4,4	607	2,0
среднее профессиональное	5345	26,8	5200	17,4	6326	31,7	7096	23,8
начальное профессиональное	1918	9,6	4648	15,6	838	4,2	2079	7,0
среднее общее	4527	22,7	5934	19,9	4372	21,9	7996	26,8
неполное среднее	2601	13,0	6364	21,3	2270	11,4	5682	19,0
начальное	906	4,6	3806	12,8	568	2,8	2176	7,3
не имеют начального образования	193	1,0	754	2,5	60	0,3	356	1,2

В столице республики городе Абакане уровень образования выше, чем в остальных городских поселениях субъекта. Так, в 2010 г. доля абаканцев с высшим образованием составила 27,4 %, незаконченным высшим – 4,6 %, с послевузовским образованием – 0,5 %[182]. Это еще раз подтверждает факт большей доступности высшего образования для людей, проживающих в городах, в которых расположены высшие учебные заведения.

[182]Летопись городов Сибири. Абакан – 85 лет: стат. сб. Абакан, 2017. С. 44.

Рисунок 7

Население наиболее многочисленных национальностей Хакасии по уровню образования в 2010 г. (городское население в возрасте 15 лет и старше), в %

Благоустройство городов

На рубеже XX-XXI вв. основными критериями уровня благоустройства поселений различного типа являются обеспеченность населения жильем, его оборудование водопроводом, канализацией, ваннами, горячим водоснабжением и отоплением. При этом именно в жилищно-бытовой сфере различия между городским и сельским образом жизни проявляются наиболее ярко.

Сегодня нормой комфортности жилищных условий является обеспеченность жильем 33 м^2 и более на человека[183]. Ни в городской, ни в сельской местности Хакасии общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, не соответствует указанному показателю. На селе она составила в 2020 г. 23,9 м^2, в городе чуть выше – 27,4 м^2.

Важными индикаторами городских условий жизни являются показатели обеспеченности водопроводом и канализацией. Они могут служить косвенными показателями реального уровня урбанизации. Очевидно, что благоустроенные дома – это, как правило, многоэтажные дома – важнейший атрибут любого городского поселения, в то время как отсутствие канализации является одним из главных признаков так называемых частных домов, жители которых имеют собственный небольшой огород, палисадник и ведут полусельский образ жизни.

Официальные данные Красноярскстата позволяют проследить динамику удельного веса площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом и канализацией, в общей площади всего жилищного фонда начиная с 2008 г. В период 2008–2020 гг. данные показатели по республике выросли с 66,5 % до 76,5 % по обеспеченности водопроводом, с 64,3% до 72,7% – канализацией. По существу, именно эти цифры являются показателями реального уровня урбанизированности населения Республики Хакасия.

По городским поселениям эти же данные представлены начиная с 2011 г. Обеспеченность водопроводом в городе в указанные годы выросла с 86,7 % до 89,5 %, канализацией – с 85 % до 88,2 %. В целом в 2020 г. городской жилищный фонд Хакасии оборудован горячим водоснабжением на 81,4 %, отоплением – 90,6 %, ваннами – 77 %. Доля площади городского жилищного фонда, обеспеченной всеми видами благоустройства, в общей площади городского жилищного фонда республики составила 78,9%.

---

[183]Постановление Правительства Республики Хакасия от 12.08.2011 № 519 «Об установлении региональных стандартов по оплате жилья и коммунальных услуг в Республике Хакасия».

Сельский жилищный фонд менее благоустроен водопроводом (41,6 % площади всего жилищного фонда), ваннами (24,9 %) и горячим водоснабжением (27,6 %), водоотведение зачастую (69,6 %) производится не централизованно. Поэтому обеспеченность городских жителей комфортными жилищными условиями до сих пор значительно опережает сельскую местность.

Одним из главных признаков, определяющих уровень благоустройства города – его людность. Как правило, чем выше людность – темы более благоустроено городское поселение. Данное правило подтверждается примером Абакана. Основные официальные показатели благоустройства жилищного фонда столицы Хакасии выглядят достаточно солидно: в 2016 г. 97,1 % жилых помещений города были оборудованы водопроводом, 95,8 % – водоотведением (канализацией), 80,8 % – ванными (душем), 90,9 % – горячим водоснабжением, 96,3 % – отоплением[184].

Иная ситуация сложилась в остальных городах республики, их монопрофильность во многом явилась этому причиной. Монопрофильные поселения имеют в основном устаревшую инфраструктуру, созданную еще в годы советской власти. Она зачастую не соответствует требованиям XXI в., ориентированным на создание ресурсосберегающего и энергоэффективного общества. Так, в четырех моногородах Хакасии (Абазе, Саяногорске, Сорске и Черногорске) общая площадь помещений в ветхих и аварийных жилых домах составляет около 111 тыс. м^2. Площадь ветхого жилфонда выше всего в Черногорске, она составляет 6,4 % общей площади всех жилых помещений города. Связано это во многом с тем, что Черногорск наряду с Абаканом является одним из старейших городских поселений региона. Однако в отличие от столицы он стал заложником своей монопрофильности. После кризиса, который пережили предприятия угледобычи региона, местные муниципальные власти не имели возможности должное внимание уделять развитию жилищного фонда города. В более благоприятной ситуации оказались жители молодого города Саяногорска, история которого началась

[184]Летопись городов Сибири. Абакан – 85 лет: стат. сб. Абакан, 2017. С. 39.

относительно недавно, всего около пяти десятилетий назад. Здесь только 0,5 % жилфонда города относятся к категории ветхих и устаревших зданий.

Износ коммунальной инфраструктуры ведет к росту аварий в системе ЖКХ. В Хакасии в 2019 г. была зафиксирована 71 авария в период отопительного сезона. В Черногорске подобные аварии возникают ежегодно. С целью решения данной проблемы Правительство Республики Хакасия приняло решение о передачи котельных Черногорска в эксплуатацию Сибирской генерирующей компании.

По данным Красноярскстата в Республике Хакасия протяженность тепловых и паровых сетей организаций, отпускающих тепло и горячую воду населению и бюджетофинансируемым организациям, на конец 2019 г. составила 562,1 км, из них нуждающихся в замене – 260 км. Однако в 2019 г. было заменено лишь 9,4 км сетей. Это всего 4,5 % от протяженности сетей, нуждающихся в замене на конец 2018 г., что на треть меньше, чем в 2018 г.

Между тем, потери тепла при эксплуатации существующих тепловых сетей в среднем по городам России превышают нормативы. Например, потери из-за утечек коррозии труб составляют 10–15 %, а срок службы теплотрасс по этой причине в 6–8 раз ниже нормативного[185]. Базы данных паспортов муниципальных образований Хакасии свидетельствуют о том, что замена и ремонт тепловых и паровых сетей в моногородах осуществляется крайне медленно и снижается из года в год. В Абазе пик подобного рода работ пришелся на 2013 г., когда было отремонтировано 989 м тепловых и паровых сетей города, в 2018 г. – лишь 30 м, при том, что в 2016 г. и 2017 г. данный вид работ вообще не осуществлялся. Подобная картина наблюдается во всех монопрофильных поселениях республики.

Тем не менее уровень благоустройства городских поселений Хакасии значительно выше сельских. Именно он во многом определяет качество жизни населения и позволяет говорить о формировании особой городской среды, которая противопоставляется сельской.

[185]Голубчиков С. Н. Проблемы развития российских моногородов // Ростовский научный журнал. 2016. № 2. С. 49.

Социальная инфраструктура городов

Социальная инфраструктура города представляет собой систему, базирующуюся на двух основных элементах: социально-бытовой и социально-культурной инфраструктурах. Социально-бытовая инфраструктура имеет целью обеспечить комфортные условия жизни человека как биологического существа путем повышения уровня развития жилищно-коммунального хозяйства, бытового обслуживания населения, пассажирского транспорта и связи, торговли и общественного питания, здравоохранения. Социально-культурная инфраструктура направлена на наращивание качества человеческого капитала и охватывает образовательную, рекреационную, культурную и спортивные сферы[186]. Стабильный рост этих подсистем способствует эффективной жизнедеятельности человека в городской среде и обеспечивает таким образом процветание города.

Официальная статистика позволяет измерить качество социально-бытовой инфраструктуры городов Хакасии через показатели общей площади жилых помещения на душу населения, количества лечебно-профилактических организаций, аптек, объектов бытового обслуживания населения, парикмахерских, магазинов, предприятий общественного питания, организаций, занимающихся техобслуживанием и ремонтом ТС, машин и оборудования, протяженности автодорог, общего пользования местного значения, а также улиц, проездов, набережных; качество социально-культурной инфраструктуры – количество городских спортивных сооружений, школ и дошкольных образовательных организаций (см. табл. 16).

[186]Смирнова И. Н. Социальная инфраструктура города в оценках жителей г. Иваново // Вестник Ивановского государственного университета. 2018. Вып. 1. С. 58.

Таблица 16

Социальная инфраструктура городов Хакасии в 2019 г.[187]

Показатели	Абакан	Абаза	Саяно-горск	Сорск	Черно-горск
Общая площадь жилых помещения на душу населения ($м^2$)	28,4	24,3	27,1	25,7	23,4
Спортивные сооружения	254	22	129	25	113
Детско-юношеские спортивные школы	19	1	1	1	2
Лечебно-профилактические организации	19	1	4	1	5
Аптеки	101	6	33	6	23
Объекты бытового обслуживания населения	1177	85	193	20	193
Парикмахерские	352	15	40	8	48
Техобслуживание и ремонт ТС, машин и оборудования	166	12	39	3	61
Магазины	1746	169	395	105	369
Столовые, закусочные	160	14	28	6	32
Рестораны, кафе, бары	228	10	31	4	18
Протяженность автодорог общего пользования местного значения (км)	352,5	135,9	119,2	66,5	270,9
Из них с твердым покрытием (в %)	74,2	78,6	42,0	43,9	52,4
Общая протяженность улиц, проездов, набережных (км)	352,5	135,9	247,3	66,5	270,9
Из них освещенных (в %)	72,7	38,2	79,1	20,0	40,5
Дошкольные образовательные организации	54	4	14	4	24
Школы	22	3	16	3	14

Абакан как административный центр республики на фоне остальных городов отличается высокими показателями развития по всем рассматриваем критериям. Лишь по степени асфальтированности автодорог он уступает Абазе, а по уровню освещенности улиц – Саяногорску. Если исключить из расчетов Абакан, то лидером среди хакасских городов по общей площади жилых помещений на душу населения, по числу спортивных сооружений, аптек, магазинов, ресторанов, кафе, баров, школ является Саяногорск. С учетом того, что его численность в четыре раза ниже столичного города и в 1,5 раза – Черногорска, то для такого небольшого города с численность 46 тыс. чел. (в 2020 г.) это весьма неплохие показатели. Обусловлены они двумя факторами. Во-первых, молодостью самого города.

[187]Составлено по: БД МО Росстата; Ко дню городов – города Республики Хакасия в 2019 году. Красноярск: Крсаноярскстат, 2020. С. 5, 7 ,9, 11, 13.

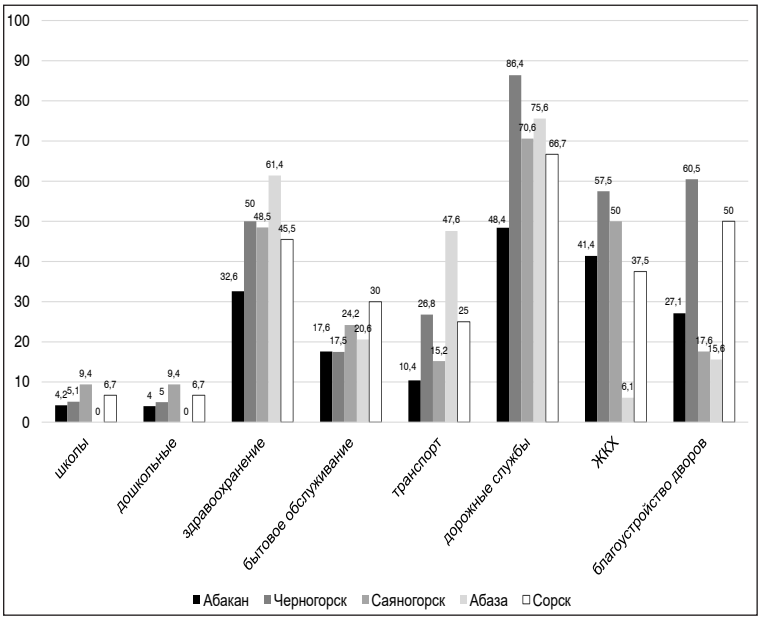
Во-вторых, наличием на территории муниципального образования таких промышленных гигантов как Саяно-Шушенская ГЭС и алюминиевых заводов, которые обеспечивают город высокооплачиваемыми рабочими местами. Второй по численности город региона Черногорск отличается развитием детско-юношеского спорта и количеством лечебно-профилактических организаций.

Данные официальной статистики не всегда полно отражают фактическую картину действительности, поэтому их необходимо комбинировать с субъективными оценками жителей городов о степени их удовлетворенности качеством жизни.

Особое недовольство среди опрошенных жителей хакасских городов вызывают проблемы качества оказания медицинских услуг, бытового обслуживания населения, транспортной доступности отдельных городских территорий, состояние и качество дорожного полотна, уровень благоустройства дворов. В разрезе городских поселений ответы респондентов выборочно представлены на рисунке 8 (показаны «проблемные точки» в развитии городов по оценкам жителей). Жители Черногорска чаще остальных негативно оценивали работу муниципальных предприятий города. Особо не удовлетворены они качеством своих дорог, благоустройством дворов и жилищно-коммунальным обслуживанием. Работа дорожных служб вызвала больше всего нареканий со стороны респондентов всех городов. Помимо этого, абазинцы оставили отрицательные отзывы о работе учреждений в области здравоохранения, жители Сорска недовольны уровнем благоустройства дворов, саяногорцы и тем, и другим. Относительно неплохо на этом фоне выглядит работа школьных и дошкольных учреждений, а также предприятий в сфере бытового обслуживания и транспортной системы в оценках горожан.

Рисунок 8

Неудовлетворительная оценка работы учреждений и ведомств жителями городов, в %

Сравнительно редко респонденты отмечали проблемы, связанные с качеством общественных пространств. Большинство горожан не испытывают недостатков магазинов, торговых центров, супермаркетов рядом с местом проживания. Вместе с тем несколько ниже удовлетворенность возможностями проведения досуга.

ГЛАВА 3.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ХАКАСИИ К ГОРОДСКИМ УСЛОВИЯМ

3.1. Трудности адаптации сельских мигрантов к городским условиям

Привыкание к городской среде для приезжих из села не всегда оказывается благополучным: часто процесс адаптации сопряжен с разного рода проблемами и трудностями, которые усложняют процесс встраивания сельских жителей в условия городской среды (см. табл. 17).

Таблица 17

Классификация трудностей социальной адаптации сельских мигрантов

экономические	психологические	правовые	экологические
отсутствие собственного жилья	трудности общения с людьми в городе	отсутствие городской прописки	загрязненный воздух
проблема трудоустройства	стресс	трудности официального трудоустройства	бесконечный шум
низкий уровень доходов	чувство одиночества	трудности при устройстве детей в детский сад, школу	быстрое движение
высокие цены	отсутствие друзей, знакомых		большое количество людей

По мнению исследователей, главные причины переезда сельских жителей связаны с низким уровнем занятости и низкими доходами[188], поэтому наиболее острыми для всех сельских мигрантов (особенно, на первом этапе адаптации) являются трудности ***экономического*** характера. Переселяясь на новое место жительства, бывший сельский житель в первую очередь старается обеспечить себя источником дохода, поэтому первая

[188]Томаска А. Г. Демографические факторы социальной адаптации учащихся – сельских мигрантов коренных малочисленных народов Севера (на примере Республики Саха – Якутия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 142.

проблема, с которой сталкиваются практически все приезжие – *трудоустройство*: примерно две трети опрошенных (64 % русских и 68 % хакасов) указали на эту проблему. Для нас было важно понять, в какие сферы занятости трудоустраиваются приезжие из села в Хакасии.

Исследования, посвященные изучению адаптационных процессов среди внешних мигрантов, показывают, что основными видами занятости приезжего населения являются оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий; строительство; коммунальные, социальные и персональные услуги; гостиницы и общественное питание; транспорт и связь[189]. Сравнение полученных в нашем исследовании данных с результатами исследования занятости внешних мигрантов показало, что в некоторых сферах деятельности внешние и внутренние мигранты представлены примерно одинаково: в строительстве, в транспорте, в коммунальных услугах, гостиницах, питании (см. табл. 18).

Таблица 18

Сферы занятости внешних и внутренних мигрантов, %

сферы занятости	внешние мигранты	внутренние мигранты
торговля, ремонт, бытовые услуги	33,6	13
строительство	16,3	13
транспорт	7	8
коммунальные, социальные, персональные услуги	13,9	27
гостиницы, общественное питание	7,2	
домашние хозяйства	8	1
другое	14	8
образование, культура, здравоохранение	–	32

Однако среди сельских мигрантов Хакасии почти треть (32 %) составляют те, кто работает в сферах образования, здравоохранения и культуры, но в основном это городские «долгожители» – те, кто проживает в городе больше 10 лет.

[189]Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 72. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79

Среди недавно прибывших (проживающих в городе меньше года) работающих в этих сферах всего 4 чел.

Определенные различия наблюдаются между русскими и хакасами: больше всего русских (30 %) работает в сфере обслуживания, хакасов в этой сфере тоже достаточно много (23 %), но меньше, чем русских (см. рис. 9). Больше работающих русских в сфере оказания транспортных услуг (9 %) и в промышленности (6 %). Однако хакасы чаще трудоустраиваются в бюджетные сферы: образование (15 %), здравоохранение (6,0 %), также их ощутимо больше по сравнению с русскими в строительстве (15 % и 10 % соответственно).

Полученные в нашем исследовании результаты в общем согласуются с данными социологических исследований начала 2000-х гг.[190] Уже тогда между русскими и хакасами проявлялись профессионально-отраслевые различия: русские занимали довольно обширную нишу в отраслях торговли и обслуживания, где нередки были высокие заработки и были шире возможности для продвижения; среди хакасов была высока относительная численность непроизводственной интеллигенции (учителей, врачей, работников науки, культуры, юриспруденции), которые имели не высокие заработки и были довольно далеки от сферы распределения материальных благ[191]. Оказалось, что

[190]Первое исследование: этносоциологическое исследование «Этнорегиональные модели адаптации населения к условиям трансформирующегося общества (постсоветский опыт)» было проведено в 2003 г. под руководством Л. В. Остапенко. Выборка квотная: 700 человек (равное количество русских и хакасов). Результаты опубликованы в нескольких информационных бюллетенях.

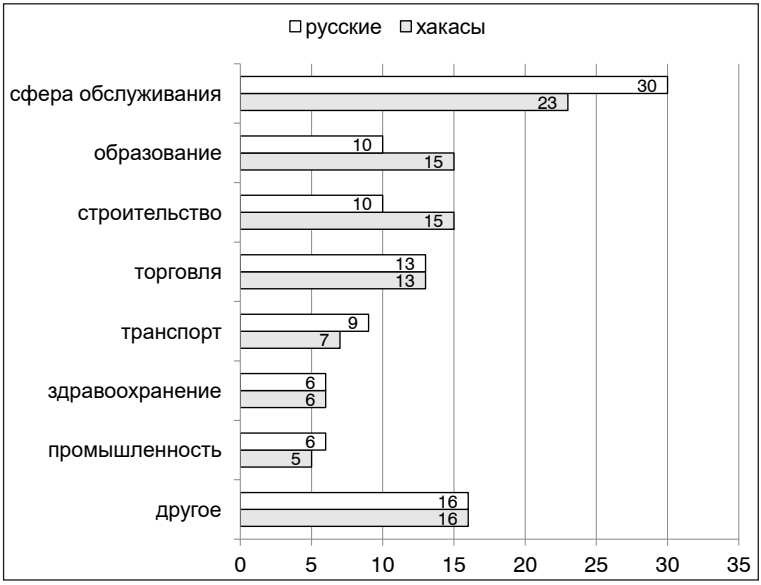
Второе исследование: этносоциологическое исследование «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни» было проведено в 2006 г. под руководством З. В. Анайбан. Выборка квотная: 400 человек (равное количество русских и хакасов, равное количество городских и сельских жителей). Результаты опубликованы в нескольких информационных бюллетенях.

[191]Остапенко Л. В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии) // Информационно-аналитический бюллетень № 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. С. 3.

и сегодня русские чаще трудоустраиваются в сферы обслуживания, торговлю, транспорт, а хакасы – чаще в бюджетные сферы (см. рис. 9).

Рисунок 9

Основные сферы занятости сельских мигрантов, в % от работающих

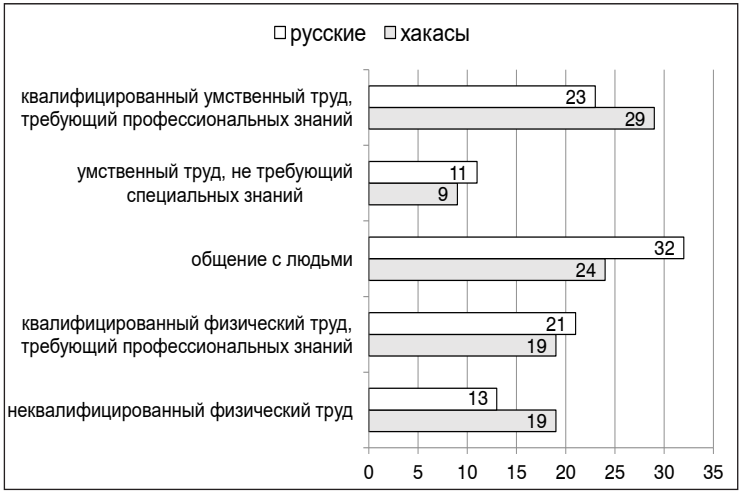

Вместе с тем спектр основных сфер деятельности не дает ясного представления об успешности адаптации мигрантов. Во-первых, на первоначальном этапе приезжие чаще устраиваются в места с невысокими требованиями к образовательно-квалификационному уровню работников. Во-вторых, сфера трудовой занятости не дает полного представления о характере труда: сложно, например, сравнить труд архитектора в строительстве и труд уборщицы в здравоохранении, поэтому более «показательным» является характер трудовой деятельности приезжих мигрантов по основному месту работы. В ходе опроса мы попросили респондентов указать, с каким видом труда в большей степени связана их работа: с умственным трудом, требующим профессиональных знаний (учителя,

врачи, юристы); с умственным трудом, не требующим специальных знаний (офисные работники); с квалифицированным физическим трудом, требующим профессиональных знаний (электрики, слесари, плотники); с неквалифицированным физическим трудом (разнорабочие, грузчики, уборщицы), или работа носит коммуникативный характер (общение с людьми). Полученные результаты выявили заметные различия между русскими и хакасами (см. рис. 10).

Рисунок 10

Характер труда по основному месту работы,в % от работающих

Во-первых, среди опрошенных хакасов по сравнению с русскими оказалось больше работников квалифицированного умственного труда, связанного с использованием профессиональных знаний (29 % и 23 % соответственно). Среди русских приезжих немного больше занятых в сферах использования умственного труда, не предполагающего специальных знаний (всего на 2 %), однако в основной своей массе это офисные работники. *Во-вторых*, существенно больше русских в сферах коммуникативного труда: почти у каждого третьего приезжего из села русского работа связана с общением с людьми (преимущественно это продавцы-консультанты), хакасов с таким видом трудовой деятельности меньше – 24 %. *В-третьих*,

среди хакасов по сравнению с русскими значительно больше приезжих, работающих в сферах применения физического труда, особенно неквалифицированного – в основном это разнорабочие, грузчики, уборщицы (19 % и 13 % соответственно). Работников квалифицированного физического труда тоже среди хакасов много, но среди русских на 2 % больше.

Кроме того, среди хакасов по сравнению с русскими оказалось больше тех, кто по основному роду своей деятельности, отнес себя к рабочему классу (см. рис. 11). Больше среди них и безработных, и иждивенцев (домохозяек и учащихся). Среди русских оказалось больше приезжих, определивших себя в качестве специалистов, сотрудников, служащих (чья работа предположительно связана в большей степени с умственной деятельностью и соответственно по статусу выше).

Рисунок 11

Основной род деятельности сельских мигрантов, в % от ответивших

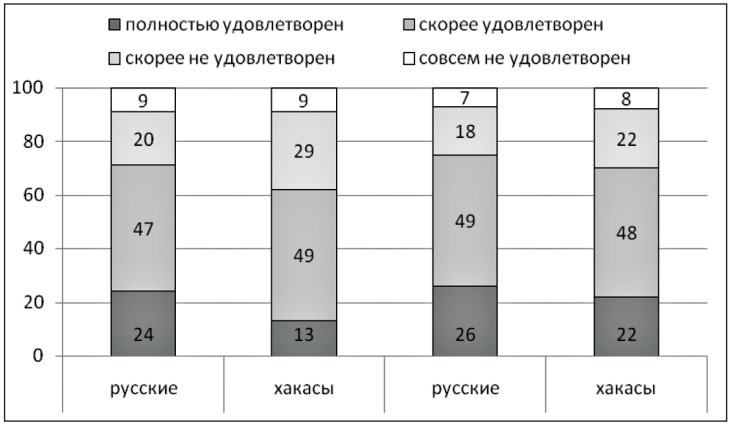
Результаты исследований 2000-х гг. подтверждали, что среди русского населения весомый процент составляли высококвалифицированные рабочие и производственные специалисты, тогда как среди хакасов была выше доля мало- и неквалифицированных рабочих[192]. В целом, соотнося

[192]Остапенко Л. В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии) // Информационно-аналитический бюллетень № 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. С. 3.

полученные в нашем исследовании данные с результатами исследований 2000-х гг., можно сделать не очень утешительный вывод о том, что наличествовавшие в прошлом профессионально-отраслевые различия между русскими и хакасами плавно «перетекли из прошлого в настоящее». Так, русские по-прежнему больше представлены в сферах обслуживания: работают в качестве продавцов-консультантов или выполняют офисную работу, достаточно много среди них и квалифицированных рабочих (электриков, плотников и т. д.). Хакасы также чаще работают в бюджетных сферах или выполняют тяжелую физическую работу. Кроме того, среди хакасов больше приезжих, испытывающих неудовлетворенность своей работой: среди них каждый третий скорее не удовлетворен или совсем не удовлетворен; среди русских неудовлетворенных меньше – каждый четвертый (см. рис. 12).

Рисунок 12

Удовлетворенность работой (2006 г. и 2018 г.), в % от ответивших

Однако, сравнивая нынешние данные с результатами исследований 2000-х гг.[193], можно сделать вывод о повышении

[193]Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования). Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 7.

удовлетворенности приезжего населения своей работой: в тот период среди представителей хакасской национальности неудовлетворенных было – 38 % (сейчас – 30 %), среди представителей русской – 29 % (сейчас – 25 %).

В целом можно предположить, что на первоначальном этапе своего пребывания в городе бывшие сельские жители не имеют высоких притязаний в отношении работы, поэтому готовы трудоустраиваться в сферы занятости с невысокими требованиями к образовательно-квалификационному уровню работников. Нередко ради того, чтобы получить работу, приезжим приходится «мириться» с разными нарушениями в сфере труда (неформальная занятость, сверхурочная работа, невыплата больничных или отпускных и т. д.). Однако исследователи отмечают, что по мере адаптации части мигрантов удается вернуться на рабочие места, соответствующие их уровню квалификации и профессиональной подготовки за счет того, что они покидают рабочие места, не предъявляющие никаких требований к их квалификации[194].

Необходимость соглашаться на невыгодные условия труда, безусловно, является вынужденной: для того чтобы закрепиться в городе нужно иметь постоянный источник дохода, который мог бы покрывать хотя бы минимальные расходы на пропитание, одежду, оплату жилья и т. д. Естественно, значительная часть расходов приезжих, не имеющих собственной жилплощади, уходит на оплату съемного жилья. Можно предположить, что только незначительная часть приезжих из села при переезде в город может себе позволить сразу приобрести собственное жилье. Результаты опроса показали, что больше половины русских и хакасов испытывали жилищные трудности, связанные с поиском жилья, отсутствием собственной жилплощади, частой сменой жилья, высокими расходами на аренду жилья и др. Хотя большая часть приезжих (66 % русских и 57 % хакасов) уже проживают в собственном жилье, среди хакасов, достаточно много проживающих в съемном жилье

[194]Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 77. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79

– почти каждый третий (см. рис. 13). Кто-то решил для себя эту проблему после «удачного» брака и проживает в квартире супруга/ супруги, некоторые приезжие проживают у родственников или в служебном жилье (вариант «другое»).

Рисунок 13

Жилищные условия (2006 г. 2018 г.), в % от опрошенных

Сравнение ныне полученных результатов с данными 2000-х гг.[195] свидетельствуют о том, что в тот период у русских жилищные условия были лучше: 75 % из них тогда проживали в собственном жилье, тогда как среди хакасов – две трети (61 %). Кроме того, в середине «нулевых» четверть представителей хакасской национальности проживала в государственном или муниципальном жилье, среди русских таковых было всего 11 %.

Конечно, наличие собственного жилья не является критерием адаптированности, но свидетельствует о более благоприятных условиях, способствующих закреплению в городе. Вместе с тем около больше трети опрошенных (как среди русских, так и среди хакасов) не вполне удовлетворены своими жилищными условиями (см. рис. 14).

[195]Республика Хакасия: Демография, язык, политические предпочтения (по материалам этносоциологического исследования). Информационно-аналитический бюллетень № 6. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 13.

Рисунок 14

Удовлетворенность жилищными условиями (2006 г. и 2018 г.), в % от ответивших

Хотя в начале 2000-х гг.[196] неудовлетворенность была намного выше: почти половина (47 %) русских испытывала неудовлетворенность от неустроенности жилищно-бытовых условий, среди хакасов таковых было еще больше – две трети (64 %). Можно считать, что наличие экономического капитала, позволяющего при переезде приобрести собственное жилье, естественным образом намного упрощает процесс социальной адаптации сельчан в городе, ведь расходы на оплату жилья значительно сокращают статьи расходов на другие нужды: продукты питания, одежду, проезд, не говоря уже об удовлетворении культурных потребностей. Вместе с тем анализ среднедушевых доходов приезжих из села Хакасии показал, что сельские мигранты имеют очень низкий уровень доходов (см. рис. 15).

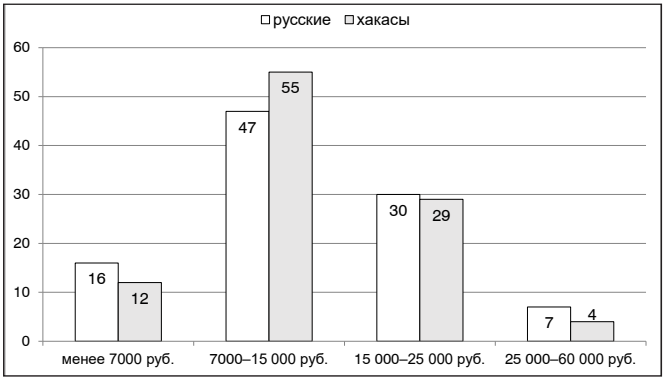
Для нас было важным выяснить средний размер заработной платы в среднестатистической семье приезжих из

[196]Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования). Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 4.

села. Однако рассчитать этот показатель для разведенных и овдовевших людей сложно, т. к. трудно определить размер их семей: это могут быть и одинокие люди, и неполные семьи, поэтому мы делали расчеты только для респондентов, состоящих в браке. Было высчитано, что в среднем в одной семье (как у русских, так и у хакасов) по 2 ребенка, значит, в одной среднестатистической (нуклеарной) семье как минимум 4 человека. Согласно результатам у половины «семейных» хакасов среднедушевой доход в расчете на одного члена семьи составляет от 7 000 руб. до 15 000 руб. Если предположить, что оба супруга в семье работают и зарплата является единственным источником дохода семьи, то заработная плата в среднем у одного родителя составляет от 14 000 руб. до 30 000 руб. В семьях 16 % русских и 12 % хакасов средняя зарплата меньше 14 000 руб.

Рисунок 15

Уровень среднедушевых доходов семейных сельских мигрантов, в % от состоящих в браке

Размер прожиточного минимума в Хакасии (на III квартал 2018 г., когда проводился опрос) для трудоспособного населения составлял 10 609 руб., для детей – 10 557 руб.[197] Выходит, что общий доход на среднестатистическую семью, состоящую

[197]Постановление Правительства Республики Хакасия от 23 ноября 2018 г. № 548 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Республике Хакасия за III квартал 2018 года».

из 4 человек (2 родителя и 2 ребенка), должен составлять не менее 42 332 руб., т. е. зарплата каждого родителя должна быть не меньше 21 116 руб. Конечно, очевидно, что «реальные» расходы превышают рассчитанную стоимость условной потребительской корзины (учитывая, что часть приезжих проживает в съемном жилье), поэтому трудно представить, что этих денег достаточно для того, чтобы «прокормить» полноценную семью.

Вообще опрошенные в нашем исследовании приезжие из села сами оценивают свое материальное положение достаточно низко (см. рис. 16). Только 6 % респондентов (как русских, так и хакасов) ответили, что они не испытывают финансовых затруднений и могут позволить себе очень дорогие покупки, такие как новую машину, квартиру или дом. Доля мигрантов, которых можно отнести к вполне обеспеченным (хватает, помимо прочего, на покупку бытовой техники), тоже немного: среди приезжих русской национальности только каждый пятый располагает средствами, достаточными для осуществления таких крупных покупок; среди хакасов таких мигрантов меньше – всего 14 %.

Рисунок 16

Оценка материального положения сельских мигрантов (2006 г. и 2018 г.), в % от опрошенных

Самой крупной группой среди опрошенных с разным уровнем материального положения (почти половина) оказались приезжие из села, которым средств хватает на удовлетворение только основных потребностей – еды, одежды и обуви. Выходит, что эта многочисленная часть населения не может себе позволить улучшить свои жилищно-бытовые условия, обновить технику, тратить деньги на удовлетворение культурно-досуговых потребностей и т. д. Еще более печальным выглядит ситуация среди малоимущих (денег хватает только на питание): каждый четвертый приезжий из села Хакасии, фактически, работает только «на еду». А если учитывать, что 5 % русским и 8 % хакасам имеющихся доходов не хватает даже не пропитание, то выходит, что каждый третий приезжий из сельской местности, проживающий в городе, по сути, находится за пределами бедности.

Примечательно, что по сравнению с серединой 2000-х гг.[198], уровень материального достатка мигрантов снизился, особенно среди хакасов. Если не считать, что сейчас появились «богатые» хакасы, которых в тот период среди них не было, то в общем материальное положение приезжих ухудшилось. Стало меньше обеспеченных, которые могут позволить себе совершать крупные покупки (например, бытовую технику), а также тех, кто способен себя обеспечивать самым необходимым – едой, одеждой и обувью. Однако доля малоимущих (едва хватает на пропитание) увеличилась: если в середине 2000-х гг. только каждый четверый работал «на еду», то сейчас – каждый третий.

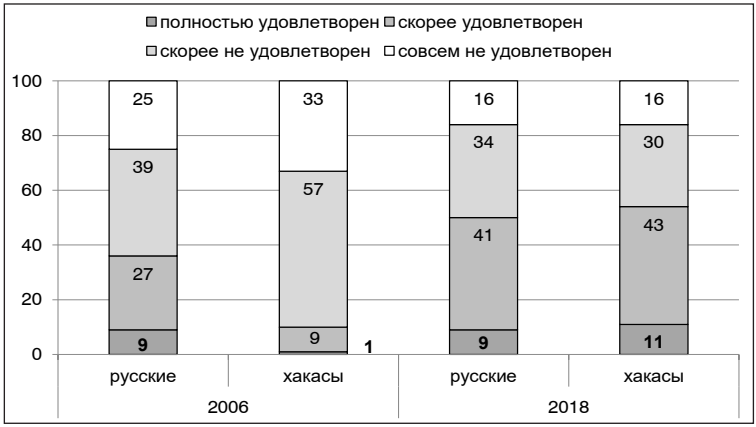
Удивительным является тот факт, что несмотря на снижение покупательной способности приезжего населения, удовлетворенность своим материальным положением среди

[198]Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования). Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 3.

современных сельских мигрантов повысилась по сравнению с «нулевыми»[199] (см. рис. 17).

Рисунок 17

Удовлетворенность своим материальным положением (2006 г. и 2018 г.), в % от ответивших

В тот период в большей или меньшей степени удовлетворенных было очень мало: среди русских только каждый третий выражал полную удовлетворенность уровнем своего материального достатка; среди хакасов – только каждый десятый. Среди приезжих из села русских две трети (64 %) были не довольны своей материальной состоятельностью; среди хакасов таковые составляли абсолютное большинство – 90 %. На сегодняшний день «удовлетворенных» и «неудовлетворенных» среди приезжего населения примерно одинаково.

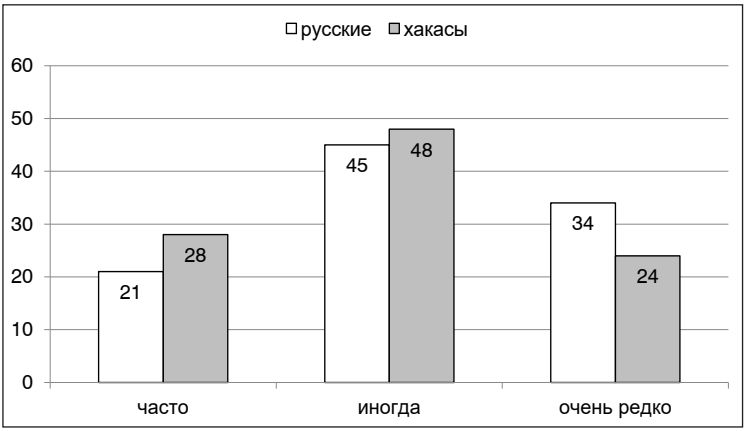
Ухудшение материального достатка сельских мигрантов, возможно, связано с высокой кредитной задолженностью населения. Оформление покупок в кредит, финансовые, ипотечные кредиты уже давно стали повсеместным явлением и достаточно прочно вошли в жизнь современного человека. Увеличивается число банков, микрофинансовых организаций, так называемых «касс взаимопомощи», которые оказывают насе-

[199]Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования). Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 3.

лению финансовые услуги. Упрощенная форма выдачи микрозайма (за 15 минут, где требуется только паспорт) направлена на «заманивание» клиентов. Особенно привлекательными такие виды займов представляются для недавно переехавших из села в город, которые часто испытывают финансовые трудности. Результаты исследования показали, что практика займов и кредитов является довольно распространенной среди опрошенных нами мигрантов (см. рис. 18).

Рисунок 18

Распределение ответов на вопрос «Как часто Вам приходится брать деньги в долг (в том числе кредиты)?», в % от опрошенных

Каждый пятый приезжий русский и почти каждый четвертый хакас достаточно часто берет деньги в долг или оформляет кредит. Еще почти половина вынуждена это делать периодически. Конечно, иногда такая необходимость является вынужденной, однако постоянное обращение к услугам таких организаций свидетельствует о том, что переселенцы из села пока не могут обеспечивать себя доходами в той степени, достаточной для того, чтобы их расходы не превышали доходы.

В более выгодном положении оказываются те переселенцы, у которых есть городские родственники, которые могут оказать свои сельским родственникам какую-либо помощь. Особенно на первоначальном этапе пребывания в городе поддержка родственников для бывших сельчан очень важна.

Кроме прочего, родственники-горожане помогают бывшим сельчанам научиться ориентироваться в пространстве города, освоить городской транспорт, усвоить практики взаимодействия с горожанами, познакомиться с инфраструктурой города и т. д. Вообще исследователи подчеркивают, что в приспособлении к условиям жизнедеятельности важным и довольно эффективным фактором выступает переориентация на микросоциальную среду, родственные и дружеские, неформальные связи[200]. Естественно, чем больше социальных (неформальных) связей появится у приезжих в городе, тем шире круг людей, к которым они в случае необходимости могут обратиться за помощью, в т. ч. и финансовой.

В исследовании нам важно было выяснить не только проблемы экономического характера, которые затрудняют процесс закрепления в городе, но и другие «антисредства» адаптации (набор средств, противодействующих адаптивному процессу[201]). Согласно исследователям, существуют внутренние дефициты и внешние барьеры: *внутренние* связаны непосредственно с особенностями личности человека (индивидуально-психологическое особенности личности, характер, привычки, уровень знаний, здоровье), которые либо затрудняют процесс адаптации мигрантов в городе; *внешние* заключены в условиях внешней среды (экономические факторы, национальный состав городского сообщество, уровень развития гражданского общества, нормативно-правовая система). Естественно предположить, что в процессе адаптации сельские мигранты испытывают влияние как внутренних, так и внешних факторов. Для нас было важным выяснить, какие дефициты и барьеры для приезжего населения были наиболее актуальными (см. рис. 19).

Результаты исследования показали, что наиболее остро приезжими из села воспринимались внешние помехи и трудности. *Во-первых*, это проблемы, связанные с трудоустройством:

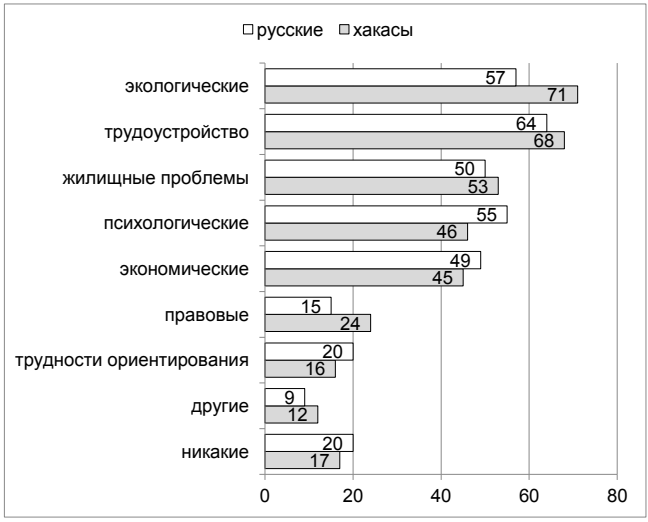
[200]Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи (Дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 91.

[201]Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. С. 292.

почти одинаковое количество русских и хакасов испытывали трудности с поиском и устройством на работу, были не довольны низкой зарплатой и т. д. Исследователи отмечают, что внутренние мигранты столь же часто, как и иностранцы, сталкиваются с различными видами принудительного труда: обманом об условиях труда, дополнительной работой под угрозой увольнения, невыплатой или неполной выплатой зарплаты, принуждением к отработке долгов[202].

Рисунок 19

Основные трудности адаптации, в % от опрошенных

Во-вторых, существенным барьером, не позволяющим сельским мигрантам прочно закрепиться в городе, стало отсутствие собственного жилья. По сравнению с 2000-ми гг. сейчас эта проблема для многих переселенцев часто оказывается просто непреодолимой, что связано с высокими ценами на рынке жилья. В тот период у бывших сельских жителей, переехавших в город, еще была возможность (или надежда)

[202]Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 75. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79

получить государственное или муниципальное жилье и тем самым закрепиться в городе, сейчас такой возможности практически нет.

В-третьих, как ни странно, для большого числа опрошенных (три четверти хакасов и более половины русских) в городских условиях своего рода внешними помехами стали *экологические* условия городской среды (загрязненный воздух, вода, бесконечный шум на улице, быстрое движение, транспорт, большое скопление людей и т. д.), которое существенно осложняли привыкание к новым условиям жизни.

В-четвертых, довольно трудно бывшим сельским жителям было привыкать к новому образу жизни, поддержание которого связано со значительно большими расходами по сравнению с жизнью в деревне (*высокими ценами*).

В-пятых, некоторые сельские мигранты сталкивались с трудностями *правового* характера, которые связаны с неопределенным формальным статусом сельских мигрантов, с трудностями официальной регистрации по месту пребывания. Иногда отсутствие «городской прописки» создает для бывших сельчан трудности устройства детей в детский сад, школу, а иногда и является препятствием для трудоустройства, ведь многие из них, переезжая в город, «по прописке» остаются сельскими жителями.

В-шестых, определенной помехой, мешающей освоиться в городе, для части мигрантов стали проблемы *ориентировки* в пространстве городской среды, связанные с необходимостью учиться пользоваться городским транспортом, добираться из одного места в другое, находить нужные адреса и т. д. Некоторые исследователи отмечают, что важную роль в освоении городского пространства играют родственники, которые помогают снизить уровень неопределенности как с точки зрения функционального использования городского пространства, так и с точки зрения возможностей, предоставляемых городом [203].

[203]Казенин К. И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала. ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». М., 2016. С. 30.

Вместе с тем иногда не менее значимыми, а иногда более значимыми представляются внутренние помехи и барьеры, препятствующие и затрудняющие процесс адаптации человека в новой среды. Естественно, переезд в город, смена окружения, изменение привычных условий жизни неизбежно связаны со стрессовой ситуацией. По мнению исследователей, миграция детерминирует развитие многочисленных проблем, среди которых: во-первых, психологический дискомфорт, возникающий вследствие переезда в новое место жительства, а во-вторых, отсутствие условий для продуктивной интеграции мигрантов в новую социокультурную среду[204]. Особенно в первое время переехавшие из села испытывают сильный *психологический* стресс: около половины опрошенных испытывали чувство одиночества, ощущали отсутствие поддержки со стороны близких, друзей, знакомых, болезненно воспринимали безразличие и равнодушие людей, испытывали трудности общения с людьми в городе и т. д.

Причем в начале исследования мы предполагали, что с трудностями психологического характера больше сталкивались представители хакасской национальности. В нашем представлении у хакасов более сильны традиционные ценности семьи, рода, родственных связей и отношений, поэтому отъезд из села должен восприниматься и как разрыв родственных отношений. Вдали от села и сельских родственников хакасы предположительно должны были более остро ощущать отсутствие поддержки родных и близких, однако результаты исследования показали, что для русских переезд оказался более трудным в психологическом плане. Они чаще указывали на отсутствие друзей и близких, на отсутствие помощи и поддержки с их стороны, чаще ощущали к себе пренебрежительное отношение со стороны городских жителей и т. д. Возможно, это объясняется особенностями менталитета русских и хакасов. По мнению исследователей, русские более «практичные», «пробивные», «целеустремленные и уверенные

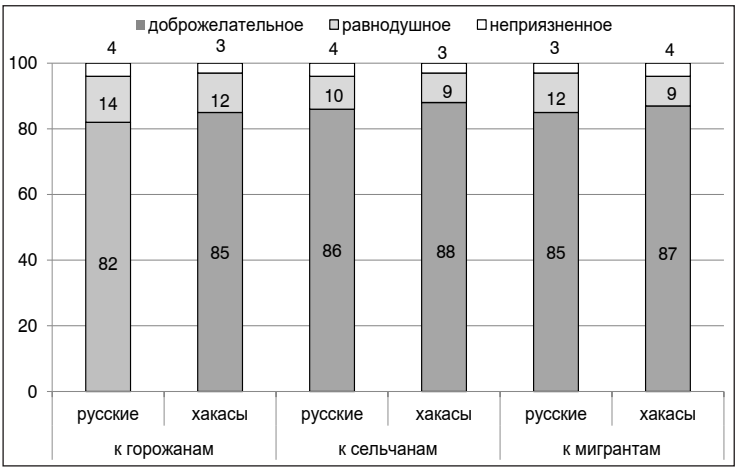
[204]Константинов В. В. Социально-психологические аспекты адаптации трудовых мигрантов из постсоветских государств и трудовых мигрантов – граждан России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 953.

в себе»[205], поэтому, возможно, встречаясь с равнодушием в процессе взаимодействия с акторами городской среды, они воспринимают эти трудности более болезненно. Хакасы в свою очередь отличаются интравертивностью, им свойственны такие черты характера, как стеснительность[206], вероятно, в силу замкнутости своего характера они изначально не настроены на интенсивное взаимодействие с горожанами, поэтому воспринимают такое отношение как норму.

Вместе с тем, отвечая на вопрос о своем отношении в разным акторам городской среды, опрошенные (как русской, так и хакасской национальности) в целом формулировали его в положительном ключе: как хорошее, доброжелательное (более 80 % респондентов) (см. рис. 20).

Рисунок 20

Отношение к акторам городской среды, в % от опрошенных

Однако такие ответы трудно воспринимать как полностью искренние, возможно, они являются результатом распространенных стереотипов о толерантности, поэтому их можно оценивать как, скорее, «желательные» ответы. Кроме того, по рисунку 20 видно, что среди русских больше респондентов

[205]Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. С. 126.

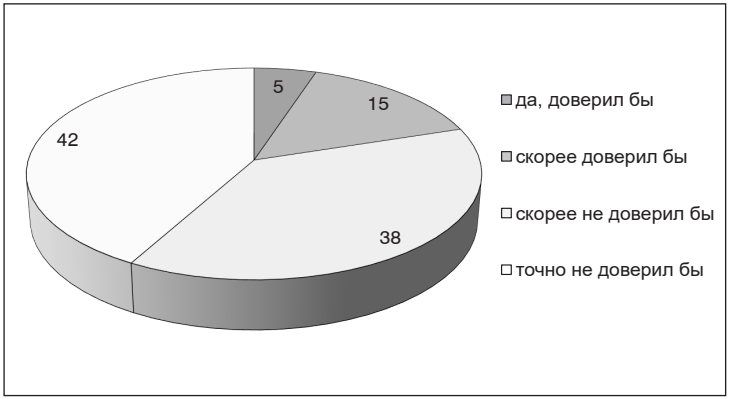
[206]Там же.

по сравнению с хакасами, которые испытывают равнодушное отношение к разным категориям людей: к горожанам: 14 % и 12 %; к сельчанам: 10 % и 9 %; к таким же приезжим: 12 % и 9 %. Другими словами, для русских отсутствие поддержки близких, которую они не находят в городе, вызывает чувство равнодушия по отношению к другим людям, хакасы же, в большей степени ориентируясь только на собственные силы, более стойко справляются с психологическими трудностями в процессе адаптации.

Вообще ответы на другие вопросы подтверждают низкий уровень доверия сельских мигрантов (см. рис. 21), что опять же подтверждает «неискренность» ответов о доброжелательном общении по отношению к разным людям.

Рисунок 21

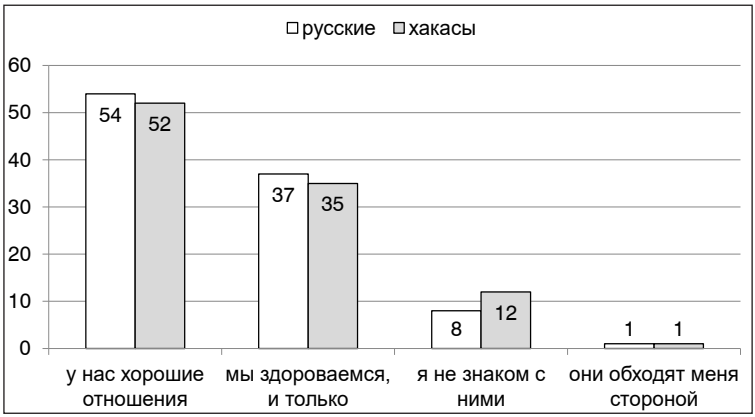
Уровень доверия среди сельских мигрантов, в % от опрошенных

Только каждый пятый опрошенный склонен доверять незнакомым людям, абсолютное же большинство переехавших из села не склонно доверять другим людям. Можно предположить, что доброжелательное отношение к разным категориям людей, скорее декларируется, чем является действительно таковым. На деле выходит, что если такое доверие и распространяется, то только на более или менее близких людей, например, на соседей (см. рис. 22).

Рисунок 22

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, как относятся к Вам соседи?», в % от опрошенных

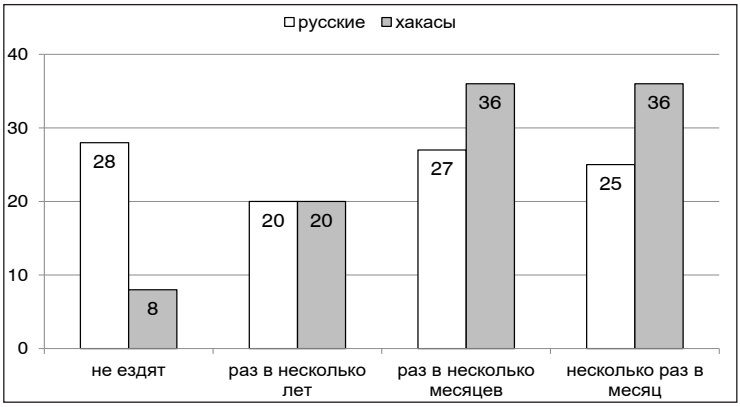
Около половины опрошенных (как среди русских, так и среди хакасов) ответили, что с соседями они поддерживают хорошие, дружеские отношения. Треть респондентов в своих взаимоотношениях с соседями ограничиваются лишь формальным приветствием «мы здороваемся и только». Еще часть переселенцев из села ответили, что вообще не знакомы со своими соседями, причем среди хакасов таковых немного больше. Возможно, это опять таки объясняется особенностями национальных черт характера титульного этноса, связанных с некоторой замкнутостью и закрытостью. Можно предположить, что более референтной группой для приезжих хакасской национальности все же остается сельское сообщество. Этот вывод напрашивается из того факта, что хакасы по сравнению с русскими достаточно часто ездят в село (см. рис. 23).

Каждый третий переехавший из села хакас ездит в деревню очень часто: несколько раз в месяц, а порой и каждую неделю, еще столько же опрошенных бывает в деревне несколько раз в год. Только 8 % хакасов практически полностью порвали свои связи с селом и даже уже не приезжают в село, среди русских таковых примерно четверть (28 %). Возможно, сохранение

тесной связи с селом, с сельскими родственниками, друзьями в некотором смысле препятствует налаживанию взаимодействия с акторами городской среды. Учитывая, что часть приезжих регулярно бывает в деревне, у них фактически не остается времени для общения с соседями или для появления новых связей в городском сообществе.

Рисунок 23

Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы ездите в село/деревню?», в % от опрошенных

Несмотря на то, что хакасы склонны сохранять тесные связи с деревней, нельзя сказать, что им не нравится жизнь в городе. Напротив, большая часть опрошенных хакасов ответили, что им нравится или в основном нравится жить в городе (см. рис. 24). Примечательно, что среди русских приезжих по сравнению с хакасами оказалось больше мигрантов, которым не нравится жизнь в городских условиях: 14 % и 8 % соответственно.

И в целом среди русских больше (хотя и ненамного) переселенцев из сельской местности, которые не связывают свой переезд с изменениями своей жизни к лучшему (см. рис. 25). По данным опроса, каждый четвертый приезжий русский полагает, что его жизнь в принципе не изменилась после его переезда в город.

Рисунок 24

Распределение ответов на вопрос «Нравится ли Вам жить в городе?», в % от опрошенных

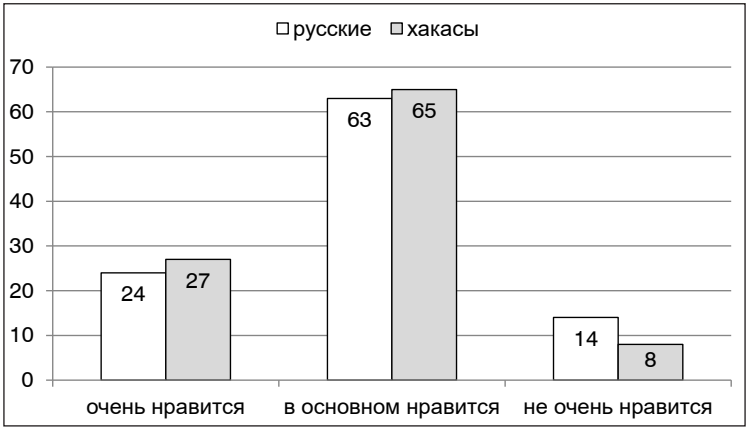
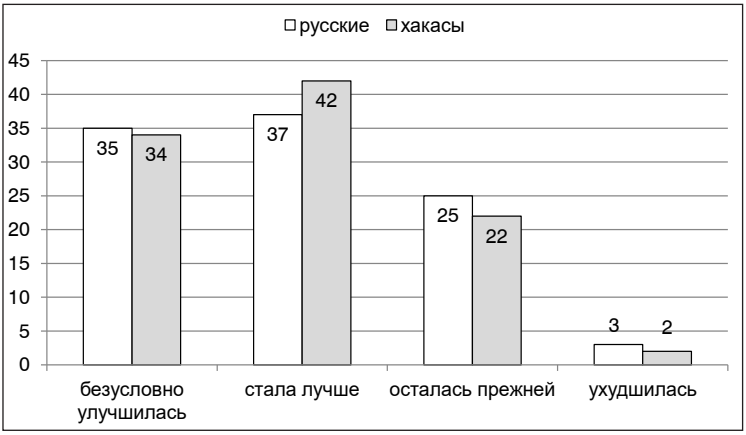

Рисунок 25

Распределение ответов на вопрос «Изменилась ли Ваша жизнь к лучшему после переезда в город?», в % от опрошенных

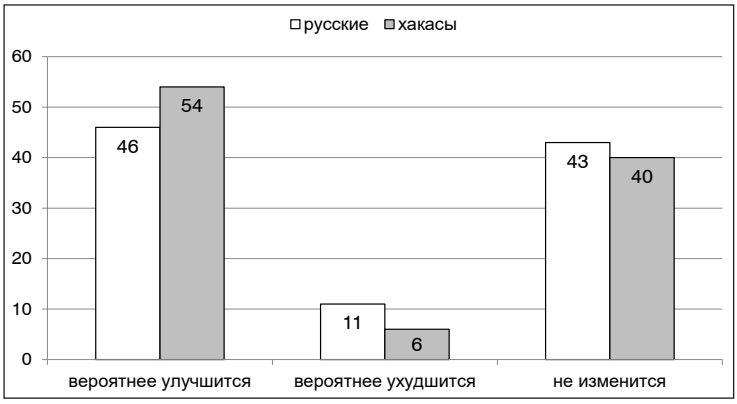

Больше среди русских и пессимистично настроенных сельских мигрантов, особенно по поводу улучшения своего материального положения. Во-первых, среди приезжих русских

по сравнению с хакасами меньше «оптимистов», связывающих свое ближайшее будущее с положительными изменениями («вероятнее улучшится»): 46 % и 54 % соответственно. Во-вторых, среди них немного больше опрошенных, полагающих, что их материальное положение в течение следующего года, вероятнее ухудшится. В-третьих, наряду с этим среди русских также больше приезжих, которые вообще не надеются на какие-либо изменения («не изменится») (см. рис. 26).

Рисунок 26

Ожидания улучшениясвоего материального положения, в % от опрошенных

На первый взгляд, кажется, что хакасы по сравнению с русскими настроены более оптимистично: полагают, что в ближайшем будущем их материальное положение вероятнее улучшится. Однако нельзя оценивать эти ответы как вполне искренние. Ведь для того чтобы в жизни человека действительно произошли какие-то изменения (в большинстве случаев), необходимо приложить для этого определенные усилия, иначе такие надежды можно расценивать как «пустые мечты». А. Г. Эфендиев отмечает, что желание жить лучше, практически не подкрепленное активными действиями, свидетельствует о некоторой «мечтательности»[207]. Во-первых, среди хакасов по

[207]Эфендиев А. Г., Болотина И. Л. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. № 4. С. 100.

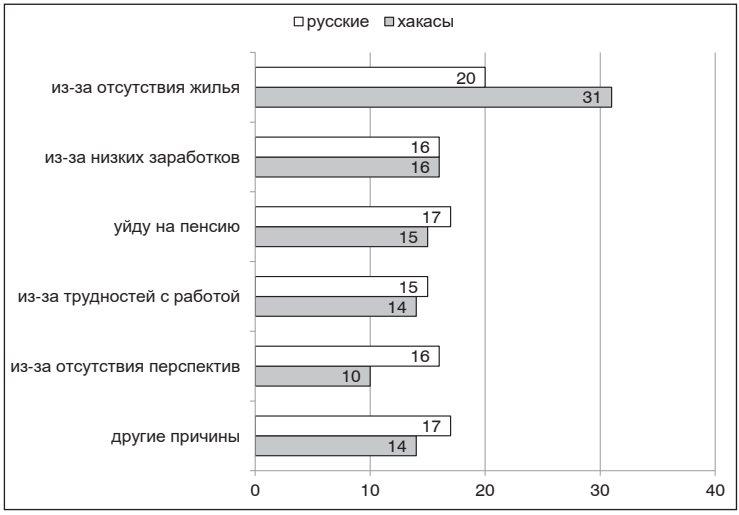
сравнению с русскими меньше (хотя и ненамного) опрошенных, готовых прилагать все силы, чтобы их жизнь улучшилась; во-вторых, среди приезжих хакасов больше опрошенных, которых все в жизни устраивает, что тоже в некотором смысле может рассматриваться как пассивное поведение, связанное с отсутствием стремлений к лучшей жизни. Поэтому можно предположить, что надежды хакасов на улучшение своего материального положения в ближайшем будущем в некотором смысле являются проявлением «бесплодных чаяний». Учитывая, что именно трудности материального характера для хакасов представляются основным фактором, препятствующим их закреплению в городе, полученные данные только подтверждают это предположение.

По мнению исследователей, иногда трудности, с которыми сталкиваются мигранты, оказываются непреодолимыми и вынуждают их возвращаться обратно в сельскую местность. Ю. Г. Быченко и В. Л. Шабанов отмечают, что в новейшей истории России был краткий период в начале 1990-х гг., когда наблюдалась сильная возвратная миграция из городов в села, превышающая миграцию из сел в города[208]. Почти каждый третий приезжий из села хакас (который в принципе допускает для себя вероятность возвращения обратно в село) называет в качестве основной причины – именно отсутствие собственного жилья (см. рис. 27). Среди представителей русской национальности таких респондентов гораздо меньше – всего одна пятая часть опрошенных. У русских более выражены другие мотивы, связанные в целом с общим взглядом на жизнь, с отсутствием перспектив в условиях города, с семейными обстоятельствами, с отсутствием поддержки близких и друзей и т. д.

[208]Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2 (41). С. 137.

Рисунок 27

Причины предполагаемого возвращения в село, в % от ответивших

Сравнивая причины предполагаемого возвращения в село с результатами соц исследований 2000-х гг.[209], видим, как изменились мотивы внутренних мигрантов (см. рис. 28). В тот период основной причиной отъезда русских в сельскую местность были семейные обстоятельства (30 %), из-за которых они допускали такую возможность. Для хакасов эта причина не представлялась достаточным основанием для переезда. Основной мотив переезда представителей хакасской национальности в тот период носил экономический характер: был связан с низким уровнем заработков (26 %) и трудностями с устройством на работу (21 %). Кроме того, достаточно весомой причиной миграции из города была сложившаяся неблагоприятная природная и техногенная ситуация, из-за которой бывшие сельчане предполагали уехать из города.

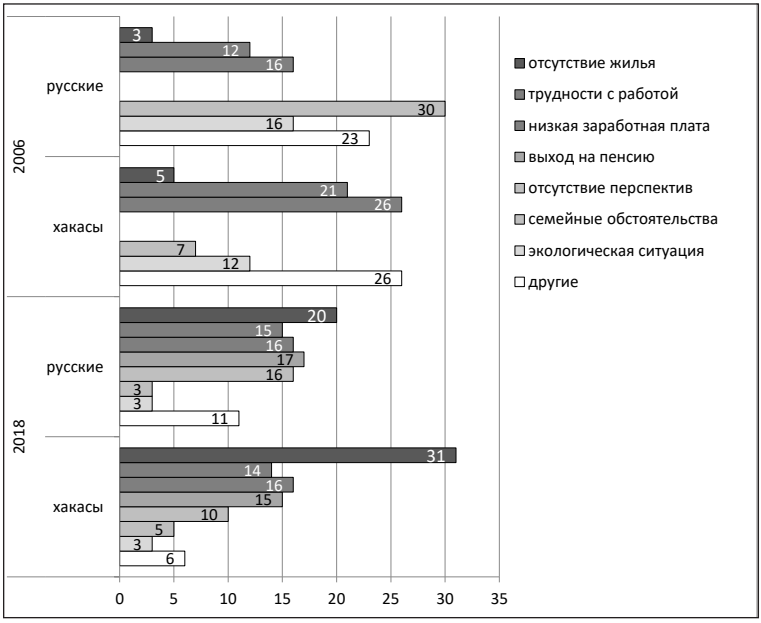
В сегодняшних условиях ни семейные обстоятельства, ни экологическая ситуация не представляются весомыми при-

[209]Республика Хакасия: Демография, язык, политические предпочтения (по материалам этносоциологического исследования). Информационно-аналитический бюллетень № 6. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 12.

чинами для того, чтобы уехать обратно в сельскую местность, что естественно связано со сложной экономической ситуацией, которая сложилась в селе. При таких обстоятельствах люди вынуждены мириться с «плохой» экологией, но иметь стабильную работу, другими словами, они чаще выбирают «меньшее из зол». Поэтому в нынешних условиях основной причиной, «выталкивающей» бывших сельских жителей обратно в сельскую местность, является отсутствие собственного жилья в городе, что для многих приезжих воспринимается как непреодолимое препятствие для их закрепления в городе. Вместе с тем большая часть опрошенных (как русских, так и хакасов), несмотря на испытываемые в городе трудности, не планирует возвращаться обратно в село.

Рисунок 28

Сравнение причин предполагаемого возвращения в село (2006 г. и 2018 г.), в % от опрошенных

Учитывая, что основной причиной миграции сельского населения в нынешних условиях является безработица в сельской

местности, можно предположить, что и основные трудности, с которыми сталкиваются приезжие из села, преимущественно носят экономический характер. С одной стороны, это действительно так. По мнению исследователей, *социально-экономические факторы* (разные стороны обустройства переселенцев: жилье, трудоустройство, бытовые условия жизни), оказывают ощутимое влияние в обретении определенного статуса субъектов, обеспечивают их приспособление к ценностям, нормам среды[210], возможно, поэтому трудности, связанные именно с этими аспектами жизнедеятельности, оказываются самыми значимыми в процессе адаптации. Результаты нашего исследования подтверждают данное утверждение. Действительно, наиболее острыми в процессе адаптации для бывших сельских жителей оказались проблемы экономического характера: сложности, связанные с трудоустройством, и отсутствие собственного жилья.

Сложности с устройством на работу возникают отчасти от того, что, имея сравнительно высокий уровень образования, бывшие сельские жители все равно вынуждены трудоустраиваться в «непрестижные» сферы занятости: в сферу услуг, торговлю, транспорт, строительство и т. д. Причем приезжим русской национальности чаще удается занять сравнительно «хорошие» места даже в этих сферах занятости (офисная работа, продавцы-консультанты). Хакасам в этом смысле «везет» меньше: они чаще трудоустраиваются в сферы занятости, связанные с неквалифицированным физическим трудом (разнорабочие, грузчики, уборщики). Однако в сферах образования, здравоохранения и культуры работающих хакасов по сравнению с русскими немного больше, хотя уровень заработок в этих сферах занятости тоже невысокий, что опять же свидетельствует о «невысокой» престижности такой работы. Более половины приезжих из села имеют очень низкие заработки: в среднем зарплата одного члена семьи (мужа или жены) составляет от 14 000 руб. до 30 000 руб., а у каждого пятого – меньше 14 000 руб. В целом, общей тенден-

[210]Жукова И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2007. С. 17.

цией для сельских мигрантов является ситуация вынужденного трудоустройства в сферы деятельности, не предъявляющие высоких требований к работникам. Зачастую на первом этапе своего пребывания в городе недавние сельские жители соглашаются на такую работу, однако по мере освоения города некоторым приезжим удается трудоустроиться в сферы занятости, соответствующие их образовательному и квалификационному уровню.

Примечательно, что несмотря на низкие доходы сами приезжие оценивают свое материальное положение достаточно высоко: больше половины опрошенных могут обеспечить себя едой, одеждой, обувью (а кто-то может позволить и более дорогие покупки). Объяснение этого факта, возможно, связано с тем, что значительная часть населения живет «в кредит». С одной стороны, складывается «обманчивое» впечатление, что уровень материальной состоятельности людей высокий, но, с другой стороны, выходит, что фактически население живет «в долгах». В целом, сравнивая уровень материального достатка нынешних мигрантов с ситуацией в «нулевые» годы, следует отметить, что в целом материальное положение приезжего населения ухудшилось: каждый третий переселенец из села фактически работает только «на еду».

Результаты нашего исследования показали, что проблемы экономического характера, хотя и являются наиболее «выпуклыми», не единственное, с чем сталкиваются приезжие сельчане. Бывшим сельским жителям также сложно привыкать к жизни в иных экологических условиях жизнедеятельности: дышать более загрязненным воздухом, пить хлорированную воду, работать в условиях постоянного шума и т. д. Естественно, контраст между неспешной сельской жизнью и быстрым ритмом города ощущается довольно сильно, особенно среди представителей хакасской национальности.

Однако приезжим русской национальности сложнее дается привыкание к новым условиям в психологическом плане. Они более остро испытывают недостаток поддержки и помощи со стороны родных и близких, более восприимчивы к равнодушию и пренебрежительному отношению со стороны других людей. Хакасы оказались более устойчивыми психологически. Хотя

в целом уровень недоверия среди приезжего населения очень высокий: например, общение с соседями чаще ограничивается формальным приветствием, что, естественно, не может привести к появлению прочных социальных связей в городской среде. Укоренению в городской среде также препятствует сохранение тесных связей с селом: значительная часть бывших сельчан регулярно ездит в свое родное село. Естественно, это усиливает отчуждение от акторов городской среды и еще больше затрудняет процесс адаптации хакасов.

Представителям титульного этноса также трудно дается освоение городского образа жизни: необходимость пользоваться общественным транспортом, умение ориентироваться в пространстве города, привыкание к большому количеству людей, необходимость соблюдать правила безопасности (особенно в вечернее время) и т. д. Конечно, трудности освоения городского образа жизни объясняются тем, что традиционный образ жизни коренного населения тесно связан с сельской местностью, более размеренным и спокойным ритмом жизни, с традиционными видами хозяйствования. Вместе с тем хакасы по сравнению с русскими более положительно оценивают изменения в своей жизни после переезда в город.

Кроме того, хакасы настроены более оптимистично. Можно предположить, что, с одной стороны, возможно, такой настрой будет служить фактором, сглаживающим трудности адаптации в условиях города, но, с другой стороны, надежды на «лучшую жизнь», не подкрепленные реальными действиями, скорее свидетельствуют о некоторой «мечтательности» представителей титульного этноса.

В заключении нужно отметить, что часть опрошенных (20 % русских и 17 % хакасов) ответили, что в процессе адаптации к городской жизни им не пришлось сталкиваться с существенными трудностями, т. е. процесс привыкания к новым условиям дался им достаточно легко. Это связано в т. ч. и с общим повышением уровня жизни, благодаря информационно-компьютерным технологиям и средствам связи, которые в некотором смысле «выравнивают» некоторые возможности городского и сельского населения.

3.2. Факторы адаптации (уровни адаптированности)

В исследовании нам было важно понять, какие факторы влияют на успешность адаптации бывших сельчан в условиях городской среды. По мнению исследователей, заметное влияние на адаптацию мигрантов оказывают объективные – внешние, характеризующие регионы «исхода» и «вселения» и субъективные – связанные с характеристиками переселенцев или зависящими от них[211]. Некоторые исследования[212] доказывают, что сводный показатель адаптации больше связан с социально-демографическими характеристиками мигрантов: возрастом, семейным положением, уровнем образования и т. д. Мы выясняли, с какими факторами коррелирует уровень адаптированности, в ч. как успешность адаптации варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик приезжих из села.

Результаты проведенного опроса показали, что основная часть сельских мигрантов – внутрирегиональные переселенцы (72,6 %), хотя между русскими и хакасами наблюдаются определенные различия. Так, основная часть перемещений хакасов (87 %) приходится на внутрирегиональную миграцию, тогда как среди русских значительную часть опрошенных составляют переселенцы из других регионов: треть (37 %) из них прибыли из сел, расположенных в других субъектах. Кроме того, среди хакасов более половины (55 %) приезжих являются выходцами из малых сел (с населением менее 500 чел.), среди опрошенных русских только каждый пятый прибыл из небольшого села. Возможно, это связано со сложной экономической ситуацией в сельской местности, с отсутствием работы в селе, из-за чего сельские жители стремятся переехать в города.Согласно полученным результатам, можно выдвинуть предположение, что

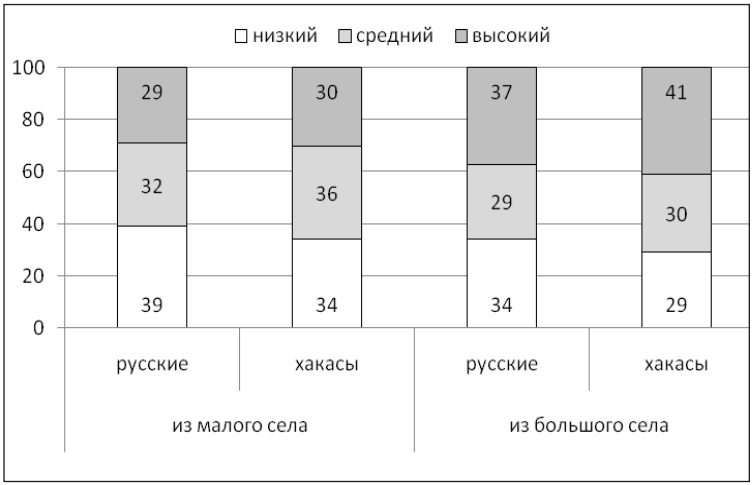
---

[211]Жукова И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2007. С. 16.
[212]Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодежи (дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 93.

«выходцы» из малых сел хуже приспосабливаются к городской жизни: в группах средней и низкой адаптированности больше жителей именно малых сел (см. рис. 29).

Рисунок 29

Уровень адаптированности сельских мигрантов из разных типов сел, в % от опрошенных

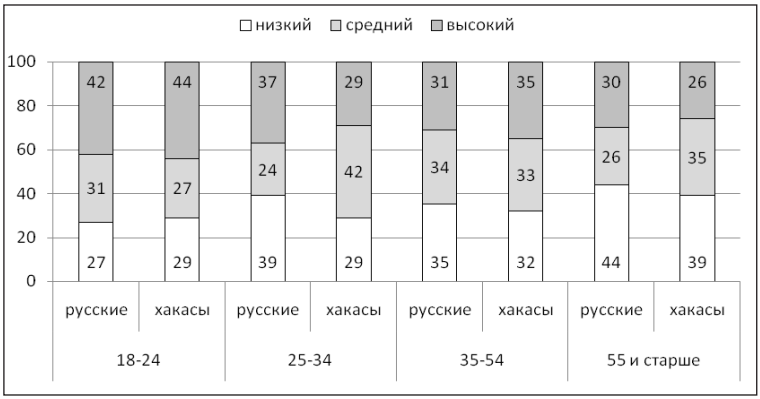

Значение коэффициента связи по Пирсону r=0,076* (слабая связь), тем не менее можно сказать, что уровень адаптированности разнится среди мигрантов, прибывших из разных по размеру сел. Возможно, приезжие из больших селений быстрее осваиваются в городе в силу того, что некоторые практики городской жизни присутствуют и в крупных селах.

Анализ других социально-демографических характеристик респондентов показал, что уровень адаптированности отрицательно коррелирует с ***возрастом*** сельских мигрантов (r=–0,094**): среди старших возрастных групп число низкоадаптированных больше (см. рис. 30).

Рисунок 30

Уровень адаптированности в разных возрастных группах, в % от опрошенных

Полученные данные согласуются с результатами других исследований, подтверждающих наличие различий между мигрантами разных возрастных групп. Например, И. А. Жукова подчеркивает, что вероятность низкого уровня адаптированности у лиц пенсионного возраста значительно выше, чем среди лиц трудоспособного возраста[213]. Действительно, среди респондентов старше 55 лет по сравнению с другими возрастными группами оказалось больше всех низкоадаптированных: 44 % русских и 39 % хакасов. Конечно, нельзя утверждать, что именно возраст оказывает влияние на успешность включения приезжих в новую среду, скорее всего, возраст связан с определенными социально-психологическими особенностями личности, которые влияют на адаптационные процессы. Так, например, люди старшего возраста более инертны в плане усвоения новых моделей поведения из-за сложившейся системы ценностей, привычек и т. д.

В возрастной когорте от 35 до 54 лет примерно одинаковое количество опрошенных с разными уровнями адаптированности. В этот период возрастные различия, скорее всего,

[213]Жукова И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2007. С. 19.

«стираются», т. к. к этому возрасту система личности уже сформирована, но не настолько инертна, как в пожилом возрасте. Вероятнее всего, в этом возрастном периоде успешность адаптации больше связана с другими факторами.

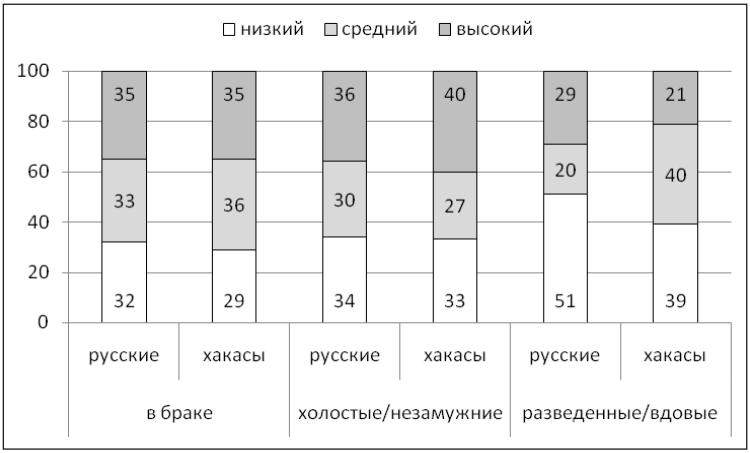
Однако в возрастной когорте от 25 до 34 лет различия присутствуют, причем у русских и хакасов они проявляются по-разному. Среди приезжих русской национальности очень много и низкоадаптированных (39 %), и высокоадаптированных (37 %). Объясняется это особенностями нашей выборки, а именно – гендерными различиями: среди опрошенных высокого уровня оказалось больше мужчин, которые по сравнению с женщинами позже вступают в брак, поэтому им, как и молодым людям, не обремененным семейными обязательствами, сравнительно легче приспособиться к новым условиям жизни. Среди низкоадаптированных превалируют женщины, которые в этом возрасте чаще уже состоят в браке и имеют детей, поэтому процесс адаптации у них проходит сложнее. Среди хакасов этой возрастной группы больше опрошенных со средним уровнем адаптированности, что свидетельствует об их достаточно высоком адаптационном потенциале: вероятно, процесс адаптации у них протекает достаточно быстро, и в ближайшем будущем можно ожидать, что эта часть мигрантов завершит свой процесс адаптации.

У молодежи процесс адаптации протекает легче, что связано, во-первых, с более гибкой системой поведения, которая в этот возрастной период еще формируется, а во-вторых, с уже имеющимся опытом проживанием в городе (т. к. молодежь, как правило, осваивает городской образ жизни еще в процессе получения образования в городе), поэтому среди молодых мигрантов высокоадаптированных больше (42 % русских и 44 % хакасов). Можно также предположить, что молодым людям, не обремененным семьей и детьми, проще переносить некоторые неудобства (например, проживать в съемном жилье, «урезать» себя в каких-то расходах). По рисунку 31 видно, что высокоадаптированных больше как раз среди холостых и незамужних: 36 % русских и 40 % хакасов. Однако одинокое проживание (разведенные, вдовые), особенно в пожилом

возрасте, скорее, отрицательно коррелирует с успешностью адаптации: среди этой категории опрошенных больше всех низкоадаптированных: 51 % русских и 39 % хакасов. Поэтому в целом ***наличие семьи***, скорее, можно считать мотивирующим фактором в процессе адаптации.

Рисунок 31

Уровень адаптированности сельских мигрантов с разным семейным положением, в % от опрошенных

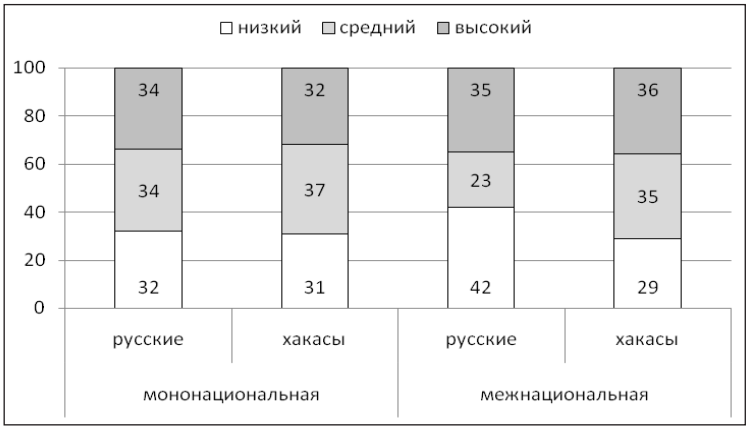
Однозначного ответа на вопрос о «положительной» связи ***межнационального брака*** с уровнем адаптированности не удалось получить (см. рис. 32). Изначально мы предполагали, что брак с представителем другой национальности положительно сказывается на приспособлении к городской среде (хотя бы потому, что облегчает усвоение моделей поведения в полиэтничной среде), в этом случае супруг другой национальности для приезжего может рассматриваться как проводник, помогающий ему функционировать в пространстве новой среды. Однако полученные результаты показали, что это не совсем так.

Статистически значимых различий между приезжими, состоящими в мононациональных браках, не было обнаружено. Однако уровни адаптированности среди мигрантов в межна-

циональных браках сильно разнятся (см. рис. 32). Оказалось, что среди русских, состоящих в браке с представителем другой национальности, больше низкоадаптированных (42 %), а среди хакасов, наоборот, больше высокоадаптированных (36 %). Можно предположить, что в отношении приезжего населения хакасской национальности выдвинутая нами гипотеза, скорее, верна, и брак с представителем иной национальности положительно сказывается на адаптивных возможностях хакасов. По мнению исследователей, высокий уровень развития адаптивности личности может быть достигнут за счет активного взаимодействия с социальной средой при максимальном использовании потенциальных возможностей социума[214]. Вероятно, для хакасов как этнического меньшинства заключение брака с представителем этнического большинства (чаще всего русскими) служит сглаживающим фактором при вхождении в преимущественно моноэтничное русское городское сообщество.

Рисунок 32

Уровень адаптированности среди состоящих в моно- и межнациональных браках, в % от состоящих в браке

[214]Смелков М. Ю. Теоретический анализ проблемы социальной адаптации в контексте социализации личности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Педагогика. 2011. № 4. С. 169.

Исследователи также отмечают, что более гибко и глубоко адаптируются те, кто имеет определенные знания и представления о новой среде до столкновения, поэтому обстоятельства жизненного опыта индивида также играют роль в процессе адаптации[215]. Так, например, распространенным является представление о том, что более высокий уровень образования способствует более успешной адаптации в новой среде. Вообще образовательный уровень приезжих из села русских и хакасов довольно высокий, особенно в сравнении с данными переписи населения (см. рис. 33).

Согласно данным переписи населения, образовательный уровень русских и хакасов, проживающих на территории Хакасии невысокий. Мы не принимаем во внимание удельный вес имеющих только общее образование, т. к. в переписи населения в эту категорию попадают люди в возрасте от 15 лет (часть из которых, вероятно, еще продолжает обучение в школе). Для нас более показательным является, что только одна пятая часть (как русских, так и хакасов) имеет высшее (в т. ч. неполное высшее образование)[216]. Основная часть русского и хакасского населения имеет образование не выше среднего профессионального.

Однако образовательный уровень опрошенных в нашем исследовании сельских мигрантов довольно высокий: почти половина русских и хакасов имеет профессиональное (либо начальное, либо среднее) образование, и еще каждый третий имеет высшее (в т. ч. неполное высшее) образование. Более высокий уровень образования переселенцев из села, вероятно, объясняется тем, что сельчане с более высоким уровнем образования имеют более высокие притязания, поэтому чаще решаются на переезд. По мнению исследователей, на селе в основном остаются апатичные, часто пьющие люди[217],

[215]Лескова И. В. Адаптация трудовых мигрантов: личностный аспект // Социальная политика и социология. 2012. № 2. С. 130.

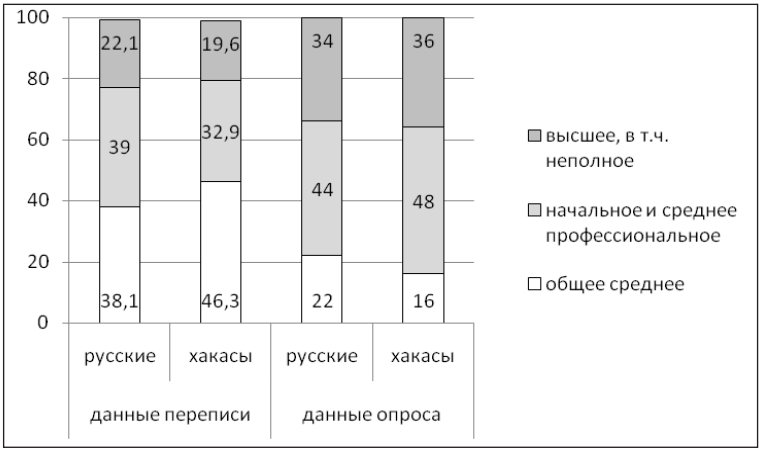
[216]Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т./ Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 4.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 2. С. 1362–1363.

[217]Никулин А. М. Аграрное наследие Т.И. Заславской и современность // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 36.

которые, вероятно, в большей степени готовы мириться со сложившимся положением дел, поэтому реже покидают свое место жительства.

Рисунок 33

Образовательный уровень русских и хакасов (по данным переписи населения и по данным опроса), в % от опрошенных

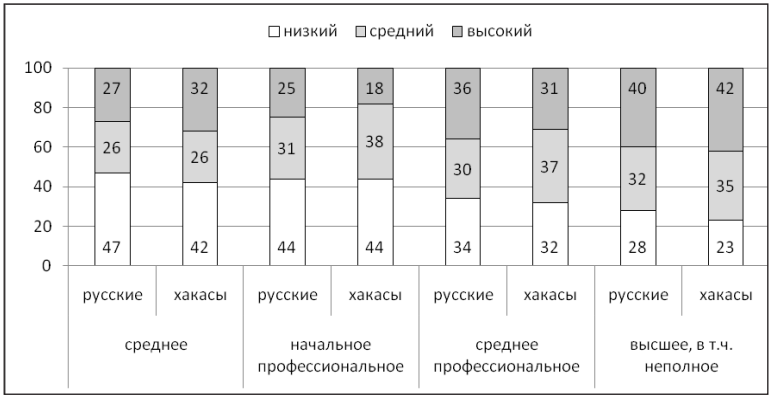
Результаты нашего исследования подтвердили наличие прямой линейной связи уровня адаптированности с ***уровнем образования*** сельских мигрантов (коэффициент связи по Пирсону r=0,147**) (см. рис. 34).

Среди мигрантов, имеющих только среднее образование, очень много низкоадаптированных, особенно среди русских: почти половина из тех, кто окончил только школу, очень плохо приспособился к городской жизни, хотя среди хакасов таких приезжих тоже достаточно много – 42 %. Среди мигрантов с начальным профессиональным образованием (на уровне училищ) тоже больше опрошенных с низким уровнем адаптированности. Однако высокоадаптированных среди них меньше всего, даже меньше, чем среди имеющих только среднее образование: 25 % русских и всего 18 % хакасов. Такие различия связаны с тем, что в группу со средним образованием попали студенты, которые, хотя и получают профессиональное об-

разование, по факту имеют только аттестат о среднем образовании. Учитывая, что некоторые студенты еще проживают с родителями, поэтому по показателям успешности адаптации соответствуют попали в группу высокого уровня. А в группе опрошенных с начальным профессиональным образованием преимущественно уже взрослое работающее население, поэтому оценка их уровня адаптированности более объективно отражает их низкие адаптивные возможности.

Рисунок 34

Уровень адаптированности среди мигрантов с разным уровнем образования, в % от опрошенных

Существенных различий в группе опрошенных, имеющих среднее профессиональное образование, не было обнаружено: среди хакасов больше среднеадаптированных (37 %), среди русских – высокоадаптированных (36 %). Однако среди респондентов с высшим образованием (в т.ч. неполным высшим) ощутимо больше хорошо адаптировавшихся приезжих (40 % русских и 42 % хакасов), а плохо приспособившихся, наоборот, очень мало (28 % русских и 23 % хакасов). Несмотря на то, что существует мнение о том, что «знание и опыт» занимает последнее место в иерархии факторов, определяющих успех адаптации[218], можно утверждать, что наличие

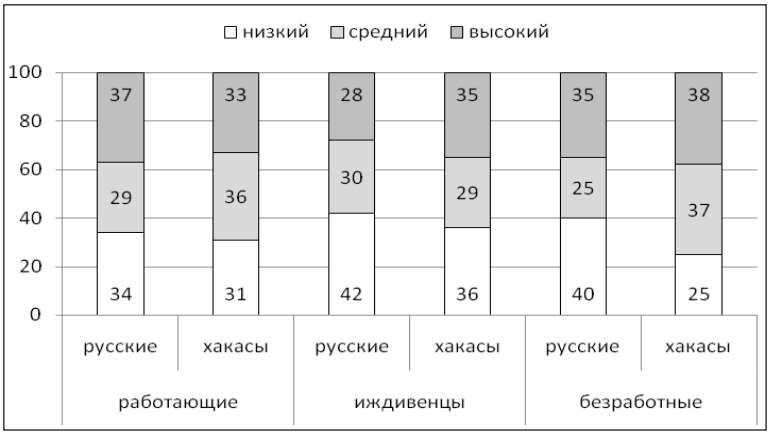
[218]Дискин И. С., Авраамова Е. М. Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 29.

профессионального образования все же увеличивает шансы приезжих на успешную адаптацию, хотя бы за счет того, что предоставляет более широкий спектр возможных мест для трудоустройства. Естественно предположить, что тем мигрантам, которые долго находятся в статусе безработных, адаптация дается труднее.

В принципе результаты исследования выявили слабую связь уровня адаптированности с основным ***родом деятельности*** приезжего, значение коэффициента связи по Пирсону r=0,073* (см. рис. 35).

Рисунок 35

Уровень адаптированности среди разных групп сельских мигрантов, в % от опрошенных

Логично было бы предположить, что среди безработных и иждивенцев (к которым мы отнесли домохозяек, студентов) должно было оказаться больше низкоадаптированных в силу того, что у них нет собственного источника дохода и они находятся на попечении других лиц: родителей, родственников, государства и т. д. Исключение в некотором смысле составляют пенсионеры: они тоже относятся к категории иждивенцев, но имеют стабильный источник дохода (пенсию), хотя и невысокий по сравнению с зарплатой. Частично это предположение подтвердилось: действительно, среди безработных и иждивен-

цев оказалось больше низкоадаптированных, особенно среди приезжих русской национальности. Но наряду с этим среди этих категорий мигрантов также оказалось достаточно много высокоадаптированных, особенно среди хакасов. Вероятно, это связано с двумя факторами: во-первых, среди опрошенных хакасской национальности более половины – учащиеся, которые, скорее всего, проживают с родителями; во-вторых, среди этих опрошенных также оказалось много молодых замужних женщин, которые, вероятно, находятся на иждивении своих мужей и именно поэтому попали в группы высокого уровня. Среди работающих приезжих русской национальности оказалось больше высокоадаптированных, а среди хакасов – среднеадаптированных. Отчасти это связано с соотношением среди опрошенных разных категорий работников: среди хакасов по сравнению с русскими меньше специалистов высшего звена (руководителей, начальников отделов), но больше простых рабочих.

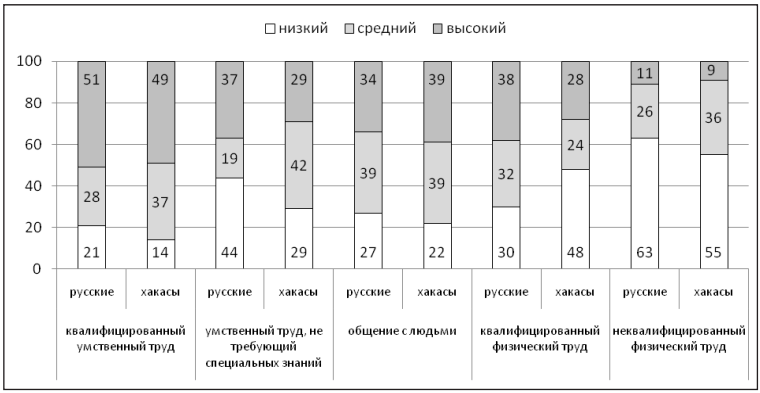
Как мы говорили ранее, сложно судить об успешности трудоустройства мигранта только по сфере его занятости и тем более по основному роду деятельности. На наш взгляд, более показательным является оценка того, с каким видом труда связана основная работа человека: с умственным, с физическим или преимущественно с общением с людьми. Согласно общепринятым представлениям (или стереотипам), квалифицированный умственный труд, требующий профессионального образования, считается более «престижным», как правило, он является и более оплачиваемым (но не всегда: в бюджетной сфере заработки невысокие). Например, «офисную» работу можно считать еще менее престижной, хотя по сравнению с работой в сфере обслуживания (например, продавцы-консультанты) она более престижна, хотя тоже не всегда больше оплачивается. В нашей градации физический труд, очевидно, стоит на самой низкой ступени «престижности», однако такой труд тоже различается. Например, работа электрика или плотника, несомненно, требует наличия специальных знаний, поэтому является более квалифицированной по сравнению с работой простого грузчика или разнорабочего. Поэтому в нашем представлении специфика труда по основно-

му месту работы сельского мигранта тоже в каком-то смысле является показателем успешности его адаптации. Полученные нами результаты показали, что уровень адаптированности положительно коррелирует с ***характером трудовой деятельности*** (значение коэффициента связи по Пирсону r=0,286**) (см. рис. 36).

Оказалось, что среди мигрантов неквалифицированного физического труда больше всего низкоадаптированных: 63% русских и 55% хакасов. Вероятно, уровень заработков в сферах физического труда невысокий, что не позволяет приезжим из села существенно улучшить свое материальное положение. Возможно также, в силу специфики труда, связанного с тяжелыми физическими нагрузками, такие мигранты имеют меньше возможностей, сил и времени для того чтобы более активно включаться в городскую жизнь, поэтому высокоадаптированных среди меньше всего: 11 % русских и 9 % хакасов.

Рисунок 36

Уровень адаптированности среди работников разных сфертруда, в % от работающих

Среди работников квалифицированного физического труда намного больше приезжих, которым удалось хорошо встроиться в новые условия жизни (38 % русских и 28 % хакасов). Выполнение такой работы необходимым предполагает наличие специального профессионального образования,

поэтому такой труд ценится и соответственно оплачивается более высоко. Очевидно, это создает для мигрантов более благоприятные условия для адаптации, однако среди русских этот фактор «срабатывает» лучше: ведь среди них больше высокоадаптированных. Среди хакасов в этой группе работников (квалифицированного физического труда), к сожалению, почти половина (48 %) приезжих, которые не смогли (или пока не смогли) хорошо адаптироваться к городу. В основном это связано с тем, что почти половина таких приезжих хакасов проживает в городе не больше 5 лет, а среди русских больше городских «долгожителей», которые за более длительный срок, вероятнее, смогли лучше «освоиться» в городе.

Среди работников коммуникативного труда (например, продавцы-консультанты), напротив, больше недавно прибывших из села, причем такие мигранты достаточно хорошо «вписываются» в условия городской жизни. Конечно, в сфере услуг или торговле более высокий уровень заработков, однако подчас такая работа связана с ненормированным графиком, сверхурочными работами, отсутствием выходных и т. д., поэтому на такую работу чаще соглашаются люди более молодого возраста. Возможно, на первоначальном этапе адаптационного периода такая работа «подходит» сельским мигрантам: она обеспечивает стабильный доход, однако согласие приезжих работать так постоянно (хотя, может быть, и вынужденно), скорее, является свидетельством неуспешной адаптации.

Предполагается закономерным, что умственный труд оплачивается более высоко, поэтому у мигрантов, чья работа связана с умственным трудом, более высокий уровень адаптивных возможностей. Однако в случае, если этот труд не предполагает наличие специальных профессиональных знаний, этот фактор не всегда «работает». Исследование показало противоречивые результаты: оказалось, что в этой группе работающих одинаково много высоко- и низкоадаптированных, особенно среди переселенцев русской национальности (44 % и 37 % соответственно). Нельзя сделать однозначный вывод о связи такой работы с уровнем адаптированности, вероятнее всего, среди этой группы работающих более значимыми

в процессе адаптации оказались другие факторы. Например, среди высокоадаптированных русских превалирует молодое население, тогда как среди низкоадаптированных, наоборот, люди более старшего возраста. Можно предположить, что для молодежи (особенно недавно переехавших в город) трудоустройство на такую работу в большей степени расценивается как «выгодное» (по сравнению с физической работой), но для зрелых людей (вероятно семейных и имеющих детей) не является показателем удачного трудоустройства.

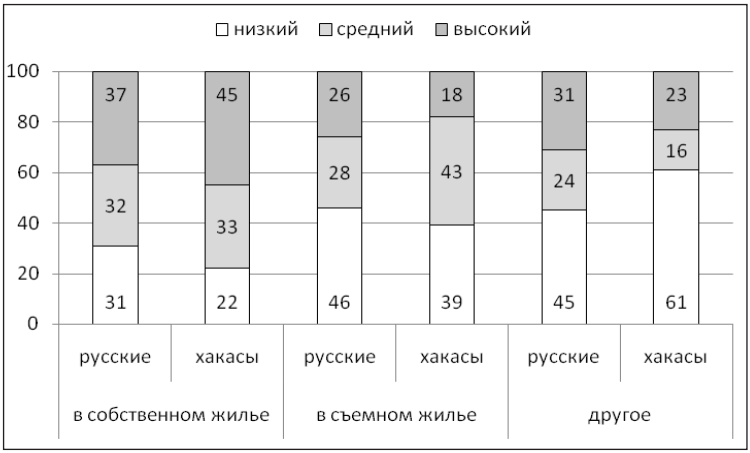
Вместе с тем можно уверенно сказать, что устройство на работу, которая предполагает применение профессиональных знаний мигрантов, положительно сказывается на процессе включения в новые условия. Среди этой группы опрошенных половина приезжих (как русских, так и хакасов) смогли хорошо адаптироваться к городской жизни. Вероятно, это связано не только с более высоким уровнем оплаты квалифицированного умственного труда, но и с тем, что таким мигрантам удалось максимально использовать имеющийся у них образовательно-квалификационный потенциал и после переезда в город преимущественно сохранить свой социальный статус.

Конечно, для сохранения своего привычного статуса важно не только суметь устроиться на «подходящую» работу, но и сохранить привычные для себя бытовые условия. Исследователи отмечают, что разные стороны обустройства переселенцев (жилье, трудоустройство, бытовые условия жизни) вообще способствуют интеграции в новое сообщество[219]. Учитывая, что основным препятствием для закрепления бывших сельских жителей в городе является именно отсутствие собственного жилья, влияние этого фактора представляется достаточно значимым. Полученные результаты показали, что уровень адаптированности напрямую коррелирует с наличием у сельских мигрантов ***собственной жилплощади*** (значение коэффициента связи по Пирсону r=0,198**) (см. рис. 37).

[219]Жукова И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2007. С. 17.

Рисунок 37

Уровень адаптированности среди сельских мигрантов с разными жилищными условиями, в % от опрошенных

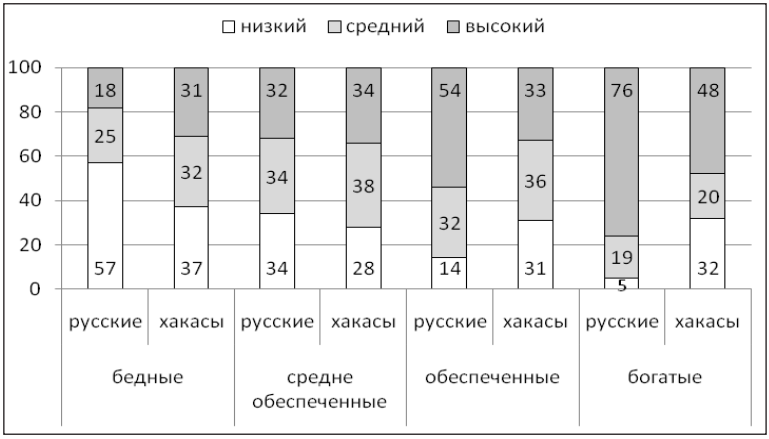

По рисунку 37 видны явные различия между приезжими с разными жилищными условиями. Среди хакасов, проживающих в своем собственном жилье, ощутимо больше высокоадаптированных – почти половина (45 %), среди русских таковых тоже больше, но ненамного – чуть больше трети (37 %). Однако среди проживающих в съемном жилье более отчетливые различия проявляются среди приезжих русской национальности: почти половина из них (46 %) – низкоадаптированные; среди хакасов только 39 %. Вероятно это связано с тем, что среди русских больше мигрантов, проживающих в съемной комнате или общежитии, а среди хакасов – больше проживающих в съемной квартире. Очевидно, что проживание в отдельной квартире (хотя и съемной) создает более благоприятные условия жизнедеятельности по сравнению с условиями совместного проживания с другими людьми, необходимостью пользоваться общими туалетными, ванными комнатами и кухней. Хотя по сравнению с иными жилищными условиями (проживание в служебном жилье или у родственников) съемное жилье представляется «меньшим из зол». Результаты исследования показали, что среди приезжих, не имеющих возможности обе-

спечить себя жильем за счет собственных ресурсов, больше всех низкоадаптированных: почти половина (45 %) русских и две трети (61 %) хакасов. Естественно, отсутствие возможности проживать самостоятельно отрицательно сказывается на адаптивных возможностях приезжего населения, причем даже среди тех мигрантов, которые могут себе позволить арендовать отдельную квартиру. Ведь траты на съемное жилье значительно снижают покупательную способность приезжих, урезая возможности на удовлетворение других потребностей. Поэтому уровень адаптированности также тесно коррелирует с уровнем ***материального положения*** сельских мигрантов (значение коэффициента связи по Пирсону r=0,222**) (см. рис. 38).

Рисунок 38

Уровень адаптированности среди сельских мигрантов с разным уровнем материального положения, в % от опрошенных

Условно, мы выделили несколько групп сельских мигрантов по уровню их материального достатка. К *бедным* (составляют треть всех опрошенных) были отнесены респонденты, которым средств хватает только на питание (а некоторым даже не вполне хватает). Самой большой группой оказались *среднеобеспеченные* (46 % всех опрошенных) – те приезжие, которым денег хватает на обеспечение себя самым необходи-

мым: едой, одеждой и обувью. Опрошенные, которые помимо основного могут позволить себе дорогие покупки (например, бытовую технику), были включены в группу *обеспеченных* (16 % от выборочной совокупности). К *богатым* были отнесены респонденты, имеющие финансовые возможности для приобретения очень дорогих покупок, например, машины или квартиры (всего 6 %).

Полученные в исследовании результаты показали, что связь уровня адаптированности с материальным положением приезжих наиболее отчетливо прослеживается у русских: среди группы бедных мигрантов более половины (57 %) низкоадаптированных (среди хакасов всего 37 %). В группе обеспеченных, наоборот, более половины (56 %) высокоадаптированных (среди хакасов треть опрошенных). В самой большой группе среднеобеспеченных примерно одинаковое число адаптированных разного уровня, что как раз служит подтверждением связи успешности адаптации с материальным положением. Вероятно, при «среднем» достатке у сельских мигрантов соответственно и «средний» уровень адаптивных возможностей. Однако среди богатых сельских мигрантов существенно больше высокоадаптированных: 76 % русских и 48 % хакасов, что подтверждает предположение о том, что чем выше уровень материальной состоятельности бывших сельских жителей, тем лучше они приспосабливаются к условиям городской жизни.

Хотя некоторые исследователи утверждают, что уровень достатка не всегда способствует принятию новых условий жизни. Например, Т. Эрман полагает, что даже те, кто обладает достаточными финансовыми ресурсами, могут по-прежнему чувствовать себя сельскими жителями[220]. Это наводит на мысль о том, что в процессе приспособления к иным, непривычным для себя, условиям жизнедеятельности более значимыми оказываются другие факторы. И. А. Жукова отмечает, что заметное влияние на адаптацию вынужденных мигрантов оказывают

[220]Erman T. Becoming “urban” or remaining “rural”: The views of Turkish rural-to-urban migrants on the “integration” question // International Journal of Middle East Studies. 1998. Т. 30. № 04. P. 559.

субъективные факторы, связанные с характеристиками переселенцев или зависящими от них[221].

Очень важным в процессе адаптации является общая оценка человека своей жизни, по которому можно понять его настрой и собственно готовность прилагать усилия для того, чтобы изменить жизнь к лучшему. Исследование подтвердило, что уровень адаптированности связан с общим ***представлением мигранта о своей жизни*** (значение коэффициента связи по Пирсону r=0,138**) (см. рис. 39).

Рисунок 39

Уровень адаптированности среди сельских мигрантов с разными установками, в % от опрошенных

Среди тех, кого все в жизни устраивает, высокоадаптированных оказалось больше всех (40 % русских и хакасов). С одной стороны, можно сказать, что устроенность человека положительно сказывается на общем процессе включения в новые условия, но, с другой стороны, такая ситуация, скорее, свидетельствует о пассивном адаптивном поведении: ведь у человека, которого все в жизни устраивает, отсутствует явная мотивация для улучшения своей жизни. Однако наличие

[221]Жукова И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2007. С. 16.

готовности прилагать активные усилия, чтобы их жизнь стала лучше, еще не гарантирует успешной адаптации: среди таких респондентов высокоадаптированных оказалось меньше всего: 26 % русских и 29 % хакасов. Возможно это связано с тем, что собственно готовность к активной адаптации обусловлена низким уровнем жизни, что и заставляет их прилагать максимум усилий. Казалось бы, среди «пессимистично» настроенных приезжих («вряд ли смогу изменить жизнь к лучшему») должно было быть больше низкоадаптированных, однако результаты показали иное: среди русских больше всех высокоадаптированных (30 %), среди хакасов – среднеадаптированных (37 %). Вероятно это объясняется тем, что большая часть этих приезжих в определенном смысле уже завершила свой процесс адаптации («приспособился к трудностям и хочу ничего менять) и поэтому не имеет установки на активные способы адаптации. Однако явное безразличие и безучастие по отношению к своей жизни мигрантам («будь, что будет») пагубно сказывается на процессе адаптации к условиям городской жизни: основная часть таких безучастно настроенных приезжих – опрошенные с низким уровнем адаптированности: две трети (65 %) русских и более половины (58 %) хакасов.

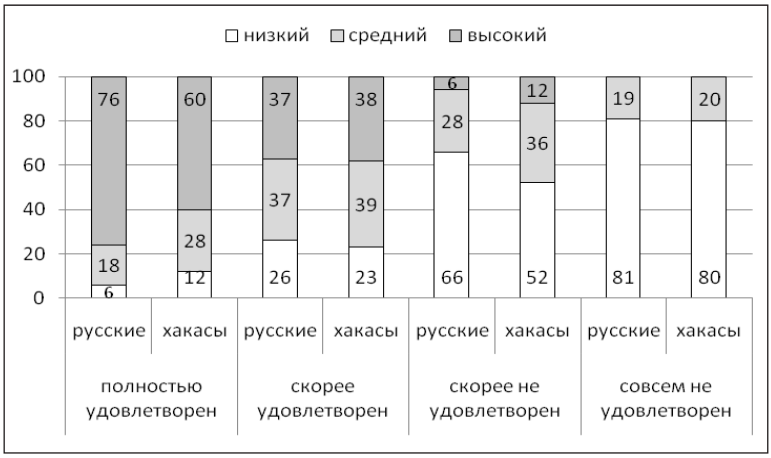
Результаты исследования показали, что еще более тесно уровень адаптированности коррелирует с общей ***удовлетворенностью*** своей жизнью (значение коэффициента связи по Пирсону r=0,484**) (см. рис. 40).

По рисунку 40 отчетливо видно, что со снижением удовлетворенности, уменьшается и число высокоадаптированных. Если среди полностью удовлетворенных своей жизнью 76 % русских и 60 % хакасов, которые сумели хорошо освоиться в условиях городской среды, то среди совсем не удовлетворенных – высокоадаптированных вообще не оказалось. Вообще исследователи отмечают, что неопределенность материального положения, неясность житейских горизонтов, утрата уверенности в завтрашнем дне, бесспорно, фактор, затрудняющий социальную адаптацию[222].

[222]Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 86.

Рисунок 40

Уровень адаптированности среди сельских мигрантов с разной степенью удовлетворенности, в % от опрошенных

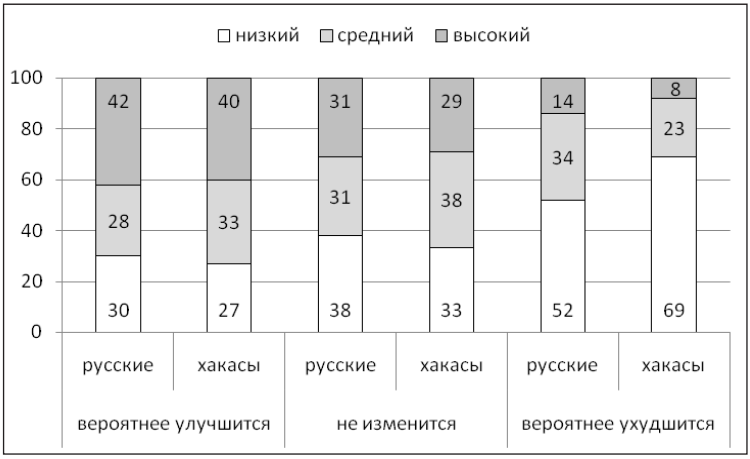
Полученные данные подтвердили, что успешность адаптации прямо связана с характером ***ожиданий в отношении ближайшего будущего***(значение коэффициента связи по Пирсону r=0,196**) (см. рис. 41).

Среди «пессимистов», полагающих, что их положение в ближайшее время, вероятнее, ухудшится, превалируют низкоадаптированные: 52 % русских и 69 % хакасов. Среди тех мигрантов, которые не связывают свое ближайшее будущее с какими-то изменениями (как позитивными, так и негативными), тоже больше опрошенных с невысокими уровнями адаптированности: со средним (среди хакасов) и с низким (среди русских). Однако надежда на лучшее, вероятно, положительно сказывается на процессе адаптации: среди приезжих с оптимистичным настроем в отношении будущего высокоадаптированных больше всего: 42 % русских и 40 % хакасов. Полученные в нашем исследовании данные вполне согласуются с результатами других исследований, подтверждающих, что ожидание возможных благ в отдаленной перспективе также в состоянии уменьшить ощущаемые тяготы и смягчить дисбаланс приобретений и потерь[223].

[223]Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 84.

Рисунок 41

Уровень адаптированности среди сельскихмигрантов с различными ожиданиями будущего,в % от опрошенных

Вместе с тем наличие связи адаптированности с различными переменными не означает, что именно эти факторы определяют успешность адаптации. Для того чтобы понять, какие из вышеперечисленных факторов являются более значимыми, с помощью регрессионного анализа мы выясняли, в какой мере каждый из них влияет на уровень адаптированности.

В регрессионную модель были включены следующие переменные:

1. *социально-демографические* характеристики*:* возраст, уровень образования, семейное положение, размер села, откуда прибыл мигрант;

2. *экономические* факторы: жилищные условия сельских мигрантов, основной род их деятельности, уровень материального достатка, а также характер труда по основному месту работы;

3. *субъективные* факторы: общее отношение к жизни в целом, удовлетворенность жизнью, представления о ближайшем будущем.

В результате регрессионного анализа были исключены следующие факторы: социально-демографические характери-

стики мигрантов, род деятельности, а также общее отношение к жизни и представления о будущем. Полученные данные позволяют сделать важный вывод о том, что **на успешность включения сельских мигрантов в условия города не оказывает влияние ни их возраст, ни уровень образования, ни семейное положение.** Конечно, уровень адаптированности варьируется в зависимости от разных характеристик приезжих, но не является производным от их сочетания.

Оказалось, что и общее отношение мигранта к жизни и фактор, отражающий ожидания приезжих в отношении ближайшего будущего не оказывают значимого влияния на успешность адаптационного процесса. Уровень этнического самосознания в качестве фактора также был исключен из регрессионной модели.

В общей сводке модели остались четыре переменные: удовлетворенность, характер труда, жилищные условия и материальное положение (см. табл. 19).

Таблица 19

Общая сводка для регрессионной модели

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стд. Ошибка оценки
1	0,477[a]	0,228	0,226	0,716
2	0,543[b]	0,295	0,293	0,685
3	0,577[c]	0,332	0,328	0,667
4	0,582[d]	0,338	0,333	0,665

a. Предикторы: (конст) удовлетворенность
b. Предикторы: (конст) удовлетворенность, характер труда
c. Предикторы: (конст) удовлетворенность, характер труда, жилищные условия
d. Предикторы: (конст) удовлетворенность, характер труда, жилищные условия, материальное положение
e. Зависимая переменная: уровень адаптированности

Исходя из значений коэффициента множественной корреляции (R), можно сказать, что каждая из выше обозначенных переменных связана с уровнем адаптированности. Однако в последней модели, в которую были включены все четыре

переменные, самое высокое значение коэффициента R=0,582, что свидетельствует о том, что уровень адаптированности прямо связан со всеми этими факторами. Коэффициент множественной корреляции является статистически достоверным (см. табл. 20), поэтому полученные модели в принципе могут быть содержательно интерпретированы. Согласно данным, регрессионные модели объясняют более 33 % дисперсии зависимой переменной.

Таблица 20

Таблица дисперсионного анализа

Модель		Сумма квадратов	ст. св.	Средний квадрат	F	Знч.
1	Регрессия	76,906	1	76,906	150,005	0,000[a]
	Остаток	260,445	508	0,513		
	Всего	337,351	509			
2	Регрессия	99,620	2	49,810	106,228	0,000[b]
	Остаток	237,731	507	0,469		
	Всего	337,351				
3	Регрессия	112,131	3	37,377	83,975	0,000[c]
	Остаток	225,220	506	0,445		
	Всего	337,351	509			
4	Регрессия	114,115	4	28,529	64,537	0,000[d]
	Остаток	223,236	505	0,442		
	Всего	337,351	509			

Из таблицы 21 видно, что наиболее тесно зависимая переменная (уровень адаптированности) связана с удовлетворенностью (β=0,477). Включение в регрессионную модель других факторов снижает предсказательную ценность фактора удовлетворенности. Вообще наименьший вклад в последнюю модель вносят переменные экономического характера: уровень материального положения мигрантов, а также характеристика их жилищных условий.

Если проранжировать факторы по силе их влияния на уровень адаптированности, мы получим следующее. Однозначно можно сказать, что на успешность адаптации сельских мигрантов главным образом оказывает влияние уровень их удовлетворенности своей жизнью: чем выше удовлетворенность, тем легче приезжим дается приспособление. Следующий фактор, влияющий на успешность адаптации – характер

труда, с которым связана основная работа приезжих: работникам «умственного» труда включение в новые условия дается намного легче, чем трудящимися в сферах физического» труда. Социально-экономические факторы, связанные с обустройством сельских мигрантов (жилищно-бытовые условия, уровень материального достатка) в меньшей степени, но все же оказывают влияние на уровень адаптированности.

Таблица 21

Коэффициенты

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Знч.
		B	**Стд. ошибка**	**Бета** (β-коэффициент)		
1	(Константа)	0,532	0,128	0,477	4,145	0,000
	удовлетворенность	0,529	0,043		12,248	0,000
2	(Константа)	0,168	0,134		1,254	0,210
	удовлетворенность	0,493	0,042	0,446	11,860	0,000
	характер труда	0,151	0,022	0,261	6,960	0,000
3	(Константа)	-0,482	0,179		-2,698	0,007
	удовлетворенность	0,515	0,041	0,465	12,635	0,000
	характер труда	0,136	0,021	0,236	6,392	0,000
	жилищные условия	0,248	0,047	0,195	5,302	0,000
4	(Константа)	-0,545	0,181		-3,019	0,003
	удовлетворенность	0,491	0,042	0,443	11,648	0,000
	характер труда	0,132	0,021	0,228	6,167	0,000
	жилищные условия	0,244	0,047	0,192	5,226	0,000
	материальное положение	0,077	0,036	0,080	2,118	0,035

Ключевой вывод, который можно сделать: решающую роль в процессе адаптации оказывает субъективный настрой человека – его принятие имеющихся условий жизни. Отсутствие собственного жилья, необходимость проживать в съемном жилье, невысокий уровень доходов, не очень «престижная» работа – все эти факторы в процессе адаптации «сглаживаются», если человек принимает эти условия на данном этапе своей жизни, как вполне естественные, и не испытывает при этом дискомфорта (неудовлетворенности). Другими словами, удовлетворенность (или довольствование даже тем, что есть) значительно повышает адаптационный потенциал человека и облегчает процесс его адаптации в любых условиях.

3.3. Стратегии адаптивного поведения сельских мигрантов

Важной задачей исследования было выявление основных адаптационных стратегий, которым в процессе адаптации следуют бывшие сельские жители. С помощью кластерного анализа было выделено три однородные группы опрошенных на основе нескольких признаков, по которым (в нашем представлении) можно судить о характере и направленности стратегии адаптивного поведения. Полученные таким образом данные показали, что выделенные группы разительно отличаются друг от друга по своим основным характеристикам. Это позволяет сделать вывод о том, что у русских и хакасов стратегии адаптивного поведения различаются.

По мнению исследователей, стратегия – это ценностная установка, которая помогает предсказать набор тактических методов решения проблем доступа к ресурсам[224]. Естественно, *внутренняя* ***мотивация***, связанная с добровольным принятием решения о переезде в стремлении к лучшей жизни, к улучшению условий жизнедеятельности, другими словами, обусловленная более высокими притязаниями человека, будет более продуктивной. Анализ полученных результатов показал, что среди русских переселенцев из села такие мотивы являются доминирующими в третьей группе (см. рис. 42).

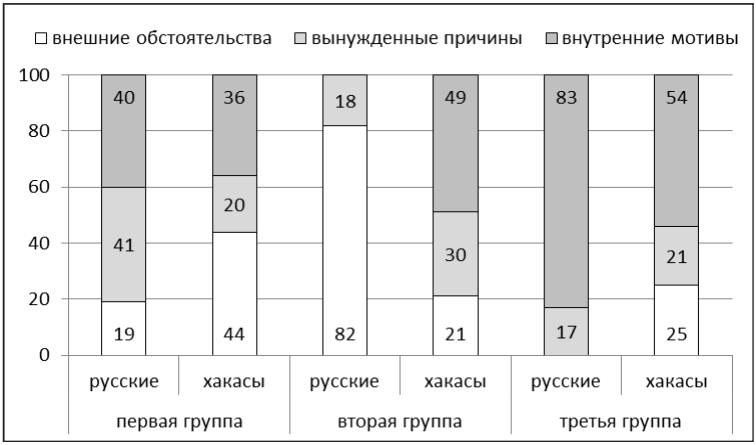
Во второй группе, напротив, превалируют мигранты (82 %), переехавшие в город по независящим от себя (или *объективным*) причинам (переехали в детском возрасте, либо из-за перевода на другую работу, либо по просьбе детей для оказания помощи в воспитании внуков). С одной стороны, у этой категории мигрантов некоторые трудности адаптации будут сглажены, т. к. наличествуют определенные заданные условия, но, с другой стороны, такая стратегия будет больше связана с пассивными формами адаптивного поведения в силу своего предустановленного характера.

---

[224]Казенин К. И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала. ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». М., 2016. С. 12.

Рисунок 42

Мотивы переезда в разных группахсельских мигрантов, в % от опрошенных

Конечно, из-за сложной экономической ситуации, которая сложилась сегодня в селе основная часть сельских мигрантов переезжает в город из-за безработицы, отсутствия перспектив, низкого уровня жизни и т.д. Очевидно, что в случае *вынужденного* переезда адаптация для сельских жителей будет особенно трудной, ведь изначально ограничивает мигранта в выборе имеющих средств и методов решения проблем. Оказалось, что больше всего таких переселенцев в первой группе (41 %).

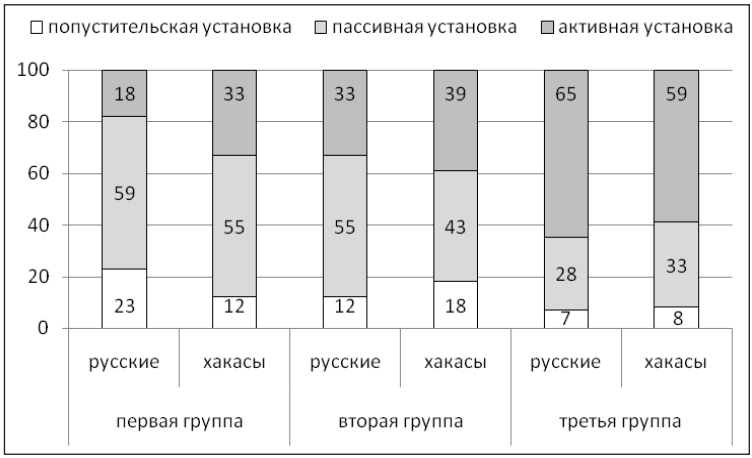
Среди *хакасов* различия между разными группами не такие отчетливые: в отличие от русских среди них практически во всех группах превалируют опрошенные с выраженной внутренней мотивацией, т. е. добровольно решившиеся на переезд. В первой группе немного «перевешивают» сельчане, мигрировавшие в город по не зависящим от себя (объективным) причинам, а «вынужденных» переселенцев по сравнению с другими группами немного больше во второй группе (30 %).

Исследователи считают, что в основе любой стратегии лежат ***ценностные установки***, связанные с осознанием личностью своей внутренней позиции и наличием готовности к

деятельности в соответствии с определенными ценностями[225]. Логично было предположить, что у мигрантов, переехавших в город в стремлении к лучшей жизни («внутренняя мотивация»), более выраженной будет установка на активные формы адаптивного поведения, а у переселившихся по объективным причинам соответственно – пассивные формы. Частично это предположение подтвердилось, особенно среди русских (см. рис. 43).

Рисунок 43

Установки на адаптацию в разных группах сельских мигрантов, в % от опрошенных

Среди внутренне мотивированных русских (третья группа) действительно две трети опрошенных (65 %) настроены именно на активные формы адаптационного поведения («я приложу все силы, чтобы жизнь стала лучше»). В группе мигрантов, переехавших по объективным причинам (вторая группа), более половины (55 %) респондентов, не склонных к активным формам поведения («я вряд ли смогу изменить жизнь к лучшему»). Однако в первой группе (где примерно одинаковое число добровольных и вынужденных приезжих) тоже оказалось больше (59 %) пассивно настроенных приезжих.

[225]Сластенин В. А., Чижакова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию: Учеб.пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 128.

Среди сельских мигрантов хакасской национальности с более выраженной внутренней мотивацией (третья группа) тоже превалируют установки на высокую адаптационную активность («приложу все силы, чтобы жизнь стала лучше»). В группе переселенцев, мигрировавших по не зависящим от себя обстоятельствам (первая группа), больше половины (55 %) опрошенных, не выразивших готовность к активной деятельности в процессе адаптации («я вряд ли смогу изменить жизнь к лучшему»). Во второй группе (где достаточно много добровольных мигрантов, но по сравнению с другими группами больше вынужденных переселенцев) оказалось очень много пассивно настроенных приезжих (43 %), а также по сравнению с другими группами оказалось больше всех опрошенных с попустительскими настроениями по отношению к своей жизни («будь, что будет»).

По мнению исследователей, одним из критериев адаптационных стратегий является способ нахождения места работы[226]. Для нас более показательным в плане выбора стратегии поведения представляется не столько сам факт трудоустройства (хотя это тоже немаловажно), а сколько «престижность» работы, которая во многом обусловлена ***характером труда*** по месту работы сельского мигранта (умственный, физический, общение с людьми) (см. рис. 44).

Выяснилось, что среди русских во всех трех группах превалируют работники физического труда, хотя немного больше (60 %) их во второй группе (с преобладанием вынужденных переселенцев). В третьей группе (мигрировавших по собственной инициативе) по сравнению с другими чуть больше (31 %) приезжих, чья работа связана преимущественно с умственным трудом. Среди представителей хакасской национальности различия более отчетливые: в третьей группе (с преобладанием внутренних мотивационных компонентов миграции) большинство опрошенных умственного труда (78 %). А в группе

[226]Казенин К. И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала. ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». М., 2016. С. 13.

преимущественно вынужденных мигрантов, наоборот, абсолютное большинство (89 %) работающих в сферах применения физического труда. В первой группе (где достаточно много переехавших из-за внешних обстоятельств) более половины (52 %) работников физического труда, хотя работающих в сферах коммуникативного и умственного труда примерно одинаково, возможно потому, что часть этой группы мигрировала в город в связи с переводом на другую работу.

Рисунок 44

Сферы труда в разных группах сельских мигрантов, в % от опрошенных

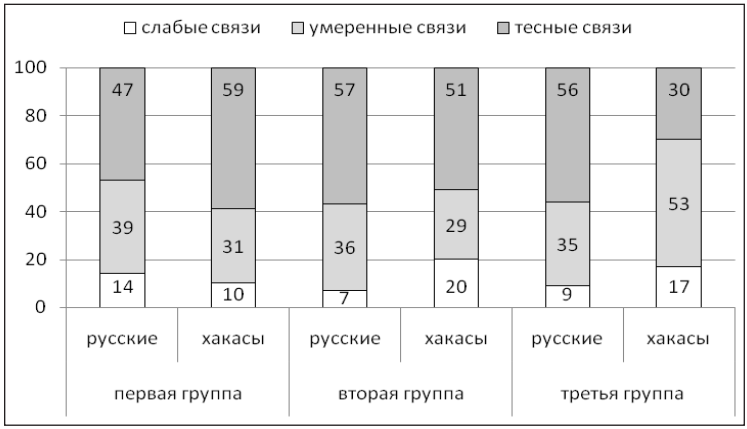
Успешность адаптации мигрантов в условия городской среды во многом зависит от ***интенсивности взаимодействия*** с различными акторами городской среды. По мнению А. Ю. Буяновой, вообще более успешной оказывается ориентация на построение новых социальных связей в городской среде[227], ведь она увеличивает круг знакомств и открывает возможности для доступа к разным ресурсам городского сообщества. В нашем представлении, о характере взаимоотношений с городским сообществом в первую очередь можно судить

[227]Буянова А. Ю. Улан-Удэ: адаптация сельской молодежи к городскому и образовательному пространству // Вестник Евразии. 2006. № 3. С. 31–32.

именно по тому, как выстраиваются отношения с соседями. Ведь одним из первых акторов городской среды, с кем сталкиваются бывшие сельские жители при переезде в город, – это соседи. Можно предположить, что мигранты, настроенные на активное и полное включение в условия города, будут стараться наладить наиболее тесные социальные связи. Полученные результаты показали, что среди русских приезжих во всех группах превалируют опрошенные, сумевшие наладить достаточно тесные связи со своими соседями, хотя в целом соотношение мигрантов разными по силе связями во всех группах примерно одинаковое (см. рис. 45). Другими словами, среди приезжих русской национальности характер и направленность адаптационных стратегий не связаны напрямую с интенсивностью взаимодействия с городским сообществом.

Рисунок 45

Взаимодействие с городским сообществом в разных группах сельских мигрантов, в % от опрошенных

Однако среди приезжих хакасской национальности различия между группами присутствуют, причем более отчетливые. Примечательно, что в первой и во второй группах (где преобладают вынужденные переселенцы и те, кто переехал из-за внешних обстоятельств) больше респондентов, имеющих тесные связи: 51 % и 59 % соответственно. Однако в третьей

группе (с большинством опрошенных, переехавших по собственной инициативе и в стремлении к лучшей жизни) превалируют приезжие с умеренным типом социальных связей (53 %). Можно предположить, что попавшие в эту группу хакасы в процессе адаптации в большей степени ориентируются не на новые социальные связи, а преимущественно на родственные связи. Исследователи называют такую стратегию диаспоральной[228]: на первоначальном этапе адаптационного периода, скорее всего, такая стратегия будет способствовать решению некоторых проблем (в поисках жилья, при трудоустройстве), однако в дальнейшем, вероятнее, будет сдерживающим фактором при налаживании взаимодействия с другими акторами городской среды.

В целом и среди русских, и среди хакасов, переехавших в город по вынужденным или по объективным причинам, более высокий уровень равнодушия к разным акторам городской среды (от 10 % до 20 % опрошенных), что является показателем некоей дистанцированности от городского сообщества. Ориентация на замкнутый круг социальных связей, сохранение тесных связей с сельским сообществом значительно препятствует вхождению в городское сообщество. О желании и готовности включаться в новые условия также можно судить по тому, насколько бывшие сельские жители усваивают ***городской образ жизни***, в т. ч. следуют распространенным в городской среде видам досуга (см. рис. 46).

Оказалось, что в основной своей массе приезжие из села не склонны к «городским» видам досуга: к посещению театров, музеев, к походам по развлекательным центрам, кафе, к шопингу). Практически во всех группах (как среди русских, так и среди хакасов) совсем незначительная часть опрошенных, предпочитающих такое времяпрепровождение. Небольшое исключение представляет третья выделенная нами группа среди хакасов (с наиболее выраженной внутренней мотивацией), среди которых почти треть (36 %) опрошенных отдает

[228]Дятлов В. И. Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока позднеимперской России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2-1. С. 264.

предпочтение городскому досугу. Хотя больше всего среди этой категории переселенцев (43 %), предпочитающих одинаково и городские, и сельские виды досуга. Среди внутренне мотивированных русских (третья группа) тоже около половины (48 %) опрошенных со смешанными видами досуговой деятельности.

Рисунок 46

Виды досуга в разных группах сельских мигрантов, в % от опрошенных

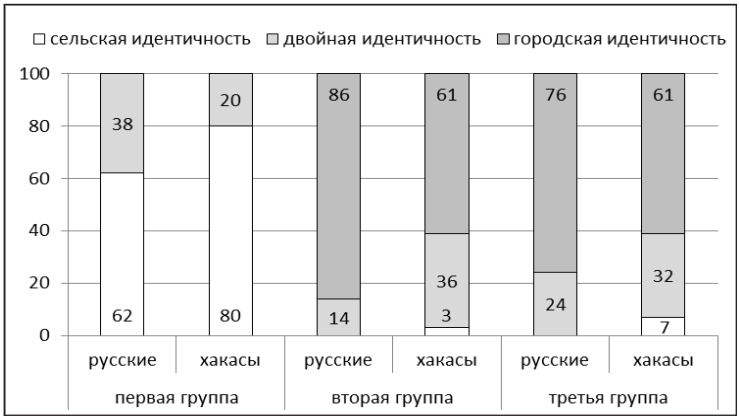
Однако среди остальных групп (и русских, и хакасов) большинство приезжих, предпочитающих преимущественно сельские виды досуга: прогулки по городу, в лесной зоне (в парках) или ничегонеделание (от 53 % до 83 % опрошенных). Возможно это связано с тем, что городские виды досуга (кафе, кино, магазины) связаны с определенными тратами, поэтому приезжие из села отдают предпочтение видам деятельности, не предполагающих существенных расходов. Или в силу особенностей сельского образа жизни, связанного с тяжелым физическим трудом (на огороде, уход за скотом), переселенцы из села по привычке проводят свое свободное время дома и не связывают свой досуг с «внедомашними» видами отдыха.

Очень часто бывшие сельские жители, перебираясь

в город, все же сохраняют тесные связи с селом (достаточно часто ездят в село). Распространенной практикой среди таких приезжих является проведение выходных в деревне. Такая стратегия поведения свидетельствует о достаточно выраженном разделении села и города: город преимущественно связывается с работой, а село – с отдыхом. Другим словами, даже проживая и работая в городе, человек может в душе оставаться сельским жителем. Особенно сильно выражена сельская ***идентичность*** (ощущение себя сельчанином) среди мигрантов, переехавших в город в силу объективных обстоятельств: две трети таких русских и 80 % таких хакасов ответили, что в душе они всегда останутся сельскими жителями, либо вообще никогда не станут горожанами (см. рис. 47).

Рисунок 47

Идентичность в разных группах сельских мигрантов, в % от опрошенных

Можно предположить, что стратегия активного встраивания в условия города будет более связана с формированием городской идентичности. Согласно полученным данным, уверенное позиционирование себя в качестве горожанина оказалась наиболее выраженно среди групп внутренне мотивированных и вынужденных мигрантов, особенно среди русских. Среди хакасов по сравнению с русскими достаточно много (около

трети опрошенных) приезжих с неопределенной (двойной) идентичностью – «и горожанин, и сельский житель».

Таким образом, проанализировав основные признаки выделенных групп сельских мигрантов, можно сделать вывод о том, что разным группам среди приезжих разных национальностей свойственны разные стратегии адаптивного поведения.

Среди ***русских*** в **первой группе** (см. табл. 22) одинаково выражены *внутренние* мотивационные компоненты (связанные со стремлением к лучшей жизни) и *вынужденные* причины миграции (из-за безработицы, низкого уровня жизни в селе, отсутствия перспектив). Однако наличие выборов ответов еще не является свидетельством более активной стратегии поведения, если не подкрепляется соответствующими действиями. А большая часть таких переселенцев не выразила готовности прилагать усилия в процессе адаптации: среди этой группы опрошенных превалируют пессимистичный настрой («я вряд ли смогу изменить жизнь к лучшему») и даже попустительское отношение к жизни («будь что будет»). Несмотря на активное взаимодействие с акторами городской среды, все же эта группа в большей степени склонна сохранять привычный для себя образ жизни, не связанный с включением в социальную и культурную жизнь города. В результате в этой группе сохранной остается исходная идентичность («в душе я всегда останусь сельским жителем»). С одной стороны, такие люди хотя и желают жить лучше, но, возможно, столкнувшись с проблемами, «пасуют» и уже не стремятся что-то изменить, поэтому, характеризуя стратегию этой группы приезжих, можно назвать ее стратегией ***«страуса, прячущего голову в песок».***

Во **второй группе** – преимущественно приезжие, сменившие место жительства по не зависящим от себя причинам или объективным обстоятельствам, связанным с переводом на другую работу или переездом к детям и т. д. Естественно, процесс адаптации среди таких переселенцев облегчается за счет того, что переезд не заставляет решать разные проблемы: жилищные, связанные с трудоустройством и т. д., другими словами, такие мигранты приезжают «на все готовое». Может быть, поэтому у этой группы нет ярко выраженных стремлений

к активным способам адаптации («я уже приспособился и не хочу ничего менять»). Вместе с тем они выражают достаточное толерантное отношение к принимающей среде, готовы взаимодействовать с разными акторами городской среды, легко принимают на себя новую роль в качестве городского жителя. В целом, давая характеристику этой группе, стратегию ее адаптивного поведения можно обозначить как стратегию ***«пластилина»***. Вероятно, это одна из самых гибких адаптационных стратегий, позволяющая приспособиться к разным условиям окружающей среды.

Таблица 22

Характеристики адаптационных стратегий русских приезжих

Факторы	*Первая группа*	*Вторая группа*	*Третья группа*
Мотивация	внутренние мотивы и вынужденные причины в равной степени	объективные причины	ярко выраженные внутренние мотивы
Целевая установка	пессимистичные и попустительские установки	пессимистичные установки преобладают над установками на активные формы поведения	ярко выраженные установки на активное поведение
Трудоустройство	преобладание работников физического труда	преобладание работников физического труда	преобладание работников физического труда, по сравнению с другими больше работников умственного труда
Взаимодействие с акторами	готовность к взаимодействию	готовность к взаимодействию	готовность к взаимодействию
Городской образ жизни	сельские виды досуга, не предполагающие расходов	сельские виды досуга, не предполагающие расходов	усвоение городских видов досуга с сохранением сельских элементов
Идентичность	более выражена сельская идентичность	ярко выраженная городская идентичность	ярко выраженная городская идентичность
Тип стратегии	**«страус, прячущий голову в песок»** или *пассивно-пессимистичная*	«**пластилин**» или *активно-пессимистичная*	**«кузнец своего счастья»** или *активно-оптимистичная*

Третья группа разительно отличается от двух предыдущих. У приезжих в этой группе ярко выраженная мотивация, связанная со стремлением изменить свою жизнь к лучшему, которая при этом подкрепляется действиями («я приложу все

силы, чтобы жизнь стала лучше»). Выраженная готовность адаптироваться подтверждается результатом: среди этой группы больше всего приезжих, чья работа связана с умственным трудом. Можно сказать, что опрошенные этой группы в большей степени нацелены на успешную адаптацию: выражают готовность принимать условия новой среды, максимально усваивают городской образ жизни, стараются интегрироваться в городское сообщество. Характеризуя стратегию этой группы, можно назвать ее стратегией «***кузнеца своего счастья***».

Среди ***хакасов*** в **первой группе** (см. табл. 23) преобладают приезжие, переехавшие в силу внешних обстоятельств, вероятно поэтому среди них более выражены пессимистичные установки на адаптацию, не связанные с готовностью к активным формам адаптивного поведения («вряд ли смогу изменить жизнь к лучшему»). Несмотря на выражение готовности к взаимодействию с акторами городской среды, эта группа преимущественно транслирует ценности сельского образа жизни и соответственно сохраняет исходную сельскую идентичность («я никогда не стану горожанином»). Стратегию этой группы можно сравнить с «***парусом, ожидающим ветра».***

Вторая группа отличается противоречивыми характеристиками: с одной стороны, среди приезжих этой группы превалируют мигранты с ярко выраженной внутренней мотивацией, связанной с личным желанием изменить свою жизнь, но, с другой стороны, достаточно много и вынужденных переселенцев. Логично было бы предположить, что установки на активные формы адаптивного поведения в этой группе будут преобладать, однако это оказалось не так. В большинстве своем эта группа не связывает изменения к лучшему с собственными усилиями, хотя среди этих приезжих достаточно число мигрантов, выражающих готовность прилагать усилия. Хотя назвать успешной приспособление этой группы достаточно сложно: абсолютное большинство из них – работники физического труда. Однако приезжие выражают готовность тесно взаимодействовать с городским сообществом, позиционируют себя в качестве городских жителей, хотя и не могут (вероятно, в силу экономических причин) всецело следовать городскому

образу жизни. Стратегия адаптивного поведения этой группы достаточно пластична: она связана с готовностью максимально (по мере своих возможностей) принимать условия новой среды, хотя и не отличается особой активностью. Эту стратегию можно назвать стратегией ***«хамелеона».***

Таблица 23

Характеристики адаптационных стратегий приезжих хакасов

Факторы	*Первая группа*	*Вторая группа*	*Третья группа*
Мотивация	преобладание объективных причин, присутствуют внутренние мотивы	выраженные внутренние и вынужденные мотивы	выраженные внутренние мотивы
Целевая установка	преобладание пессимистичных установок	преобладание пессимистичных установок и установки на активные формы поведения	выраженные установки на активное поведение
Трудоустройство	преобладание работников физического труда	преобладание работников физического труда	преобладание работников умственного труда
Взаимодействие с акторами	готовность к взаимодействию	готовность к взаимодействию	умеренное взаимодействие
Городской образ жизни	сельские виды досуга, не предполагающие расходов	сельские виды досуга, не предполагающие расходов	усвоение городских видов досуга с сохранением сельских элементов
Идентичность	ярко выраженная сельская идентичность	выраженная городская идентичность	выраженная городская идентичность
Тип стратегии	**«парус, ожидающий ветра»** или *пассивно-пессимистичная*	«**хамелеон**» или *активно-пессимистичная*	**«высекающий себя из камня»** или *активно-оптимистичная*

Третья группа среди приезжих хакасской национальности по своим характеристикам очень схожа с третьей группой русских приезжих. Переселенцев этой группы отличает добровольный характер переезда, обусловленный внутренним стремлением к лучшей жизни, поэтому они в большей степени склонны к активным формам адаптивного поведения. Процесс адаптации протекает достаточно успешно: в этой группе абсолютное большинство приезжих, чья работа связана с умственным трудом. Они стараются максимально усвоить городской образ жизни, принять новую идентичность. Но в отличие от русских опрошенные этой группы не склонны к тесному взаимодействию с акторами городской среды. Возможно

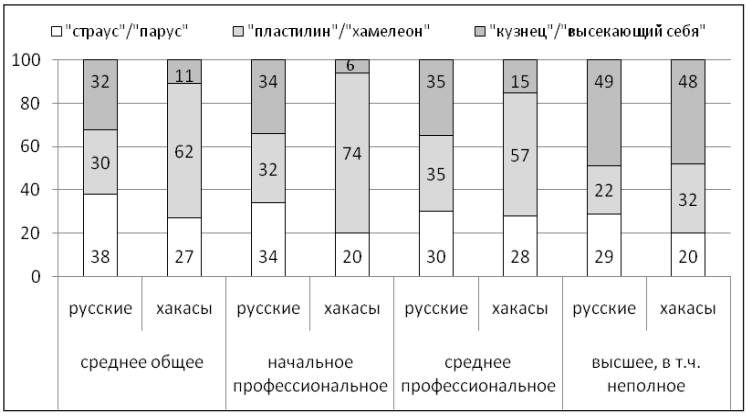
это связано с тем, что, имея определенную цель – закрепиться в городе, представители этой группы направляют свои силы преимущественно на достижение экономической независимости, отодвигая на второй план включение в социокультурную жизнь городского сообщества. Поэтому стратегию этой группы можно обозначить как ***«высекающий себя из камня».***

Вместе с тем важно было не только выявить основные адаптационные стратегии сельских мигрантов, но и понять, связан ли тип стратегии с разными факторами: *социально-демографическими характеристиками* приезжих (возрастом, уровнем образования, семейным положением); *экономическими* (жилищными условиями, уровнем материального достатка, род экономической деятельности) и *субъективными* (удовлетворенностью жизнью, характером ожиданий будущего, уровнем этнического самосознания).

Анализ корреляций показал, что стратегия адаптивного поведения не связана ни возрастом, ни с семейным положением сельских мигрантов, но положительно коррелирует с уровнем образования приезжих, однако у русских эта связь выражена слабее (коэффициент связи по Пирсону r=0,116*, у хакасов r=0,230**) (см. рис. 48).

Рисунок 48

Стратегии адаптации среди мигрантов с разным уровнем образования, в % от опрошенных

По рисунку 48 видно, что среди русских с разным уровнем образования примерно одинаковое соотношение приезжих с разными типами адаптационных стратегий. Однако среди мигрантов, имеющих среднее образование (только на уровне школы), немного больше опрошенных с пассивным адаптивным поведением («стратегия страуса, прячущего голову в песок»), а среди имеющих высшее (в т. ч. неполное высшее) образование – почти половина респондентов активной стратегии – «кузнецов своего счастья».

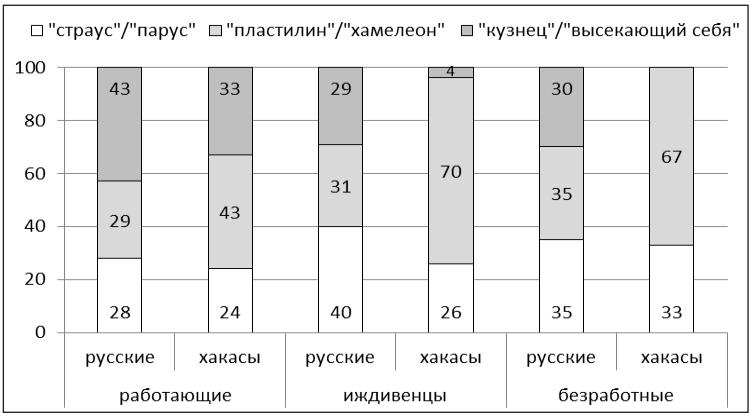
Среди хакасов вообще половина всех опрошенных – это приезжие, стратегию которых мы обозначили как «хамелеон», поэтому они составляют большинство. Однако, если не принимать это во внимание, то видно, что переселенцев с пассивной стратегией («паруса, ожидающего ветра») больше среди опрошенных с невысоким уровнем образования. А среди мигрантов с высшим образованием преобладают респонденты с самой активной стратегией – «высекающего себя из камня». Поэтому можно сделать вывод о том, что чем выше уровень образования приезжего населения, тем более активной является их стратегия адаптации.

Аналогичный вывод можно сформулировать и по отношению к работающим и безработным мигрантам: согласно данным, стратегия адаптивного поведения также связана с основным родом деятельности. Причем среди хакасов эта корреляция тоже является более сильной (коэффициент связи по Пирсону r=0,212*, у русских r=0,115*) (см. рис. 49).

Если не считать преобладание «хамелеонов» среди хакасов, то заметно, что среди безработных приезжих и иждивенцев больше мигрантов с пассивным типом стратегии («паруса»), а среди работающего населения, наоборот, достаточно много «высекающих себя». Примечательно, среди безработных хакасов вообще не оказалось приезжих с активным адаптивным поведением. Среди приезжих русской национальности различия тоже ощутимы: неработающие приезжие (безработных и иждивенцев) в большей степени следуют пассивным стратегиям в процессе адаптации («страуса и «пластилина»»), а работающие мигранты больше склонны к активной стратегии «кузнеца».

Рисунок 49

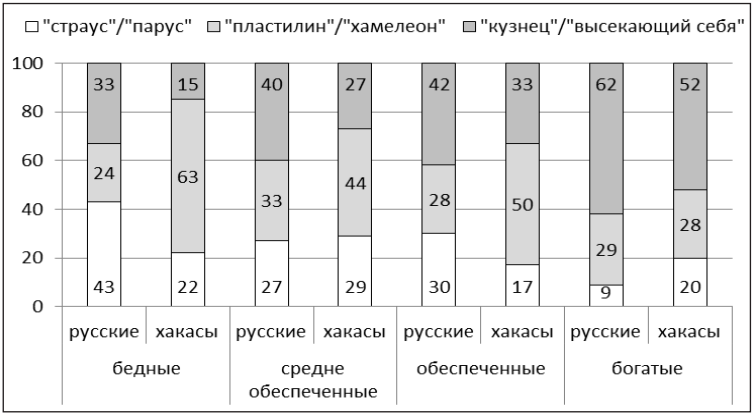
Стратегии адаптации среди мигрантов разного рода деятельности, в % от опрошенных

На различные стратегии ориентируются мигранты и с разным уровнем материального положения (коэффициент связи по Пирсону среди хакасов r=0,142*, среди русских r=0,155*) (см. рис. 50).

Рисунок 50

Стратегии адаптации среди мигрантов с разным уровнем материального положения, в % от опрошенных

Особенно заметны различия среди русских: опрошенные, которых мы отнесли к категории бедных (кому денег не всегда хватает даже на питание), в большей степени демонстрируют пассивное поведение («страус, прячущий голову в песок»). По рисунку 50 видно, что чем выше уровень материального положения, тем больше приезжих с активным типом стратегии («кузнеца»): среди среднеобеспеченных (40 %), среди обеспеченных (42 %), среди богатых (62 %). Среди хакасов аналогичная ситуация: по мере повышения материального достатка, увеличивается и число мигрантов с активным адаптивным поведением («высекающего себя»): среди среднеобеспеченных (44 %), среди обеспеченных (50 %), среди богатых (52 %). С одной стороны, можно считать, что ориентация на активные адаптационные стратегии способствует более успешной адаптации (в т. ч. и повышению материальной состоятельности), с другой стороны, возможно, наличие экономической капитала предоставляет более широкий спектр возможных средств, чем мотивирует мигрантов к более активному поведению в процессе адаптации.

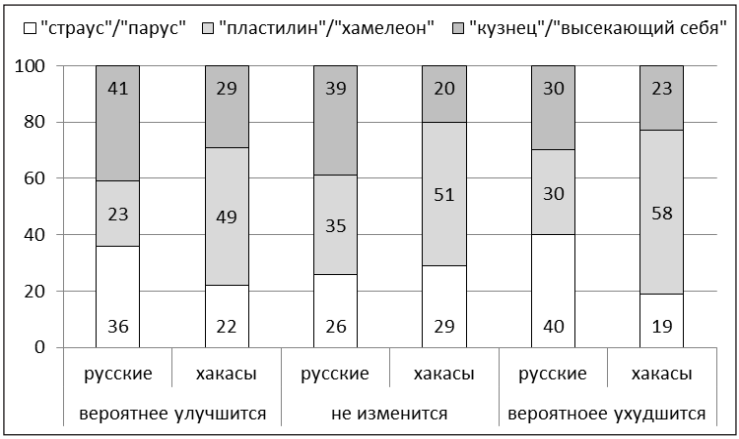
Одним из мотивирующих факторов при выборе адаптационной стратегии является оптимистичный настрой человека: надежда на лучшее инициирует к более активной деятельности и самостоятельности при принятии решений в процессе адаптации, а пессимистичные ожидания, наоборот, порождают безысходность и безынициативность. Результаты показали, что позитивные ожидания в отношении ближайшего будущего положительно сказываются на выборе адаптационной стратегии, особенно отчетливо это проявляется среди русских приезжих (см. рис. 51).

Среди опрошенных, связывающих будущее с положительными изменениями, больше «кузнецов своего счастья», а среди тех, кто не верит в улучшение своей жизни, наоборот, больше «страусов, прячущих голову в песок». Примечательно, что среди «реалистов» (полагающих, что ничего не изменится) больше всех приезжих с гибкой стратегией «пластилина». В этом случае отсутствие позитивных ожиданий, скорее, является подтверждением адекватной оценки своих возможностей,

которая позволяет корректировать свое поведение в соответствии с имеющимися условиями адаптивной среды. Однако среди «реалистов» хакасской национальности по сравнению с «оптимистами» и «пессимистами», наоборот, оказалось больше всех приезжих со стратегией «паруса, ожидающего ветра». В этом случае объективная оценка своих возможностей (особенно низких возможностей), вероятнее всего, привела к разочарованию и стала причиной «пресечения» стремлений к активным способам адаптации.

Рисунок 51

Стратегии адаптации среди мигрантов с различными ожиданиями,в % от опрошенных

Регрессионный анализ показал, что позитивные ожидания будущего, хотя и связаны с более активными стратегиями, но не оказывают на них определяющего влияния: среди приезжих хакасской национальности влияние этого фактора очень слабое (R=0,097~), а среди русских вообще отсутствует. Среди приезжих русской национальности большее влияние на тип адаптационной стратегии оказывает уровень материального положения (R=0,175**): возможно, уверенность в своей экономической состоятельности повышает адаптационный потенциал мигрантов и инициирует к более активному адаптивному поведению. Вместе с тем уровень образования оди-

наково влияет на ориентацию в выборе стратегии как среди русских (R=0,122*), так и среди хакасов (R=0,247**). Поэтому можно сделать важный вывод о том, что более высокий образовательный уровень мигрантов определяет более активные способы адаптации.

В целом, сравнивая адаптационные стратегии русских и хакасов, можно отметить некоторые сходства и различия. Стратегии «страуса, прячущего голову в песок» (русские) и «паруса, ожидающего ветра» (хакасы) отличает *пассивный* характер адаптивного поведения, склонность к сохранению сельской идентичности, к переносу элементов сельского образа жизни на платформу городской жизни. Однако если среди хакасов (со стратегией «паруса») переезд в город был вызван объективными причинами, поэтому следование такой стратегии в некотором смысле является для них оправданием, то среди русских (со стратегий «страуса») переезд был инициирован ими самими, но, столкновение с трудностями, видимо, «пресекло» их стремление к лучшей жизни и вызвало безразличие по отношению к своей жизни, поэтому для них ориентацию на такую стратегию трудно назвать оправдательной.

Стратегии «пластилина» и «хамелеона» в целом можно назвать гибкими: они ориентированы на активное взаимодействие с городским сообществом, связаны с формированием новой идентичности, максимальным усвоением городского образа жизни (в меру имеющихся ресурсов). Однако стратегию «пластилина», которая характерная для приезжих русской национальности, отличает некоторая пассивность (приезжие переехали в город по объективным причинам), которая в то же время подразумевает высокую пластичность. Стратегии «хамелеона» в большей степени свойственно проявление активных форм адаптации, связанных с максимальным «подстраиванием» под имеющиеся условия.

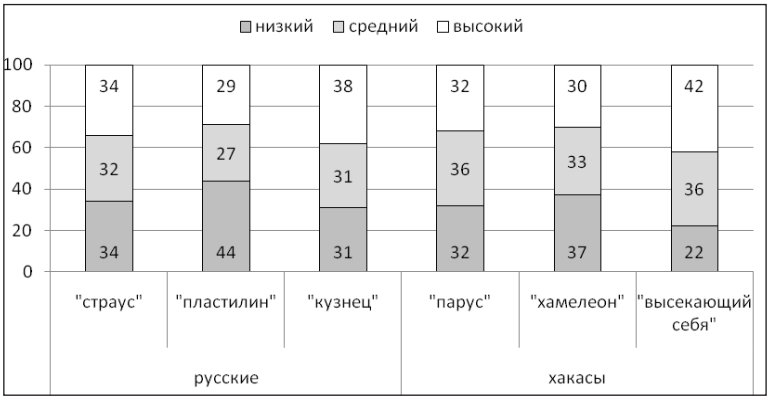
Стратегии «кузнеца своего счастья» и «высекающего себя из камня» в целом отличает целенаправленный и *активный* характер адаптивного поведения, готовность полностью включиться в новое сообщество. Однако различаются эти стратегии в основном методами достижения своих целей: «кузнецы»

стараются наладить новые социальные связи и использовать их в достижении своих целей, а «высекающие себя из камня» преимущественно ориентированы на достижение целей собственными усилиями.

Выявление основных адаптационных стратегий русских и хакасов дало возможность выяснить, связан ли уровень адаптированности сельских мигрантов с определенным типом стратегий (см. рис. 52).

Рисунок 52

Уровень адаптированности сельских мигрантов с различными стратегиями адаптации, в % от опрошенных

Результаты показали, что ориентация на пассивные типы адаптационных стратегий («страуса» и «паруса») не определяет успешность адаптации: среди таких приезжих примерно одинаковое число мигрантов с разными уровнями адаптированности. Однако следование активным стратегиям адаптивного поведения («кузнеца» и «высекающего себя») положительно сказывается на успешности включения в городскую среду: среди таких опрошенных больше всего мигрантов с высоким уровнем адаптированности. Казалось бы, гибкие модели адаптации («пластилина» и «хамелеона») должны способствовать более успешному приспособлению к новым условиям, однако выяснилось, что среди таких приезжих превалируют опрошенные с низким уровнем адаптированности. Возможно, гибкость

связана не столько с активностью адаптивного поведения мигрантов, сколько с пластичностью установок по отношению к изменившимся условиям: другими словами, такие люди, попав в иные условия, не прилагают особых усилий для улучшения своей жизни, а просто меняют к ним отношение и принимают, как «должное». Причем такие установки в большей степени характерны для русских приезжих, чем для мигрантов хакасской национальности. Можно предположить, что различные установки объясняются психологическими особенностями этих этнических групп.

Заключение

В монографии представлен анализ развития урбанизационных процессов в Хакасии в постсоветский период и дана оценка результатов социологического исследования адаптационных процессов среди сельских мигрантов хакасской и русской национальной принадлежности в городской среде.

Республика Хакасия относится к относительно высокоурбанизированнымпо сибирским меркам регионам со значительной централизацией городского населения и слабой урбанизацией коренного хакасского населения. В исследовании освещены вопросы динамики численности городского населения, его структуры и образа жизни. Поздняя и интенсивная сельско-городская миграция хакасов в короткий исторический период, незавершенность урбанизации, связанная с неразвитостью городской инфраструктуры и сохранением элементов сельского образа жизни части горожан – характерные черты урбанизации региона. Особенностями формирования городского населения у хакасов является ориентированность миграций в столицу республики или ближайшие поселки городского типа, ассимиляционные процессы в городской среде, связанные с небольшой численностью хакасов, а следовательно, и проблемность их интеграции в городское пространство. Урбанизационный переход у хакасов до сих пор не завершен.

Полученные в ходе социологического исследования эмпирические данные позволили выявить трудности, с которыми приходится сталкиваться вчерашним сельским жителям Хакасии в городских поселениях. Большинство респондентов вне зависимости от их этнической принадлежности отмечают, что наиболее существенными препятствиями их быстрого привыкания к новым условиям жизни стали проблемы трудоустройства, отсутствие собственного жилья и специфические экологические условия, в том числе загрязненный воздух, шум, интенсивное движение и т. д. Почти каждый пятый опрошенный отмечает, что процесс адаптации к городу прошел безболезненно и не сопровождался какими особыми трудностями.

Анализ факторов, оказывающих существенное влияние на

успешность адаптации сельских жителей к городским условиям, позволил составить «портрет идеального мигранта». Это выходец из крупного села, работа которого в городе связана с квалифицированным умственным трудом, он имеет стабильное материальное положение и собственную жилплощадь. Однако решающую роль в процессе адаптации играет субъективный настрой человека – это позитивный взгляд на мир, общая удовлетворенность жизнью, уверенность в завтрашнем дне.

Ключевым результатом исследования стал вывод о различиях стратегий адаптивного поведения у русских и хакасов. Исходя из таких факторов, как мотивация, целевая установка, трудоустройство, взаимодействие с акторами, городской образ жизни и идентичность, были выявлены и названы такие адаптационные стратегии русских приезжих, как «страус, прячущий голову в песок» (пассивно-пессимистическая), «пластилин» (активно-пессимистическая) и «кузнец своего счастья» (активно-оптимистическая).

Адаптационные стратегии приезжих хакасов, названные «парусом, ожидающим ветра» (пассивно-пессимистическая), «хамелеон» (активно-пессимистическая) и «высекающий себя из камня» (активно-оптимистическая), во многом схожи со стратегиями русских мигрантов, но имеют ряд существенных отличий: пассивный характер адаптивного поведения хакасов был обусловлен объективной необходимостью их переезда, у русских – результатом нежелания или неспособности бороться с трудностями, возникшими в результате смены места жительства;активно-пессимистическая стратегия у хакасов в большей степени, чем у русских, выражается в готовности «подстроиться» под новые городские условия жизни; активный характер адаптивного поведения у русских проявляется в установлении новых социальных связей и их использовании для достижения своих целей, в то время как хакасы склонны достигать свои цели преимущественно собственными усилиями.

Источники и литература

Агеев И. А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 358. С. 79–84.

Адаптация личности в современном мире: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. 110 с.

Аитов Н. А. Социальное развитие городов: сущность и перспективы. М.: Знание, 1979. 64 с.

Аитов Н. А. Социальное развитие регионов. М.: Мысль, 1985. 220 с.

Аитов Н. А., Говако Б. И., Игебаева Ф. А. Город. Население. Трудовые ресурсы. Уфа: Башкнигоиздат, 1982. 114 с.

Алексеев А. И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.

Алексеев В. В. Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. С. 7–25.

Амоголонова Д. Д., Елаева И. Э., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. 246 с.

Анайбан З. В. Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования) // Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. 14 с.

Андреенкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов. [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/%3D&lang=ru (Дата обращения: 25.03.2019).

Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 146 с.

Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926. 151 с.

Баканов С. А. Историческаяурбанистика в России заявляет о себе // MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 198–201.

Балабейкина О. А., Файбусович Э. Л. Уровень урбанизированности территории Российской Федерации: региональный разрез // Географический вестник. 2018. № 1 (44). С. 72–82.

Балдано М. Н. Советская модель урбанизации // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 53–56.

Балдано М. Н. Урбанизационные процессы в Бурятии в 1930-е гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 93–100.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

Березин С. В., Козлов Д. Д., Лисецкий К. С. Адаптация студентов Северного Кавказа в вузах г. Самары (опыт практической работы) Самара: «Универс-групп», 2004. 126 с.

Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.

Бессонова Ю. В. О структуре психологического благополучия // психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве: сборник статей. Екатеринбург: уральский государственный педагогический университет, 2013. С. 30–35.

Благосостояние городского населения Сибири: проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 350 с.

Блинова Е.Е. Психологические аспекты адаптации сельских жителей к условиям городской среды // Актуальные проблемы психологии личности и социального взаимодействия: сборник научных статей. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно), 2018. С.24-31.

Большой психологический словарь. М.: Прайм-Еврознак, 2008. 857 с.

Боргояков С. А. Профессиональное образование Хакасии: проблемы становления и развития // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. № 3. С. 38–43.

Бреславский А. С. Городская история как предмет дискурс-анализа: ресурсы и программа исследования // Уральский исторический вестник. 2011. № 1(30). С. 102–105.

Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 193 с.

Бреславский А. С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Уде // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1 (72). С. 22–25.

Бузыкина Ю. С. Переживание личностью трудной жизненной ситуации и проблема адаптации к ней // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире [Электронный ресурс]: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. Электрон.текстовые дан. (8042 Кб). Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 44–47.

Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (II пол. 1940 – 1950-е гг.). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 240 с.

Булыгина Т. А. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое. The newpast. 2017. № 3. С. 82–95.

Буянова А. Ю. Улан-Удэ: адаптация сельской молодежи к городскому и образовательному пространству // Вестник Евразии. 2006. № 3. С. 24–40.

Быстрицкая А. Ю., Шатохин М. В. Сравнительная характеристика уровня жизни городского и сельского населения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 2. С. 20–21.

Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2 (41). С. 136–142.

Бюраева Ю. Г. Анализ демографической ситуации в регионах Сибирского федерального округа // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 3 (31). С. 113–117.

Вебер М. Город. М.: StrelkaPress, 2017. 252 с.

Вебер М. Избранные произведения. Сост., общ.ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. М.: Наука, 1996. 480 с.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН, 2005. С. 93–118.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

Власова А. А., Дворникова Е. В., Кошелева А. В. Современные теории социального благополучия / Учебно-методическое пособие. Ярославль, 2017. 37 с.

Георгиевский А. Б. Эволюция адаптаций (историко-методологическое исследование). Л.: Наука,1989. 189 с.

Голубчиков С. Н. Проблемы развития российских моногородов // Ростовский научный журнал. 2016. № 2. С. 44–55.

Гольц Г. А. Культура и экономика России за три века. XVIII–XX вв. Т.1. Новосибирск, 2002. С. 376–387.

Гонина Н. В. Урбанизация в Восточной Сибири во второй половине XX в. – «псевдоявление» или объективный процесс? // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2009. С. 356–359.

Горбачев О. В. Российская урбанизация в XX веке как междисциплинарная проблема // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 67–71.

Горин Н., Нещадин А. Тенденции трансформации системы городского расселения в России // Общество и экономика. 2010. № 12. С. 140–149.

Город в процессах исторических переходов: Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.: Наука, 2001. 392 с.

Город и деревня в европейской России: сто лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: ОГИ, 2001. 558 с.

Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. 351 с.

Гоффе Н. В., Монусова Г. А. Социальное благополучие: восприятие реалий // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 21–36.

Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 1–14.

Грошева Г. В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX – начало XXI века) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 61–68.

Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: ЯРК, 1998. С. 729–733.

Гунтыпова Э. С. Потенциальная миграция молодежи Республики Бурятия // Региональная Россия: история и современность: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19.12.2018). Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2018. С.85–92.

Диланян А. Стать горожанином: сельские мигранты в современном Ереване // Наблюдая за изменениями: стратегии адаптации на Южном Кавказе. Сборник статей. Тбилиси, 2011. С. 26–44.

Дискин И. С., Авраамова Е. М. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24–33.

Дмитриев А. В., Лола А. М., Межевич М. Н. Где живет советский человек: Социальные проблемы управления расселением. М.: Мысль, 1988. 218 с.

Дробижева Л. М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3(27). С. 73–83.

Дробижева Л. М. Этническая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. М.: «Весь мир», 2017. С. 417–422.

Дугаржапова Д. Б. Социально-экономические аспекты уровня и качества жизни населения республик СФО РФ // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и

территориального развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 25–37.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.

Дятлов В. И. Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока позднеимперской России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: история. 2012. № 2-1. С. 262–269.

Дятлов В. И. Столицы сибирских автономий: советский проект нациестроительства и этнизация городского пространства // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 238–246.

Енисейская Сибирь: Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва. Красноярск, 2018. 123 с.

Ефимкин М. М. Рабочие Сибири. Конец 1950 – середина 1980-х гг. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 219 с.

Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири 1959–1980 гг. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. 273 с.

Ефимова Е. А. Региональные аспекты урбанизации в России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 43. С. 2–12.

Жукова И. А. Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2007. 22 с.

Зеленская А. Е., Полян П. М. Географическая книга, написанная историками // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 3. С. 127–128.

Зубков В. В. Миграционный потенциал как объект социологического изучения // Вестник ТОГУ. 2014. № 2(33). С. 287–290.

Ильин А. Ю. Догоняющая урбанизация и городское хозяйство в истории России (размышления по поводу работ немецкого историка Т. М. Бона) // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 143–156.

Ильин А. Ю. Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации XVIII–XX вв. Тамбов: «Издательский дом «Мичуринск», 2018. 486 с.

Информационный бюллетень медико-демографических показателей по Республике Хакасия в 2013 году (статистические материалы). Абакан: ГКУЗ РХ «Медицинский информационно-аналитический центр», 2013. 55 с.

Ионина О. С. Особенности социально-психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни. [Электронный ресурс] // https://docviewer.yandex.ru/view/79664145/?* (дата обращения 05.12.2019 г.).

История рабочего класса Сибири: в 4 томах. Том 4. Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986. 356 с.

Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города / Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. 819 с.

Исупов В. А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2012. С. 464–468.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России»,2004. Т. 1:Численность и размещение населения. 574 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 4.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 2. 1256 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. 502 с.

Казенин К. И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала. ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». М., 2016. 48 с.

Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 204–209.

Карачурина Л. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования народонаселения. 2013. № 3. С. 23–36.

Кваша А. Л. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.

Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. 205 с.

Коган Л. Б. Проблемы урбанизации: город и культура. М.: Информкультура. 1981. 31 с.

Ко дню городов – города Республики Хакасия в 2019 году. Красноярск: Красноярскстат, 2020. 13 с.

Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 24–36.

Колокольчикова Р. С. Феномен индустриального города в истории Европейского Севера России (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.): автореф. дис. ... доктора исторических наук. Москва, 2015. 47 с.

Коломак Е. А. Урбанистическая система Сибири и Дальнего Востока: эволюция, особенности, детерминанты // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2015. Т. 3. № 1. С. 106–115.

Константинов В. В. Социально-психологическая адаптация мигрантов: теория и эмпирические исследования. М.: Перо, 2018. 236 с.

Константинов В. В. Социально-психологические аспекты адаптации трудовых мигрантов из постсоветских государств и трудовых мигрантов – граждан России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 953. С. 951–955.

Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3. С. 62–76.

Кочетов А. Н. Новые тенденции в совершенствовании социальной структуры советского общества (1980-е гг.) // История СССР. 1988. № 6. С. 3–16.

Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. 252 с.

Кротова М. Н. Специфика социально-психологической адаптации на начальном этапе профессионализации курсантов военного вуза: дис. …канд.псих.наук: 19.00.03. Ярославль, 2017. 274 с.

Крысько В. Г., Иванников С. Ю., Волков Г. Н. и др. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999. 343 с.

Кузнецов П. С. Концепция социальной адаптации/ П.С. Кузнецов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 268 с.

Куликов Л. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика СПб.: СпбГУ, 2000. С. 476–510.

Куцев Г. Ф. Новые города (социологический очерк на материалах Сибири). М.: Мысль, 1982. 269 с.

Лаппо Г. М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 236 с.

Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение// Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1983. № 5. С. 16–28.

Ларина Т. Н., Кибытаева А. Н. Статистический анализ факторов улучшения жилищных условий населения городской и сельской

местности Оренбургской области // Социальная статистика. 2018. № 3. С. 40–49.

Леденева В. Ю. Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов. М., 2014. 144 с.

Леденева В. Ю. Социальная адаптация и интеграция мигрантов в современном российском обществе: дис. …докт.соц.наук: 22.00.04. М., 2014. 342 с.

Лескова И. В. Адаптация трудовых мигрантов: личностный аспект // Социальная политика и социология. 2012. № 2. С. 126–134.

Летопись городов Сибири. Абакан – 85 лет: стат. сб. Абакан, 2017. 110 с.

Лешпакова З. Х. Взаимосвязь стратегий адаптации мигрантов с их благополучием: дис. … канд. псих. наук: 19.00.01. Государственнй университет – высшая школа экономики, М., 2011. 180 с.

Литвинова Г. И. Право и демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1981. 200 с.

Лопата П.П., Дмитриев А.В. Актуальные вопросы социального развития советского общества на современном этапе // История СССР. 1986. № 1. С. 3–21.

Лушникова О. Л. Досуг сельского населения в условиях современного общества // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 1. С. 21–29.

Лушникова О. Л. Социальная адаптация сельских мигрантов: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Дискуссия. 2018. № 6. С. 48–59.

Мазаник А. В. Культурный поворот и российская историческая урбанистика // Прошлый век. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 223−240.

Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2012. 471 с.

Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. 564 с.

Малая Советская Энциклопедия: в 10 т. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1931. 900 с.

Маслова И. В. Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях // Историческая этнология. 2017. Том 2. № 1. С. 95–107.

Меерович М. Г. К вопросу о методологии изучения начального периода урбанизации в СССР // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. – Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. С. 114–129.

Меерович М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник

Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 2. С. 9–16.

Мельникова Н. Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: Учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. 57 с.

Мельникова Н. Н. Стратегии поведения в процессе социально-психологической адаптации: Автореф. … дис. к.псих.наук: 19.00.05. Санкт-Петербург, 1999. 180 с.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.

Милославова И. А. Адаптация как социально-психологическое явление // Социальная психология и философия. Л., 1973. Вып. 2. С. 111–120.

Миронов Б. Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3(48). С. 259–276.

Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.

Москвин Д. Д. Население СССР: вопросы миграции (экономико-статистический обзор тенденций 1960 – 1980-х гг.). М.: Наука, 1991. 160 с.

Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М.: Ин-т практ. психологии, 1997. 97 с.

Мудрик А. В. Социальная педагогика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 200 с.

Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79.

Назарова Е. А. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России: социологический анализ. М.: Союз, 1999. 137 с.

Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.

Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988. 216 с.

Немов Р. С. Психология: Словарь-справочник: В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007. 303 с.

Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.

Нещадин А., Горин Н. Феномен города: социально-экономический анализ. М.: Изограф, 2001. 239 с.

Никулин А. М. Аграрное наследие Т.И. Заславской и совре-

менность // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 33–44.

Остапенко Л.В. Республика Хакасия: Демография, язык, политические предпочтения (по материалам этносоциологического исследования) // Информационно-аналитический бюллетень № 6. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 18 с.

Остапенко Л. В. Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии) // Информационно-аналитический бюллетень № 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Центр по изучению межнациональных отношений, 2003. 26 с.

Осянин А. Н. Анализ содержания процессов адаптации и социализации личности (теоретический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2006. № 1. С. 335–341.

Панарин С. А. Казахстан: города и урбанизация в межпереписной период (1989–1999) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 48–70.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 94–122.

Пачколина Е. Н. Состояние маргинальности и его динамики у студентов из сельской местности в условиях города: Автореф. … дис. к.псих.наук: 19.00.05. Самара, 2006. 28 с.

Перцик Е. Н. Геоурбанистика: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. 435 с.

Перцик Е. Н. Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М.: Мысль, 1980. 286 с.

Петровская О. В. Современные теории развития урбанизма // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 31–36.

Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. М.: Статистика, 1976. 65 с.

Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.

Полян П. М. Крупные городские агломерации Советского Союза // Изв. РГО. Т.114. 1982. Вып.4. С.305–314.

Полян П. М. Урбанизированность и методы ее оценки // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1980. № 5. С. 63–77.

Попов Р. Урбанизированность Регионов России во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 215–244.

«Пригородное революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сборник тезисов международной научной конференции (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2019. 208 с.

Психологические особенности мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/psihologiya/psihologicheskie_osobennosti_migrantov/ (дата обращения 03.12.2019 г.).

Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

Размещение населения в СССР: региональный аспект динамики и политики народонаселения. М.: Мысль, 1986. 220 с.

Рафикова С. А. «Шкала идентификаторов горожан» как метод качественных урбанистических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Том 13, выпуск 1: История. С. 115–122.

Реан А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб., 2006. 479 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Статистический сборник. М.: Росстат, 2021. 1112 с.

Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 100–105.

Республика Хакасия в цифрах. 2011: статистический сборник. Абакан, 2018. 89 с.

Республика Хакасия в цифрах. 2017: статистический сборник. Абакан, 2018. 111 с.

Республика Хакасия: Демография, язык, политические предпочтения (по материалам этносоциологического исследования). Информационно-аналитический бюллетень № 6. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 18 с.

Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. 275 с.

Российский статистический ежегодник. 1999. М.: Госкомстат России, 1999. 621 с.

Савченкова В. М. Концепции города и урбанизации в западной социологии: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. социологических наук. Москва, 2005. 27 с.

Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодежи (Дальневосточная ситуация) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 90–95.

Селунская В. М. Социальная структура советского общества: история и современность. М.: Политиздат, 1987. 288 с.

Сенявский А. С. Историческая урбанистика в исследовании российских модернизаций // Городская культура и город в культуре: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Самара: Самарская государственная академия культуры и искусства. 2012. С. 13–34.

Сенявский А. С. Российский город в 1960–1980-е гг. М.: РАН, 1995. 264 с.

Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.

Сенявский А. С. Экономические основы российского урбанизационного процесса: теоретический анализ (структурные и институциональные аспекты) // ВТЭ. 2019. № 1.С. 133–146.

Сенявский А. С., Братченко Т. М. Российский город в контексте модернизационного процесса (теоретические проблемы исторической урбанистики) // Городская культура и город в культуре: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Самара: Самарская государственная академия культуры и искусства. 2012. С. 300–308.

Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1980. 336 с.

Симаева И. Н. Психология адаптации субъекта к изменениям жизнедеятельности. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. 315 с.

Синицина О. В. Особенности развития малых городов России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 28 (121). С. 53–56.

Ситников В. В. Современные теории социального благополучия: сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 39.03.02 Социальная работа. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. 39 с.

Скорынин А. А. К вопросу о структуре психологического благополучия личности // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология, 2020. №2. С. 87–93.

Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2007. 470 с.

Сластенин В. А., Чижакова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию: Учеб.пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.

Смелков М. Ю. Теоретический анализ проблемы социальной адаптации в контексте социализации личности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия Педагогика. 2011. № 4. С. 167–175.

Смирнов А. А., Живаев Н. Г. Психология вузовской адаптации: учеб. Пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 115 с.

Смирнова И. Н. Социальная инфраструктура города в оценках жителей г. Иваново // Вестник Ивановского государственного университета. 2018. Вып. 1. С. 56–61.

Советский город: социальная структура. М.: Мысль, 1988. 286 с.

Соловьев Е. В. Урбанизация и этногенез // Марийский юридический вестник. 2012. Выпуск 9. С. 74–81.

Спенсер Г. Основные начала. [Электронный ресурс]. URL: https://www.printfriendly.com/p/g/7dznsU (дата обращения: 16.05.2018).

Стась И. Н. Исследовательские проблемы в истории урбанизации Севера // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2. С. 34–39.

Стась И. Н. Полемика историков о сущности и результатах урбанизации в России/СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т.24. № 3. С. 112–116.

Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования). Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. 14 с.

Субботина И. А. Демография. Язык. Социальные настроения. Этносоциальные проблемы (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии). Информационно-аналитический бюллетень № 3. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. 24 с.

Татаренко Н. В. Кросс-культурное исследование удовлетворенности жизнью и мотивации достижения (на примере российской и украинской выборки). [Электронный ресурс]. URL: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/22542/2018_469_tatarenkonv.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 09.08.2021).

Терещенко О. В. Потенциал городов: методы статистического изучения. Новосибирск: Издательство НГУ, 1991. 174 с.

Тиникова Е. Е. Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Абакан., 2017. 125 с.

Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 15–43.

Тишков В. А. Мировые мегаполисы и проблемы межэтнического согласия// Жизнь национальностей. 2010. № 3. С. 41–47.

Томаска А. Г. Демографические факторы социальной адаптации учащихся – сельских мигрантов коренных малочисленных народов

Севера (на примере Республики Саха – Якутия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 141-146.

Трофимов А.В. Российская историческая урбанистика: проблемы историографии // Город, социум, среда: история и векторы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2017. С. 25–29.

Тьерри Л. Социокультурная адаптация: сущность и функции // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 10.С. 76–78.

Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. Абакан, 1990. 100 с.

Холина М. В. Исследования истории малого советского города в отечественной и региональной историографии // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 3. С. 167–175.

Хольшина М. А., Брюханцева О. А. Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува // Молодой ученый. 2015. № 23 (103). С. 855–857.

Хорев Б. С. Проблемы городов. М.: Мысль, 1975. 428 с.

Хорев Б. С., Безденежных В.А., Быкова Н.В. Мировой урбанизм на переломе. М.: Изд-во МГУ, 1992. 111 с.

Хорев Б. С., Лиходед В. Н. Житель села – работник города. М.: Финансы и статистика, 1982. 95 с.

Что мы знаем о современных российских пригородах?: Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара / Под ред. А.С. Бреславского. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 220 с.

Чуркин М. К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сибирские исторические исследования. 2013. №1. С. 18–30.

Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9. С 81–88.

Шевелева Е. А. Проблемы развития высшего профессионального образования в малых и средних городах // Регионология. 2010. № 4(73). С. 159–166.

Шибутани Т. Социальная психология: учеб. пособие / Пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. 544 с.

Шпак Л. Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 50–55.

Шулбаев В. К. Хакасия в 1990-е годы XX века: проблемы

социально-экономического развития. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2004. 186 с.

Эфендиев А. Г., Болотина И. Л. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. № 4. С. 83–125.

Юркевич Г. П. Теория социальной адаптации в истории социологических учений // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 10. С. 101–116.

Юркина М. С. Структурно-функциональные характеристики вузовской адаптации студентов: дис. …канд.псих.наук: 19.00.05. Ярославль, 2015. 220 с.

Яницкий О. Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117–126.

Яницкий О. Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М.: Наука, 1975. 333 с.

Янкова З. А., Родзинская И. Ю. Проблемы большого города: опыт социологического исследования. М.: Наука, 1982. 179 с.

Ярушин Н. Н., Сатонина Н. Н. Ценности и социально-психологическая адаптация сельской и городской студенческой молодежи // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2007. № 2. С.147–152.

Boxman E. A. W., De Graaf P.M., Flap H. D. The Impact of Social and Human Capital on the Income Attainment of Dutch Managers // Social Networks. 1991. P. 51–73.

Dedeoglu S. Survival of the Excluded: Azerbaijani Immigrant Women's Survival Strategies and Industrial Work in Istanbul // Migration Letters. 2011. Volume: 8. № 1. P. 26–33.

Erman T. Becoming "urban" or remaining "rural": The views of Turkish rural-to-urban migrants on the "integration" question // International Journal of Middle East Studies. 1998. T. 30. № 04.P. 559. P. 541–561.

Hlatshwayo N., Wotela K. Social Capital as Survival Strategy for Immigrants in South Africa: A Conceptual Framework // In Immigration and Development. 2018. P. 109–135.

Rooks G., Szirmai A., Sserwanga A. Social Capital and Innovative Performance in Developing Countries. The Case of Ugandan Entrepreneurs // 7th Globelics conference on Inclusive Growth, Innovation and Technological Change. 2009. P. 1–34.

Uteubayev T. Labour migration and remittances: strategy for survival or development? // Information Technologies, Management And Society. 2017. 10(1). P. 24-29.

Тиникова Е. Е., Лушникова О. Л.

УРБАНИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ХАКАСИИ К ГОРОДСКИМ УСЛОВИЯМ

Монография

Компьютерное обеспечение:
Дувакина Н. М.

Оформление по материалам INTERNET

Подписано в печать 06.05.2024. Формат 60x90 1/16.
Усл.печ.л. 13,65. Уч.-изд.л. 13,88. Тираж 500 экз.
Св-во № 1051901115200 от 22.12.2005.

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе «RISO»
г. Абакан, ул. Промышленная, 31
Тел. 8-923-390-33-63
E-mail: ninelk@ya.ru